Ф. И. НОТОВИЧ

ОТ ПЕРВОЙ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

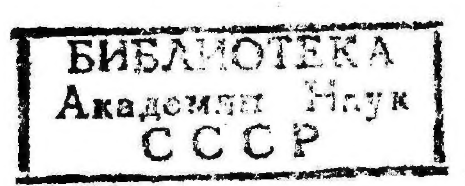
ГОСИЗДАТ УзССР
ТАШКЕНТ — 1943

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ф. И. НОТОВИЧ
доктор исторических наук

ОТ ПЕРВОЙ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

КРАТКИЙ ОЧЕРК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ в 1919—1942 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УзССР
ТАШКЕНТ — 1943

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Е. Кингисепп*

Подписано к печати 28/XII—1942 г. Р 7856. Печ. л. $13^1/_4$ по 76704 зн. Автор. л. 12,7. Тираж 5000 экз. Цена 3 р. 70 к.

Ташкентская типография № 1. 1943 г. Заказ № 1297.

Версальская система.

Через полгода после подписания Компьенского перемирия 1918 г. победители Германии закончили на Парижской мирной конференции 1919 г. составление проектов мирных договоров и вручили их 7 мая вызванным в разное время в Версаль уполномоченным Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и Оттоманской империи (султанской Турции).

Мирные договоры оформили новый передел Европы, Африки, значительной части Азии и островов Тихого океана. Они оформили разрушение в конце 1918 г. Австро-Венгрии и создание на ее развалинах независимых национальных государств; отнятие у Германии ранее захваченных Пруссией французских, датских и польских земель; передачу болгарской части Фракии и Деде-Агача Греции, а Струмицы — вновь образовавшейся, вместо Сербии, Югославии; разрушение Оттоманской империи и образование на ее месте ряда зависимых от победителей государств; передачу германских колоний в Африке — Англии и Южно-Африканскому союзу, Бельгии и Франции, а тихоокеанских островов — Японии, Англии, Австралии и Новой Зеландии.

Мирные договоры обязывали Германию и ее бывших союзников отменить всеобщую воинскую повинность и содержать небольшие наемные армии со строго ограниченным количеством вооружения. Германии было запрещено иметь военную авиацию, подводный флот, тяжелую артиллерию и производить больше вооружения, чем это нужно было для ее небольшой наемной армии. Ей было разрешено иметь шесть крейсеров, водоизмещением в 10 тыс. тонн каждый, и определенное количество эсминцев и других мелких кораблей, предназначенных для обороны.

За причиненные германскими армиями разрушения и систематическое расхищение имущества в оккупированных ими областях на Германию была возложена большая

контрибуция (репарация), сумма которой была установлена лишь в 1921 г. в 132 миллиарда золотых марок. Германия обязана была поставлять натурой материалы, топливо (уголь), скот, железнодорожный подвижной состав и пр. для восстановления расхищенного имущества и разрушенных ее армиями городов и сел Франции, Бельгии, Сербии и других стран.

По *Версальскому мирному договору*, подписанному 28 июня 1919 г., Германия вернула Франции Эльзас и Лотарингию, Дании — Северный Шлезвиг и уступила Бельгии две небольшие территории — Эйпин и Мальмеди. Германия далее вернула восстановленной Польше ее старые территории — Познань, часть Верхней Силезии, небольшие полосы Западной и Восточной Пруссии по обоим берегам Вислы (так называемый Польский или Данцигский коридор).

Город Данциг и его окрестности были отделены от Германии; из них было образовано отдельное государство — вольный город Данциг — под управлением Лиги наций. В управление Лиги наций была также передана небольшая литовская территория на правом берегу Немана — Мемель. Лига наций, в свою очередь, передала позже Мемель Литве.

Саарский угольный бассейн был временно отделен от Германии и отдан в управление Лиги наций. Угольные шахты были переданы в собственность Франции в возмещение за разрушение германскими армиями угольных копей в Северной Франции и расхищение промышленного оборудования. Всенародное голосование должно было через 15 лет решить вопрос о государственной принадлежности Саарской области.

Левый берег Рейна был оккупирован союзными войсками в качестве гарантии выполнения Германией обязательств договора и подлежал очищению через 15 лет — после выполнения Германией возложенных на нее обязательств.

Левый берег Рейна и 50-километровая полоса на его правом берегу подлежали демилитаризации (разрушению всех укреплений). В демилитаризованной зоне запрещалось размещать немецкие гарнизоны.

Сен-Жерменский (10 сентября 1919 г.) и *Трианонский* (4 июня 1920 г.) *мирные договоры* признали независимость образованных в октябре 1918 г. на территории бывшей австро-венгерской монархии трех национальных государств — Австрии, Венгрии и Чехословакии. Часть территории Австро-Венгрии, заселенная славянскими народами, была передана восстановленной Польше и созданной вме-

сто Сербии Югославии (объединение сербов, хорватов и словенцев в одно государство), а заселенная итальянцами и румынами часть — Италии и Румынии. Немецкой Австрии было запрещено присоединиться к Германии, а Германия обязалась не присоединять немецкую Австрию к себе.

Австрии и Венгрии было разрешено иметь небольшую наемную армию. Они так же, как и Германия, были обязаны уплачивать репарации за разрушения, произведенные во время войны австро-венгерскими армиями.

По *Нейискому договору*, подписанному 27 сентября 1919 г., Болгария уступила Югославии Струмицу, а Греции — часть Фракии с портом Деде-Агач. На Болгарию была наложена контрибуция (репарация) в возмещение убытков за причиненные ее армиями разрушения в Сербии и Румынии. Ей также было разрешено иметь небольшую наемную армию.

Севрский договор от 20 августа 1920 г. закреплял отделение от Турции всех нетурецких территорий. За султанской Турцией оставалась небольшая территория в Анатолии, а в Европе только город Стамбул (Константинополь). На арабской территории бывшей Оттоманской империи были созданы зависимые от Англии и Франции государства — Сирия, Палестина, Ирак, Геджас и Армения.

Лига наций.

Обязательной частью каждого из этих договоров являлся устав Лиги наций, который содержал правила, обязательные для всех его членов.

Члены Лиги наций — так была названа международная организация, созданная для охраны нового, послевоенного мирного режима — обязывались впредь не вести войн между собой и разрешать все возникающие между ними споры и конфликты мирным путем.

Устав предусматривал в будущем для всех членов Лиги сокращение и ограничение сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил до уровня, совместимого с сохранением порядка внутри страны, и введение контроля над производством вооружения. Для начала же было проведено сокращение вооружений побежденных государств.

Статья 10 устава обязывала всех членов Лиги наций „уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги“ и предлагала ее исполнительному органу — Совету Лиги наций —

выработать меры „к обеспечению выполнения этого обязательства в случае нападения, угрозы или опасности нападения“.

Согласно статье 16 устава всякий член Лиги наций, начавший войну против другого члена Лиги, рассматривался как нарушитель мира; все члены Лиги обязывались „немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить отношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего мир“.

Лига наций гарантировала всем вновь образовавшимся государствам, как и всем своим членам, независимость и территориальную неприкосновенность на основе коллективной защиты безопасности и мира.

Статья 22 устава Лиги наций устанавливала принципы и гарантии, на основе которых должны были управляться колонии и народы, которые до войны находились в подчинении Германии и Оттоманской империи и „еще не способны самостоятельно руководить собой в особо трудных условиях современного мира“.

Все бывшие германские колонии и отошедшие от Оттоманской империи области были переданы Лиге наций; она же, в свою очередь, поручала управление ими отдельным странам-победительницам. Страны, которым Лига наций выдавала мандат (полномочие) на управление какой-либо колонией или областью, т. е. страны, которым поручали, по выражению устава, заботу о „благосостоянии и развитии этих народов“, должны были осуществлять эту „священную миссию цивилизации“ и отчитываться в своих действиях перед ней. Такие страны назывались *странами-мандатариями*, а находившиеся под их опекой области — *подмандатными областями*. Все такие области и колонии были разделены на три категории.

Почти все арабские области, принадлежавшие ранее Оттоманской империи, были зачислены в категорию достигших такой высокой степени развития, что они могли быть признаны независимыми при условии, что „советы и помощь мандатария будет направлять их управление впредь до того момента, когда они окажутся способными сами руководить собой“. Мандаты на управление этими областями были переданы Англии и Франции.

Бывшие колонии Германии в Центральной и Восточной Африке должны были управляться мандатариями на условиях, которые обеспечивали запрещение торговли рабами, оружием и алкоголем; им гарантировали свободу вероисповедания; запрещалось строить укрепления или военные базы на подмандатной территории, и другим чле-

нам Лиги гарантировались „условия равенства обмена и торговли“. Мандаты на управление этими колониями были переданы Англии, Франции и Бельгии.

Малонаселенные территории в юго-западной Африке и некоторые острова на Тихом океане должны были управляться по законам мандатария как часть собственной его территории, но с соблюдением интересов местного населения. Мандаты на эти острова получили Англия, Южно-Африканский Союз, Япония, Австралия и Новая Зеландия.

Все страны-мандатарии, независимо от категории подмандатных областей, обязаны были посылать ежегодные отчеты о своей деятельности в подмандатных областях в Совет Лиги наций, который обсуждал их на специальных заседаниях и выносил определенные решения о проделанной мандатарием работе.

Соблюдение устава Лиги наций вменялось в обязанность всем ее членам. В Лигу наций вошло подавляющее большинство государств всего мира.

Хотя президент США Вильсон был главным инициатором создания Лиги наций, Соединенные штаты Америки не вошли в нее, так как Конгресс не ратифицировал Версальского мирного договора. Одной из причин отказа Конгресса было, что Версальский договор закрепил за Японией то исключительное положение, которое она заняла в годы войны (1914—1918 гг.) на Тихом океане и в Китае. Американская буржуазия была озлоблена тем, что Англия и Франция не поддержали на Парижской конференции 1919 г. требований США, направленных на обуздание аппетитов Японии, в результате чего японский империализм усилился на Дальнем Востоке в ущерб интересам США. Версальский договор не только не отменил навязанных Японией Китаю в 1915 г. кабальных условий, известных под названием „21 требование“, но фактически признал оккупацию Японией Шаньдуня. Американская буржуазия была также крайне недовольна закреплением Японии (под видом мандатария) на Маршальских, Марианских и Каролинских островах, что ухудшало стратегическое положение США в Тихом океане. Одной из причин отказа ратифицировать Версальский договор и войти в Лигу наций было нежелание американского финансового капитала брать на себя ответственность за мирные договоры. Пришедшая к власти республиканская партия,— партия финансового капитала,— хотела изолировать США от Европы и по возможности не вмешиваться в европейские дела.

Из крупных европейских государств в Лигу наций не была принята Германия. Недоверие победителей к ней было так велико, что требовался достаточный испытательный срок до признания желательности ее возвращения в семью народов.

Советская республика сама не изъявляла желания в те годы вступать в Лигу наций.

Политический и правовой режим, установленный мирными договорами после первой мировой империалистической войны, принято называть *версальской системой.*

Версальская система означала закрепление передела мира в пользу победителей. Она разделила государства на полноправные и неполноправные, на победителей и побежденных, заставила побежденные государства возместить причиненный ими победителям экономический ущерб, наложила на них правовые ограничения и фактически подчинила ряд назависимых государств — Чехословакию, Польшу, Югославию, Албанию, Грецию, Румынию и др. — влиянию держав-победительниц. Она отдала под управление и контроль держав-победительниц отобранные у Германии колонии и отошедшие от Оттоманской империи арабские и другие страны.

Последствия первой мировой империалистической войны и ее результат — версальская система — легли тяжелым бременем на трудящиеся массы большинства европейских стран. Народы Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и Турции были поставлены в невыносимые материальные и правовые условия. „...Передовые народы, — говорил Ленин, — оказались на положении колониальной зависимости, нищеты, голода, разорения и бесправности, ибо они на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил"[1].

От войны выиграла Америка, которая „всецело превратилась из страны, имевшей массу долгов, в страну, которой все должны"[2]. Война оказалась выгодной и для Японии, которая „выиграла очень много, оставаясь в стороне от европейско-американского конфликта и захватывая громадный азиатский материк"[3], и для Англии, „которая после этих стран выиграла больше всех"[4].

Мирный режим, установленный Версальским и другими

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXV, стр. 332.

[2] Там же, стр. 333.

[3] Там же.

[4] Там же.

мирными договорами для побежденных стран, был тяжелым. Но не следует забывать, что тот мир, который готовил германский империализм народам Европы и от которого они избавились лишь благодаря разгрому Германии армиями союзников, был бы несравненно тяжелей Версальского мира.

Германские империалисты уже в первые годы войны выработали условия „немецкого“ мира, согласно которым вся Европа должна была стать колонией Германии, все побежденные народы должны были лишиться всех национальных прав и всего имущества и работать на немецких господ. Такую же участь немецкие империалисты готовили и народам Азии и Африки. Брестский мир был наглядным показателем того, какое содержание германская буржуазия и юнкерство вкладывают в понятие „мир“, если они оказываются хотя бы временно победителями.

При оценке результатов первой мировой империалистической войны и версальской системы необходимо также учесть, что, благодаря разгрому Германии, Австро-Венгрии и Оттоманской империи, ряд жизнеспособных народов вновь получил утерянную ими государственную независимость. Это является несомненно положительным фактом. Поляки и чехи были освобождены от векового немецкого гнета и образовали независимые государства; южные славяне — сербы, хорваты и словенцы — также веками стонавшие под немецким и венгерским игом, были освобождены и объединены с Сербией в одно государство — Югославию; австрийские итальянцы были объединены с Италией, а трансильванские румыны — с Румынией. И арабские народы Оттоманской империи были поставлены в гораздо лучшее положение, чем до войны.

Правда, при определении территории вновь образовавшихся государств — Польши и Чехословакии — был нарушен принцип права нации на самоопределение. Так, например, Польше было передано несколько миллионов украинцев, Чехословакии — значительные немецкие национальные меньшинства, осевшие на искони славянских землях в годы немецкого господства. Принцип самоопределения был нарушен и при присоединении к Италии австрийских территорий, где жили значительные немецкие и славянские национальные меньшинства, и при передаче Румынии некоторых территорий со значительными венгерскими, украинскими и сербскими меньшинствами. Но, несмотря на это, освобождение поляков, чехов, словаков и объединение южных славян, итальянцев и румын остается положительным фактом.

Господствующее положение в версальской системе заняли Англия и Франция. Соперничая друг с другом, они руководили Лигой наций как аппаратом контроля над выполнением побежденными государствами их обязательств и превратили ее в орудие своей империалистической политики. На этой почве начались уже в первые месяцы после заключения мирных договоров разногласия и конфликты между английскими и французскими империалистами.

Руководящей линией империалистической политики французской буржуазии было стремление к закреплению гегемонии Франции в континентальной Европе и к обеспечению ее безопасности, т. е. сохранению созданного мирными договорами положения. Но так как Лига наций, которая должна была охранять ненарушимость мирных договоров, не располагала военной силой, то правящие круги французской буржуазии попытались создать дополнительные гарантии безопасности Франции при помощи целой системы военных союзов.

Вновь созданные государства, как и те государства, которые расширили свои территории за счет исчезнувшей австро-венгерской монархии, не чувствовали себя прочно. Они сознавали, что когда Германия оправится, то она попытается восстановить прежнее положение. Чувство самосохранения и желание отстоять свою независимость, свободу и национальную самобытность толкали эти государства к сближению.

Так была создана при участии Франции в 1921 г. *Малая Антанта* — военный союз Чехословакии, Румынии и Югославии, — задачей которой была защита независимости и территориальной целостности этих трех стран против возможных попыток нападения Германии, Венгрии и Болгарии. Франция поддерживала Малую Антанту, заключила военные союзы со всеми входящими в нее государствами, а также с Польшей и Бельгией, и оказывала им финансовую поддержку и военно-техническую помощь их армиям. Этим путем Франция пыталась создать себе недостающую ей гарантию безопасности. Политическая цель руководимого Францией военного союза государств заключалась в охране ненарушимости европейских границ, установленных мирными договорами, и в подавлении силой всяких возможных попыток со стороны Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии к изменению версальской системы в Центральной Европе.

Версальская система была неразрывно связана с первой империалистической войной 1914—1918 гг. и не устра-

няла ни одного из коренных империалистических противоречий, которые вызвали эту войну; напротив, она усугубляла их и порождала ряд новых противоречий, которые неизбежно вели к новым войнам. Так, англо-германские противоречия не были и не могли быть разрешены или уничтожены Версальским договором; они были лишь загнаны вглубь, временно сняты с очереди, чтобы через 15 лет возродиться с новой силой и послужить причиной другой, еще более чудовищной войны за мировое господство, чем была война 1914—1918 гг.

Уклоняясь от участия в европейской политике, США тем не менее сильно влияли на нее путем экономического и финансового воздействия.

В результате чрезвычайного расширения производства и экономического усиления в годы войны США и превращения их в мирового кредитора, при одновременном обнищании Европы, в лице США вырос новый могущественный соперник, заявивший свое „право" на мировое господство. Избавившись временно от германского соперничества, английский империализм, ослабленный войной, столкнулся с новым претендентом.

Англо-американские послевоенные империалистические противоречия и соревнование в области морского строительства, колониальной и торговой конкуренции, их ожесточенная борьба за захват мировых месторождений нефти и каучука, за капиталовложения и рынки сбыта в Южной Америке, Канаде, Австралии, Китае были настолько многообразны, широки и остры, что в первые десять лет после Версаля многим серьезным политическим наблюдателям казалась неминуемой война между США и Англией. Этого, однако, не случилось, так как обе англо-саксонские страны, наряду с противоречиями, имели еще более крупные общие интересы по охране мировых источников сырья и громадных богатств, находившихся в их владениях. По мере того, как становилась все более реальной угроза общим интересам США и Англии со стороны Германии и Японии, их противоречия стали смягчаться и отошли на задний план.

В исходе войны усилился японский империализм, который начал предъявлять притязания на монопольное господство в восточной Азии и в восточной части Тихого океана. Японская экспансия была направлена против интересов английского и американского капитала, в результате чего отношения между Японией и США, с одной стороны, и Японией и Англией, с другой, постоянно ухудшались, неизбежным последствием чего явилось вооруженное столкновение в 1941 г.

Мирные договоры способствовали накоплению в очень короткий срок такого количества горючего материала, что в любой момент мог возникнуть новый империалистический пожар небывалой силы.

Версальская система должна была, по замыслам ее творцов, излечить капитализм от его недугов, восстановить его былую мощь. На деле же она вела к расшатыванию капиталистической системы и к еще большему обострению общего кризиса капитализма.

Вашингтонская конференция.

Мирные договоры объявили разрешенными навсегда все противоречия между победителями и побежденными, хотя никто не питал никаких иллюзий насчет долговечности самих мирных договоров. Не только побежденные, но и победители знали, что мирные договоры недолговечны, что побежденные государства и народы будут выполнять их лишь до тех пор, пока не залечат свои раны, не окрепнут и не наберутся новых сил для борьбы, чтобы потребовать отмены наиболее тяжелых условий мира. Однако на короткое время победители чувствовали себя свободными от опасности со стороны своих вчерашних соперников.

Если так обстояло дело с побежденными, то совсем иную картину представляли взаимоотношения между победителями. Мирные договоры установили обязательный режим для побежденных, но они не установили и не могли установить определенного и обязательного режима для победителей. Наоборот, все старые империалистические противоречия между Великобританией и США, Японией и США, Великобританией и Францией, Италией и Францией, лишь временно отодвинутые в годы войны на задний план, не были ликвидированы и не были разрешены.

Мирные договоры породили ряд новых противоречий между странами-победительницами. Возобновление соперничества между ними на новой, расширенной основе началось еще до заключения перемирия с Германией. Столкновения противоречивых интересов буржуазии стран-победительниц во время установления границ новых государств в Европе, редактирования устава Лиги наций, статей о репарациях и статей, касающихся дальневосточных дел, достигли уже на Парижской конференции 1919 г. такой силы и остроты, что они неоднократно угрожали полным разрывом сношений и разъездом мирных делегаций по домам.

Война ослабила и отбросила германский империализм на много лет назад. Со стороны Германии не угрожала в ближайшие годы непосредственная опасность. Царизм сгорел в огне социалистической революции. Оба эти обстоятельства способствовали крайнему усилению французского империализма на континенте Европы. Гегемония Франции не находила ниоткуда противодействия. Это ослабило позиции Англии на континенте и одним рывком разладило установившиеся с 1904 г. „сердечные" отношения между нею и Францией. Традиционная борьба Англии за поддержание политики равновесия на европейском континенте, ради сохранения которой Англия вела войны в течение веков, вновь вступила в свои права. Вскоре после заключения мира английский премьер-министр Ллойд Джордж пригласил к себе находившегося в Лондоне французского премьера Клемансо и спросил его, что он хотел бы ему сказать. Суровый француз ответил: „Я хочу Вам сказать, что на следующий день после перемирия я в Вас нашел врага Франции". На это Ллойд Джордж хладнокровно возразил: „Ну что же, разве это не наша традиционная политика?".

Однако не англо-французские и не японо-американские противоречия занимали центральное место в борьбе между странами-победительницами на второй день после подписания мирных договоров, и не они дали окраску международным отношениям в первые годы после Версаля. Из всех упомянутых империалистических противоречий наиболее обширными, глубокими и острыми были англо-американские противоречия; они господствовали над всеми другими, и можно без преувеличения сказать, что они наложили свой отпечаток на международные отношения 20-х годов нашего столетия.

Уже до заключения перемирия с Германией и на Парижской мирной конференции 1919 г. американский империализм возобновил борьбу за „свободу морей", временно снятую им с повестки дня после вступления США в войну. Правительство США требовало включения в мирный договор пункта о признании „абсолютной свободы мореплавания вне территориальных вод как в мирное, так и в военное время, исключая те случаи, когда моря могут быть закрыты полностью или частично международным действием для обеспечения исполнения международных договоров". Английское правительство категорически отклонило требование Америки, мотивируя это тем, что Германия побеждена не одним оружием. Значительную роль в этом деле сыграла морская блокада, и было

бы несправедливо лишать Великобританию этого грозного оружия, которое было так эффективно использовано ею для общего блага союзников. Англию поддерживали Франция, Италия и Бельгия, и США не удалось провести своей точки зрения.

„Свобода морей“ была лишь одним из множества англо-американских противоречий. На Парижской конференции возникли острые разногласия по вопросу, тесно связанному со „свободой морей“, а именно по установлению соотношения между английским и американским боевым флотом.

Правительство США приступило уже в 1916 г. к постройке грандиозного военного флота, который не должен был уступать по своей мощи ни одной другой державе. Во время войны США и Англия договорились о том, что на верфях Америки будут строиться, вместо дредноутов, эсминцы и другие мелкие суда, необходимые для борьбы с германскими подводными лодками.

Временно приостановленное выполнение морской программы 1916 г. было возобновлено уже в начале 1919 г. в еще более крупных размерах. Новая судостроительная программа 1919 г. предусматривала постройку 10 линейных крейсеров, 10 легких крейсеров и 130 мелких кораблей, стоимостью в 616 миллионов долларов. Новые американские линейные корабли должны были превосходить по своим размерам и мощности любые корабли британского или японского флотов и быть, по выражению одного официального американского документа, „в состоянии потопить лучшие британские или японские корабли, прежде чем их огонь может повредить наши“.

Английское правительство прилагало большие усилия к тому, чтобы побудить Вильсона отказаться от новой судостроительной программы; оно настаивало на признании им особого морского положения Англии и добивалось получения гарантии в том, что США не будут доводить морское соревнование до такого состояния, чтобы оно представляло угрозу первенству англичан на морях. Вильсон отказался дать такие гарантии.

Американские морские эксперты доказывали, что в результате мировой войны стратегическое положение США с их огромным морским побережьем резко ухудшилось. Ни британский, ни германский флот не могли решиться до 1914 г. на дальнее плавание без серьезного риска, что соперник не использует благоприятной обстановки для нанесения смертельного удара. Оба флота парализовали друг друга и заставляли постоянно держать главные силы

в отечественных водах. Это обеспечивало безопасность США. Германского флота больше не было, поэтому великобританский флот оказался „в положении беспримерной силы“ и получил полную свободу движения. „В Европе,—писал начальник американского морского штаба адмирал Бенсон в представленном Вильсону специальном меморандуме,—не осталось никакого флота, способного оказать какое бы то ни было реальное сопротивление британскому флоту... Мы не считаем эти условия рассчитанными на то, чтобы способствовать нашим справедливым интересам или благополучию мира“. „Исчезновение германского флота закрепило за Великобританией монополию на морях, контроль над международными путями сообщения, подводными кабелями, радиостанциями, гражданской авиацией, судоходством, сырьевыми и топливными ресурсами и т. д.,—продолжал Бенсон.—Британцы откровенно ведут переговоры на мирной конференции в этих целях. Достижение их возможно, главным образом, посредством господства британских сил на море. Никто не может утверждать, что такая монополия осуществляется в интересах всего мира. Возможность новой войны никогда не выходит из головы государственных деятелей, и поэтому мы видим, что британцы уделяют в своих переговорах очень большое внимание охране их военного господства на море“.

В происходивших в Париже в марте 1919 г. переговорах между двумя адмиралтействами англичане добивались сокращения американской морской программы 1916 г. и уничтожения линейных кораблей, вооруженных 16-дюймовыми пушками. Англичане выражали опасение, что завершение намеченной программы может низвести английский флот на второе место. Ллойд Джордж велел передать американскому морскому министру Даниэльсу через первого лорда адмиралтейства Вальтера Лонга: „Великобритания не может согласиться, чтобы какая бы то ни была другая нация имела первенство на морях“. Во время Парижской конференции, по свидетельству Даниэльса, имела место настоящая „морская битва“. Ллойд Джордж сказал Даниэльсу: „Мы приостановили строительство наших крейсеров, а вы должны приостановить строительство ваших крейсеров и дредноутов, если вы действительно верите в Лигу наций“. Даниэльс ему возразил: „США будут готовы руководить сокращением вооружений, когда Лига наций будет в действии и будет безопасно это осуществить, но до тех пор, пока ничто не решено, США не смогут заключить такое соглашение“.

На указание Даниэльса, что тоннаж английского флота и после выполнения американской программы „намного превысит американский флот“, Ллойд Джордж возразил: „Не тоннаж является решающим фактором, но пушки, и если Америка закончит 13 новых дредноутов и 6 линейных крейсеров с их 16-дюймовыми пушками, то эти корабли будут превосходить корабли всякой другой нации“.

Англо-американские переговоры о сокращении морского вооружения окончились так же безрезультатно, как и переговоры о „свободе морей“.

Через месяц после подписания мирного договора, 30 июля 1919 г., полковник Хауз писал Вильсону: „Тотчас же, как я прибыл в Англию, я почувствовал антагонизм в отношении США. Англичане столь же сердечны и гостеприимны, как всегда, в отношении отдельных американцев, но они не любят нас как коллектив. В то время как Британская империя далеко превосходит США по площади и населению и в то время, как ее общее богатство вероятно больше, чем наше, все же наше положение благоприятнее... Отношения между двумя странами начинают принимать тот же характер, как отношения между Англией и Германией до войны“.

Хауз, искренний друг Англии, устрашенный растущей неприязнью между двумя странами, был склонен преувеличивать степень остроты англо-американских противоречий и соперничества, когда он их сравнивал с довоенными англо-германскими противоречиями,— те были глубже и острее. Англо-германские морские противоречия концентрировали в себе, как в фокусе, всю сумму сталкивавшихся интересов и соперничества на почве торговой, промышленной, мореходной, колониальной, финансовой и т. д. Англо-американские же морские противоречия, правда, имели тенденцию к расширению и углублению, но в 1919 г. они далеко не достигали такого уровня, как англо-германские противоречия в 1914 г.

Но Хауз был прав в другом отношении. На фоне всех империалистических противоречий, раскрывшихся во всей своей обнаженности на Парижской конференции, англо-американские противоречия выдвигались на первое место и господствовали над ними.

Англия была заинтересована не в увеличении, а в сокращении своего флота, сильно разросшегося в 1914—1918 гг. при условии, что флот других держав будет меньше английского. Этого требовало финансовое положение страны. Адмиралтейство вывело из строя и наметило к продаже на слом более 1800 вспомогательных

судов. И количество кадровых кораблей было значительно уменьшено сейчас же после войны, как показывают следующие данные:

Категория судов	1919 г.	1921 г.	19 2 г.
Линейные корабли всех типов	42	38	29
Крейсеры	89	80	71
Эскадренные миноносцы	340	190	205
Подводные лодки	147	93	89

Личный персонал английского флота был сокращен в период с 1918 г. по 1921 г. с 415 до 127 тысяч человек.

В ином положении находились США. Колоссальный производственный аппарат страны мог справиться с любой морской программой, а государственные финансы позволили строить столько боевых кораблей, сколько надо для достижения первенства на море.

Несмотря на громадное сокращение корабельного и личного состава, английский флот все же, принимая во внимание гибель германского флота, был сильнее соединенных флотов двух соперничавших с Англией государств.

Морская политика Англии в это время была направлена на улучшение качества боевых кораблей, на утолщение их брони, на установление более мощной артиллерии на кораблях и на повышение качества морских кадров.

В противоположность такой морской политике Англии, направленной не на увеличение, а на реорганизацию и качественное улучшение своих морских сил, Северная Америка и Япония приступили сейчас же после окончания войны к увеличению своих флотов.

Американский флот состоял в 1921 г. из 19 линейных кораблей, вооруженных 12- и 14-дюймовой артиллерией, 250 эскадренных миноносцев и 110 подводных лодок; устарелые корабли составляли флот второй линии. Американский флот вовсе не имел линейных крейсеров и современных легких крейсеров. Новая американская морская программа преследовала определенную цель — сделать в короткий срок американский флот наиболее сильным из всех существующих флотов. Для выполнения такой программы конгресс отпустил единовременно в 1920—1921 бюджетном году 484,5 миллиона долларов и

в 1921—1922 г. 444 миллиона. В 1922 г.в Америке строились четыре линкора по 32 600 тонн с восьмью 16-дюймовыми орудиями на каждом из них; шесть линкоров по 43 200 тонн с двенадцатью 16-дюймовыми пушками на каждом и шесть линейных крейсеров по 43 500 тонн с восьмью 16-дюймовыми орудиями на каждом.

Два обстоятельства мешали еще более быстрому развитию морских сил США: первое — отсутствие достаточного количества высококвалифицированных кадров и невозможность их быстро подготовить из-за недостатка военно-морских учебных заведений и второе — недостаточная вместимость шлюзов Панамского канала, что не позволяло Америке строить корабли больше 35 тысяч тонн и переводить их из одного океана в другой.

Обострение отношений между США и Японией на Дальнем Востоке нашло в те годы свое отражение в знаменитой японской морской программе 1920 г., известной под названием „8—8“ и предусматривавшей постройку 8 линкоров и 8 линейных крейсеров с необходимым для них количеством кораблей других категорий. Во исполнение этого Япония должна была построить 2 линкора по 33 800 тонн, 2 линкора по 41 тысяче тонн, 4 линейных крейсера по 43 тысячи тонн, 2 линкора по 45 тысяч тонн, вооруженных восьмью, десятью и двенадцатью 16-дюймовыми орудиями, 2 линкора и 4 линейных крейсера по 48 тысяч тонн с двенадцатью 18-дюймовыми пушками на каждом.

Из трех соперничавших морских держав Англия стремилась удержать морскую гегемонию, США и Япония стремились догнать Англию и не дать друг другу опередить себя.

Международное положение к 1922 г. стало изменяться в пользу США. Все европейские страны, в том числе Англия, Франция и Италия, были должниками Америки. Бремя расходов на вооружения, в связи с экономическим кризисом, постоянно ухудшало экономическое положение стран-победительниц.

Передача Японии германских островов на Тихом океане приблизила ее к английским доминионам — Австралии и Новой Зеландии, которые усматривали в этом отдаленную угрозу своему существованию Эти доминионы были недовольны тем, что метрополия не смогла предотварить такое опасное соседство. Они были против дальнейшего существования англо-японского союзного договора, который мог поставить их в случае японо-американского вооруженного столкновения в неприязненные отношения к

США, чего они вовсе не желали, так как видели в них своего будущего защитника против Японии. Недовольство Австралии и Новой Зеландии их новым положением угрожало ухудшением отношений с метрополией, что заставило Лондон настороженно прислушиваться к пожеланиям доминионов и по возможности их удовлетворять.

Буржуазия США видела в чрезвычайном усилении Японии величайшую опасность интересам Америки на Дальнем Востоке и в Тихом океане. Она видела в перспективе постоянно надвигающуюся со стороны Японии опасность войны и хотела улучшить свои позиции в будущей схватке. Анализируя японо-американские противоречия после войны, Ленин говорил в конце 1920 г.: „...Перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии,— ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растет и делает войну между Америкой и Японией неизбежной“ [1].

Имея в виду неотвратимость войны с Японией, американская буржуазия решила использовать благоприятно складывающуюся обстановку, в частности большую задолженность Европы Америке, для изменения ряда решений но дальневосточным вопросам, которые были приняты на Парижской конференции в 1919 г. против интересов США. Республиканское правительство Гардинга считало, что настал момент, когда можно добиться того, чего демократическое правительство Вильсона не смогло добиться в Париже. Эти соображения легли в основу предложения США созвать международную конференцию в Вашингтоне с целью пересмотра постановлений, касающихся Дальнего Востока. Однако не эти, а более понятные и популярные соображения были выставлены в качестве официального предлога для созыва конференции.

Защищая внесенную резолюцию о созыве конференции, сенатор Бора заявил 26 мая 1921 г. в сенате: „Если союзники не могут, как они говорят, заплатить нам сейчас свои деньги и в то же время тратят громадные суммы на вооружения, то американский народ вправе требовать, чтобы долги были ему уплачены немедленно. Франция

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 7.

содержит ничем неоправдываемую громадную армию в 800 тысяч человек. Содержание британского флота обошлось Англии в 1921 г. в 191 миллион фунтов стерлингов, а армии — в 492 миллиона и, кроме того, на месопотамскую экспедицию за два месяца истрачено 10 миллионов. В результате американские плательщики налогов несут на своих плечах тяжесть французских и английских расходов в добавление к своим собственным. Это ненормально и должно быть обсуждено на конференции".

На конференцию были приглашены правительства всех стран, имеющих владения и интересы в Тихом океане и на Дальнем Востоке — Англии, Франции, Италии, Японии, Китая, Голландии, Бельгии и Португалии, кроме правительства Советской республики. Государственный департамент официально заявил 21 сентября 1921 г.: „Конференцией будут приняты решения, которые не нарушат прав России. На конференции будут установлены общие принципы международных действий, которые заслужат и встретят поддержку народов Восточной Сибири и всей России вследствие их справедливости и целесообразности и которые имеют целью урегулирование существующих ныне затруднений".

Советское правительство дважды протестовало против неприглашения его на конференцию и заявило, что не признает принятых без его участия решений. В ноте Народного комиссара по иностранным делам от 21 ноября 1921 г. говорилось, что народы Советской республики не позволят насиловать их волю и обращаться с ними как с безгласными объектами чужих решений. „Каковы бы ни были гласные соглашения, которые будут приняты в Вашингтоне, — сказано в ноте, — всегда останется подозрение и почти уверенность в том, что заключены также и тайные соглашения в ущерб России, и в международные отношения будет внесен лишний элемент недоверия, подозрения и осложнений. При таких условиях решения Вашингтонской конференции должны явиться лишь источником новых конфликтов и потрясений".

Открывая 21 ноября 1921 г. конференцию, президент Гардинг призывал представителей всех стран приложить усилия к заключению такого соглашения, которое позволило бы сократить вооружения и установить равновесие государственных бюджетов. Президент заявил, что „переговоры будут словами народов, уставших от войны. Мы ни в ком не подозревали врага. Ничье самолюбие не должно быть унижено, никакая национальность не

должна быть подавлена, — мы надеемся установить лучший порядок, который вернет спокойствие миру".

Правительство США предложило конференции тщательно разработанный план сокращения морских вооружений всех категорий судов. Англия дала согласие на сокращение своего флота при условии, что Франция сократит свою армию, мотивируя это тем, что сокращение одних морских вооружений еще не является действительным предупреждением опасности войны. США были заинтересованы в сокращении японской армии не меньше, чем Англия была заинтересована в сокращении французской сухопутной армии. Сопротивление Франции, Японии и Италии привело к полной неудаче попытки добиться сокращения сухопутных армий.

Что касается морских вооружений, то к моменту созыва конференции соотношение тоннажа линейных кораблей трех морских держав (в тоннах) было следующее:

	В строю	В постройке
Великобритания	1 015 825	172 000
Соединенные Штаты Америки	728 390	618 000
Япония	459 528	289 130

Эти данные показывают, что Англия имела гораздо больше готовых кораблей, чем США и Япония, но зато ее соперницы строили гораздо больше новых кораблей, чем „владычица морей". Финансовое положение Англии требовало замедления, если не прекращения строительства новых линкоров.

В результате острой борьбы 6 февраля 1922 г. был подписан договор между США, Англией, Японией, Францией и Италией об ограничении морских вооружений, касающийся лишь линейных кораблей и авианосцев. Этот договор устанавливал на 10 лет отношение между тоннажем линкоров договорившихся стран как 5 (США): 5 (Англия): 3 (Япония): 1,75 (Франция): 1,75 (Италия). Остающиеся в строю линкоры не должны иметь артиллерию калибра, превышающего 16 дюймов. Линкоры и авианосцы могут быть заменены после их пребывания 20 лет в строю новыми кораблями этой же категории. Водоизмещение линкоров не должно превышать 35 тысяч, а авианосцев 27 тысяч тонн. Общий тоннаж линкоров, установленный статьей 4 договора, был: для Великобритании и США по 525 тысяч тонн, для Японии 315 тысяч тонн и для Франции и Италии по 175 тысяч тонн. Тоннаж авианосцев был определен: для Англии и США по 135 тысяч тонн, для Японии 81 тыся-

ча и для Франции и Италии по 60 тысяч тонн. Из наличного состава линейного флота Англия сохраняла 20 линкоров с общим тоннажем в 580 450 тонн, США 18 линкоров с тоннажем в 525 850 тонн, Япония 10 линкоров с тоннажем в 301 320 тонн. Все же остальные линкоры,—и те, которые находились в строю, и те, которые уже строились,—подлежали уничтожению. Англия должна была сломать 19 кораблей (411 375 тонн), США 15 кораблей (227 тысяч тонн), Япония 10 кораблей (160 тысяч тонн). Пять договорившихся держав обязались не строить кораблей (крейсеров) водоизмещением выше 10 тысяч тонн, вооруженных орудиями калибра выше 8 дюймов (152 миллиметров).

Статья 19 Вашингтонского договора обязывала Британскую империю, США и Японию сохранять „существующее положение к моменту подписания трактата в отношении укреплений и морских баз“ в их островных владениях на Тихом океане, за исключением прилегающих к побережью США островных владений Канады, Австралии и Новой Зеландии. Это означало, что эти три страны обязались не возводить новых укреплений и не строить морских баз на своих островных владениях, расположенных в точно определенных районах Тихого океана.

Вашингтонский договор пяти держав от 6 февраля 1922 г. признал, таким образом, равенство линейного флота США с линейным флотом Англии. Он запретил строить линкоры водоизмещением выше 35 тысяч тонн и авианосцы выше 27 тысяч тонн. Эти решения имели особое значение для США, которые из-за недостаточной емкости шлюзов на Панамском канале не могли переступить этот предел. Договор пяти держав ограждал их от опасности появления таких линкоров у Японии. Этот договор задержал на 10 лет (срок продолжительности действия договора) соперничество в строительстве линкоров, но не прекратил соперничества в строительстве всех других категорий судов, на которые ограничения Вашингтонского договора не распространялись.

Англией, Францией, США и Японией еще 13 декабря 1921 г. был подписан договор, по которому они обязались „уважать в своих взаимоотношениях право каждой из них на свои островные владения и островные территории в районе Тихого океана“. Эта взаимная гарантия островных владений четырех держав в Тихом океане явилась компенсацией за англо-японский союз, расторжения которого требовали США, Австралия и Новая Зеландия.

Статья 4 этого договора устанавливала, что, после его ратификации всеми четырьмя правительствами, „потеряет силу соглашение между Великобританией и Японией, заключенное в Лондоне 13 июля 1911 г.“.

Под нажимом США Япония вынуждена была отказаться от значительных прав и преимуществ, приобретенных ею в Китае по Версальскому договору. Согласно подписанному 4 февраля 1922 г. японо-китайскому договору Япония обязалась возвратить Китаю Шаньдун, вывести свои войска, передать китайскому правительству железные дороги, бывшие германские концессии и т. д. Япония была далее принуждена отказаться от некоторых очень важных преимуществ, полученных ею от Китая в результате навязанных ему в 1915 г. „21 требования“, ограничивавших суверенитет Китая.

Японский делегат Шидехара был вынужден заявить от имени своего правительства на конференции 23 января 1922 г., что оно „ныне серьезно занято вопросом о том, каким образом оно может привести в исполнение свое решение о полном отозвании японских войск из Приморской губернии“ и что „военная оккупация русского Сахалина является лишь временной мерой“.

Правительство США, однако, не удовлетворилось заявлением Шидехары. Статс-секретарь Юз счел нужным огласить на конференции ноту, посланную им 31 мая 1921 г. Японии, в которой между прочим говорилось: „В виду своего убеждения, что метод, усвоенный себе японским правительством, ставит под сомнение весьма ясное соглашение, заключенное в то время, когда в Сибирь были посланы войска, правительство Соединенных Штатов должно откровенно разъяснить свою позицию и заявить японскому правительству, что правительство Соединенных Штатов не может ни нынче, ни впоследствии признать заслуживающими внимания какие-либо претензии или титулы, возникшие из нынешней оккупации и контроля, и что оно не может согласиться на принятие японским правительством каких-либо мер, которые нарушали бы существующие договорные права или политическую или территориальную неприкосновенность России“. Установив точку зрения США на сибирский вопрос, американский министр выразил надежду, что „причина к расхождению во взглядах между обоими правительствами будет устранена возможно скорее“ и что „Япония найдет возможным в ближайшем будущем выполнить выраженное ею намерение положить конец сибирской экспедиции и вернуть Сахалин русскому народу“.

Юзу пришлось бы долго ждать выполнения Японией ее обещания, если бы Красная Армия и советские партизаны не изгнали в конце 1922 г. японских оккупантов и не освободили от них советский Дальний Восток.

6 февраля 1922 г. был подписан в Вашингтоне договор девяти держав (Англия, США, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Китай и Португалия). Согласно этому договору, девять держав обязались „уважать суверенитет, независимость и территориальную и административную целостность Китая“, поддерживать принцип „открытых дверей“ и „равных возможностей для торговли и промышленности всех наций на всей территории Китая“, воздерживаться от использования слабости Китая „в целях искания специальных прав и преимуществ в ущерб правам подданных или граждан дружественных держав“.

На Вашингтонской конференции США одержали крупную дипломатическую победу. Они добились признания права иметь равный по тоннажу и мощи линейный флот с Англией; они добились далее отказа Японии от важных преимуществ на Дальнем Востоке и расторжения англо-японского союзного договора. Вашингтонская конференция выявила непримиримость прочиворечий между остальными победителями Германии. Эти противоречия были главной причиной краха попыток добиться ограничения сухопутных вооружений, упразднения подводных лодок, распространения ограничения тоннажа на другие категории боевых кораблей (крейсеры, эсминцы и подводные лодки). Наряду с этим Вашингтонская конференция выявила также сближение точек зрения США и Великобритании по ряду важных вопросов, что оказало большое влияние на дальнейшее развитие отношений между этими двумя странами.

Уравнение тоннажа линейных кораблей Италии и Франции, как показало последующее развитие международных отношений, имело очень важные последствия к невыгоде Франции и Англии. В то время как Франция должна была держать часть линейного флота в своих заморских владениях, весь итальянский флот оставался в отечественных водах, что давало определенный перевес Италии в Средиземном море над ее соперницей Францией, а позже и Англией.

Решения Вашингтонской конференции принято считать частью послевоенных договоров, дополняющих Версальский договор и вместе с ним образующих версальскую систему.

Междусоюзнические долги.

С версальской системой неразрывно связана одна очень крупная послевоенная проблема, которая играла важнейшую роль до 1931—1932 г. и накладывала свой отпечаток на взаимоотношения между странами-победительницами и на международную политику в целом. Этой проблемой были междусоюзнические долги — задолженность 15 европейских капиталистических государств правительству США и задолженность 13 европейских государств правительствам Англии и Франции.

Происхождение этой задолженности было двоякое. В 1914—1918 гг. правительства Англии, Франции и Италии получили крупные кредиты у правительства США на уплату американским капиталистам за поставку вооружения, стратегического сырья и продовольствия. В те же годы Англия предоставила на военные нужды крупные кредиты Франции, Италии, Бельгии, Румынии и другим странам, а Франция — Италии, Сербии, Бельгии и другим воевавшим государствам. Это были военные долги. К моменту заключения перемирия (11 ноября 1918 г.) союзные правительства должны были правительству США 6,5 миллиарда долларов.

В послевоенные годы правительство США продолжало кредитовать Англию, Францию, Италию и многие другие страны (Бельгию, Чехословакию, Финляндию, Грецию, Румынию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Югославию, Австрию и Венгрию) на закупку продовольствия и оружия для борьбы с революционным движением. Эти кредиты являлись важным средством для смягчения наступившего в 1920 г. кризиса перепроизводства в США.

Общая сумма военных и послевоенных долгов 15 европейских стран США составила громадную сумму в 11,5 миллиарда долларов. Долг Англии составлял 4,6, Франции 4 с лишним и Италии 2 с лишним миллиарда долларов. Другие европейские государства задолжали Англии и Франции на сумму несколько меньшую, чем те сами должны были США.

Междусоюзнические долги не имели прямого отношения к германским репарациям и не были с ними связаны юридически, но главные должники США — Англия, Франция и Италия — связывали их с репарациями. Они выражали готовность выплачивать задолженность Америке при условии аккуратного получения ими репараций от Германии. Они ссылались при этом на то, что военные

долги были сделаны в интересах одоления общего врага. Этим путем союзные правительства хотели заинтересовать США в уплате Германией репараций и заручиться их моральной и политической поддержкой при взыскании репараций. Правительство США категорически отклонило такую взаимосвязь между долгами союзников и репарациями и требовало признания и уплаты долгов вне зависимости от получения репараций от Германии.

Еще до того, как была установлена окончательная сумма германских репараций, многие предвидели, что Германия не сможет и не захочет возместить убытки за все произведенные ее армиями в течение четырех лет разрушения. Учитывая это, правительство Англии два раза (в 1920 и в 1922 г.) предлагало правительству США аннулировать междусоюзнические военные долги, но получало каждый раз решительный отказ.

Настаивая на признании и уплате военных долгов вне зависимости от того, получат или не получат союзники репарации от Германии, правительство США соглашалось значительно уменьшить размер военной задолженности каждому из должников в отдельности. Долги сделались в руках правительства США реальным средством давления на европейские правительства. Уменьшение долга обменивалось на поддержку политики США в Европе и на Дальнем Востоке, или же на иные компенсации.

После длительных переговоров, проволочек и сопротивления все правительства-должники заключили договоры с правительством США по урегулированию задолженности. США снизили общую сумму военных долгов в среднем на 49,6%, а именно: Англии на 28,2%, Франции на 58,2%, Италии на 79,1%, Бельгии на 54% и т. д. Величина скидки зависела от кредитоспособности и богатства страны, которой она делалась, и от разных политических факторов. И после всех скидок 15 европейских стран должны были выплатить правительству США в течение 62 лет вместе с наросшими за эти годы процентами 22,3 миллиарда долларов.

Англия снизила, в свою очередь, сумму военного долга Франции на 62,8%, Италии на 86,2%; Франция же уступила своим должникам около 70% их задолженности.

Таким образом все европейские государства, в том числе и богатейшие из них, как Англия и Франция, оказались в результате войны неоплатными должниками США.

Версальская система в период послевоенного революционного подъема.

Мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция потрясли всю капиталистическую систему, обострили классовую борьбу в Европе и в колониях.

В Германии, Австрии и Венгрии произошли революции, в Венгрии и Баварии была провозглашена советская власть.

В 1919—1922 гг. происходили десятки войн и крупных вооруженных конфликтов на территории Европы, Азии и Африки. На обширной территории бывшей царской России бушевали гражданская война и интервенция империалистов. Происходили польско-советская и греко-турецкая войны, вооруженные столкновения между австрийцами и венграми, чехами и венграми, румынами и венграми, немцами и поляками, поляками и украинцами и др. Все эти войны вконец разорили Центральную и Восточную Европу и Турцию и довершили разрушение их хозяйственной жизни.

Одновременно происходили революционные выступления пролетариата в промышленных странах Европы, национально-освободительное движение в колониях и зависимых странах. Крестьянское движение на Балканском полуострове, в Румынии, Польше и других странах приняло очень широкие размеры. Народные массы всюду боролись за демократизацию власти, за поддержку рабочих и крестьян Советской России, за прекращение интервенции и за юридическое признание Советского правительства буржуазными правительствами.

Борьба реакции против пролетарской революции велась по двум линиям. Блокада и интервенция в Советской республике должны были поразить в самое сердце очаг пролетарской революции и антиимпериалистического движения. Одновременно английские и французские капиталисты — блюстители ненарушимости версальской системы,— а также буржуазия США, всюду оказывали помощь контрреволюционным классам и правительствам в их борьбе против народных масс. Они пытались оторвать изголодавшиеся массы от революционного движения и подчинить их влиянию буржуазии путем оказания продовольственной помощи странам центральной Европы. „Вся американская политика в период ликвидации перемирия,— писал будущий президент США Гувер в 1921 г., — своди-

лась к тому, чтобы сделать все возможное, дабы не дать Европе стать большевистской[1]“.

Деятельными помощниками империалистов в этом деле оказались оппортунистические социалистические партии и II Интернационал в целом. Блокада и интервенция потерпели полную неудачу, но империалистам все же удалось воспрепятствовать победе социалистической революции в других странах Европы.

Английский уполномоченный по организации „помощи“ странам Европы сэр Вильям Гуд писал в официальном докладе: „Продукты питания были фактически единственной основой, на которой можно было удержать у власти правительства поспешно созданных государств... Половина Европы находилась на грани большевизма. Если бы в 1919—1921 гг. Центральной и Восточной Европе не была предоставлена помощь кредитами на 137 миллионов фунтов, то не было бы возможности снабдить их продовольствием и углем и организовать их доставку туда. Лишенные продовольствия, угля и транспорта, Австрия и вероятно ряд других стран пошли бы по пути России... Два с половиной года спустя после перемирия хребет большевизма в Центральной Европе был сломлен, главным образом, благодаря этим кредитам... Предоставление этих 137 миллионов было, пожалуй, с финансовой и политической точки зрения одним из лучших капиталовложений, какое когда-либо знала история“.

Потерпев поражение в борьбе с Советской республикой по восстановлению капитализма в России, реакционная буржуазия вынуждена была пойти на переговоры с Советским правительством. Англия и Италия первые заключили с Советским правительством в 1921 г. торговые соглашения, признали Советское правительство де-факто, возобновили торговлю с Советской республикой, но дипломатических отношений не восстановили. Некоторые мелкие страны — Швеция, Норвегия и Дания — последовали примеру Англии.

Однако, несмотря на подавление революционного движения в Центральной Европе и ликвидацию советской власти в Венгрии и Баварии, социально-политические отношения в этих странах изменились. „Правда, революция в Германии была буржуазная, а не социалистическая, а Советы являлись послушным орудием буржуазного парламента, ибо в Советах господствовали социал-демократы,

[1] Цит. по книге *Пальм Датт*, Фашизм и социалистическая революция, М. 1935, стр. 23—24.

соглашатели вроде русских меньшевиков, чем, собственно, и объясняется ее слабость. До чего слаба была там революция, видно хотя бы из того, что она допустила безнаказанное убийство немецкими белогвардейцами таких видных революционеров, как Р. Люксембург и К. Либкнехт. Но все же это была революция, Вильгельм был свергнут, рабочие вырвались из цепей, и уже это одно не могло не развязать революцию на Западе, не могло не вызвать подъема революции в европейских странах"[1].

Великая Октябрьская социалистическая революция в России оказала очень сильное влияние на рабочие и крестьянские массы Италии. Результаты войны вызвали недовольство в народных массах и разочарование буржуазии. Городскому пролетариату и сельским батракам война принесла безработицу, дороговизну и обнищание. Буржуазия была недовольна Версальским договором, который, по ее мнению, „обделил" Италию и не дал ей тех выгод, на которые она рассчитывала.

Недовольство мирными договорами положило начало националистическому и фашистскому движению в Италии. Главари этого движения обвиняли буржуазно-демократическое правительство в предательстве национальных интересов, в неспособности и бессилии добиться на мирной конференции условий мира, соответствующих затраченным Италией усилиям.

Совсем другие настроения вызвала война в народных массах Италии, которые были также крайне недовольны и озлоблены против буржуазии, вовлекшей страну в войну и приведшей ее к неисчислимым бедствиям.

В стране нарастал политический кризис. Итальянские рабочие и батраки были готовы пойти по пути рабочего класса и беднейшего крестьянства России, установивших диктатуру пролетариата. В середине 1919 г. батраки и малоземельные крестьяне приступили к насильственному захвату помещичьих земель в центральной и южной части полуострова и в Сицилии. В 1919—1920 гг. вся Италия была охвачена бурной волной стачек.

В ответ на саботаж и локауты в металлургической промышленности металлисты объявили 27 августа 1920 г. всеобщую стачку и захватили заводы и фабрики металлургической промышленности в Пьемонте, Ломбардии и Лигурии. Захват распространился и на другие отрасли промышленности. В Милане были захвачены 22 обув-

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 221.

ные фабрики, в Турине 200 пошивочных мастерских белья, четыре резиновых завода и т. д. На этих предприятиях была организована Красная гвардия. Рабочие требовали создания Советов, но их требование было отклонено вождями социалистической партии и конфедерации труда, которые в эти дни прилагали все усилия к тому, чтобы поколебать и потушить движение и не дать ему расшириться.

Вожди конфедерации труда предложили объединению предпринимателей вступить в переговоры с рабочими на основе введения на предприятиях фабрично-заводских советов и передачи им контроля над производством. Предприниматели ответили „принципиальным" согласием, после чего им были возвращены фабрики и заводы. Как только рабочие очистили заводы, предприниматели перешли в наступление. Они начали закрывать предприятия и выбрасывать рабочих на улицу. Рабочие были преданы вождями социалистической партии и профессиональных союзов. Удобный момент был пропущен. Путь для реакции был расчищен.

Поражение рабочего класса Италии осенью 1920 г. послужило сигналом к ускоренной организации фашистских банд Муссолини и к переходу реакции в наступление против пролетариата и буржуазно-демократического государства. Реакция ставила отныне в вину буржуазно-демократическому государству не только „неудовлетворительный" мир, но и неумение и бессилие защитить буржуазию от покушений на частную собственность.

Фашизм имел на своей стороне не только капиталистов и помещиков, в чьих интересах и на чьи средства он действовал,— он вовлек в свои ряды безработных офицеров-фронтовиков и часть рядовой массы фронтовиков, которых он звал на борьбу во имя закрепления одержанных военных побед, на борьбу против большевизма, за восстановление дисциплины и порядка.

Мелкая буржуазия, относившаяся раньше с симпатией к наступлению пролетариата, отвернулась от него после его поражения и перешла на сторону фашизма. Ряды итальянских фашистов начали быстро пополняться. Бывший крайний „левак", социалист Бенито Муссолини безудержной пропагандой социальной демагогии сумел привлечь на свою сторону громадную часть мелкой буржуазии и городской интеллигенции, разочаровавшейся в социалистической партии, на которую они возлагали большие надежды.

Фашизм вовлек в свои ряды и часть рабочих, разо-

чаровавшихся в социалистической партии, которую Муссолини демагогически клеймил за трусость и нерешительность во время захвата фабрик и заводов.

Наряду с пропагандой, Муссолини приступил тотчас же после поражения пролетариата осенью 1920 г. к организации террористических отрядов под руководством отставных офицеров. Эти отряды получали оружие от конфедерации итальянских промышленников, а иногда, пользуясь связями с генералитетом, и из правительственных арсеналов. В течение 1921 г. эти отряды заполняли всю страну и своими бесчинствами терроризовали рабочий класс, социалистические организации, классовые профессиональные союзы, демократических и прогрессивных деятелей, муниципальные и правительственные органы на местах, если те не поддерживали фашистского движения.

Итальянский фашизм с первых дней своего зарождения выступал как классовая диктатура финансового капитала и крупных помещиков против опасности пролетарской диктатуры и социализма, но вынужден был по тактическим соображениям это долго скрывать. В послевоенных политических условиях Италии нельзя было выступить с открытой проповедью защиты капитализма и латифундий. Это оттолкнуло бы от фашизма рабочие и крестьянские массы, мелкую буржуазию и интеллигенцию,— как раз те классы и социальные слои, на которые фашизм хотел опереться. Выступая в защиту капиталистов и помещиков, итальянские фашисты опирались на весьма широкие социальные группы населения — на мелкую буржуазию, интеллигенцию, помещиков, кулачество и среднее крестьянство, ремесленников, часть сельскохозяйственных и промышленных рабочих, молодежь, бывших фронтовиков и другие социальные прослойки.

Поражение пролетариата расчистило путь фашистской диктатуре и явилось главным условием быстрого роста и победы фашизма в октябре 1922 г. над рабочим классом и буржуазно-демократическим режимом в Италии.

Генуэзская конференция и признание Советской республики де-юре.

Революционное движение было подавлено во многих странах Европы, революция была загнана в подполье, но причины, ее вызвавшие, не были уничтожены и попрежнему возбуждали массы к борьбе. Английская, французская и американская буржуазия убедилась на опыте,

что без экономического и политического сотрудничества с Советской республикой невозможно залечить раны, нанесенные войной, ликвидировать послевоенную разруху и безработицу, успокоить народные массы и восстановить нормальную хозяйственную жизнь.

Весной 1922 г. английское и французское правительства пригласили Советское правительство на международную конференцию в Генуе, на которой империалисты пытались добиться экономическими средствами тех же целей, которых они не могли добиться вооруженной силой. Они потребовали от Советского правительства признания царских довоенных и военных долгов, возвращения иностранным капиталистам ранее принадлежавших им национализированных советской властью фабрик, заводов, рудников, железных дорог, нефтяных промыслов, золотых россыпей и пр. и признания за иностранцами особых прав в нашей стране. Добиваясь, таким образом, превращения нашей родины в полуколонию, иностранные капиталисты взамен этого обещали предоставить Советской республике заем и оказать техническую и экономическую помощь. Советское правительство отвергло эти кабальные предложения, но не отказалось от экономического сотрудничества с капиталистическими государствами на приемлемых для себя условиях.

Во время Генуэзской конференции в 1922 г. был подписан в Рапалло советско-германский договор, согласно которому Германия и Советская республика отказались от взаимных материальных претензий, связанных с войной и революцией, восстановили дипломатические отношения, консульскую службу, торговые и хозяйственные отношения. Рапалльский договор пробил стену, которую империалисты старательно воздвигли вокруг Советской республики, и дал Советскому правительству более широкую свободу политического маневрирования, которой оно было до того лишено. С другой стороны этот договор представлял большой интерес и для Германии, освобождая ее от обязательства репараций России, предусмотренных Версальским договором, и разбивая изоляцию Германии от внешнего мира, созданную державами-победительницами.

В 1924 г. Англия, Франция и Италия, а за ними и другие европейские государства признали де-юре Советское правительство и восстановили с ним нормальные дипломатические и торговые отношения. С Турцией, Ираном и Афганистаном были восстановлены нормальные отношения еще раньше. В 1924 и 1925 гг. были заклю-

чены договоры с Китаем и Японией. Кольцо вокруг СССР было прорвано во многих местах: ленинско-сталинская мирная политика восторжествовала.

Не признавая версальской системы, Советское правительство не отказывалось от совместной работы с отдельными органами Лиги наций, если такое сотрудничество способствовало укреплению международного положения СССР, укреплению политики мира и уменьшению военной опасности. Советское правительство неоднократно принимало участие в конференциях Лиги наций по разоружению, на которых оно выдвигало и защищало проекты полного разоружения на суше, на море и в воздухе. Оно принимало также участие в разных технических комиссиях Лиги наций и подписало общую конвенцию о полном запрещении применения удушливых газов во время войны. Оно подписало в конце 1928 г. так называемый пакт Келлога—Бриана об отказе от войны как средства разрешения споров между государствами и ввело его досрочно в действие.

Оставаясь верным политике мира, Советское правительство продолжало самостоятельную внешнюю политику и использовало всякую возможность, какую предоставляла версальская система, для укрепления мира и отдаления угрозы военного столкновения.

Несостоятельность версальской системы.

Версальская система легла всей своей тяжестью на трудящиеся массы Германии. Революция изменила внешнюю сторону государственного строя Германии, но мало изменила внутренний, политический и социальный порядок жизни. Она оставила нетронутыми капиталы и юнкерские поместья, основу возвращения германского воинствующего империализма.

Послевоенная разруха, безработица и полное обесценение германской марки разорили не только рабочих, но и среднюю и мелкую буржуазию. Мелкие чиновники, лавочники, врачи, фармацевты, адвокаты, журналисты и ремесленники, пенсионеры и всякий средний и мелкий люд превратились в нищую, недовольную и озлобленную массу, которую очень умело использовали в своих интересах крупная буржуазия и юнкерство. Эта масса разоревных людей не умела и не хотела вникнуть в истинные причины своего разорения и необеспеченного положения. Она принимала следствие за причину и поверила контрреволюционной пропаганде, лживо и демагогически

3 Ф. И. Нотович — 1297

доказывавшей, что виной всему является революция и Версальский договор.

Крупная буржуазия, юнкерство, военщина, крупное чиновничество и вчерашние властители старой низвергнутой гогенцоллернской империи — эти истинные виновники народного бедствия, которых революция отбросила от кормила правления, — очень умело использовали разорение и обнищание народных масс, нужду и безработицу, голод и болезни, чтобы переложить на чужие плечи всю ответственность за войну и ее последствие — Версальский договор. Они обвинили во всех невзгодах революцию и Версальский договор, новый республиканский строй и республиканское правительство, которое вынуждено было после поражения подписать мирный договор и выполнять намеченные им обязательства.

Разоренная мелкая буржуазия, безработные сынки лавочников и адвокатов, 200 тысяч отставных безработных лейтенантов и майоров охотно прислушивались к речам контрреволюционных и шовинистических ораторов, обещавших им работу и обеспеченную жизнь после монархического переворота.

Крупные капиталисты и юнкеры приступили к организации сил для контрреволюционного переворота тотчас же после победы революции, но по тактическим соображениям направили огонь в первую очередь против Версальского договора. Используя ненависть народа к Версалю и к странам-победительницам, они под видом борьбы „против Версаля“ в действительности боролись за восстановление старого режима, за возвращение утерянной власти и связанных с нею прибылей, почета и т. д., за восстановление старой армии и возобновление борьбы за мировое господство.

Все реакционные юнкерские и буржуазные партии были переименованы в „народные“ партии. Так, например, юнкерская консервативная партия была переименована в германскую национальную народную партию, национал-либеральная партия — в германскую народную партию. Но и после переименования и приспособления к республиканскому режиму эти партии оставались монархическими и открыто проповедывали восстановление монархии.

Приспособившись к новому режиму, старые монархисты сохраняли в своих руках ответственные посты в государственном аппарате республики, чтобы лучше подготовить контрреволюционный переворот. На эту приспособленность германской буржуазии к новым условиям

во время нарастания революции обратил внимание Ленин, сказав в ноябре 1919 г., что „... в Германии в настоящее время еще острее стала борьба классов и все ближе надвигается гражданская война, борьба немецкого пролетариата против немецких империалистов, которые перекрасились в республиканский цвет, но остались представителями империализма“[1].

Германская империалистическая реакция очень умело использовала также страх реакционной буржуазии стран-победительниц перед нараставшей пролетарской революцией в Германии и ее готовность притти на помощь германской контрреволюции в борьбе с пролетариатом.

Германские империалисты, не теряя времени, начали уже в 1919 г. восстанавливать свои старые боевые организации — офицерские, флотские, колониальные и всевозможные националистические, шовинистические и реваншистские союзы и объединения — и создавать новые, вроде „Стального шлема“ и др. Задача этих организаций состояла в подготовке командных кадров для будущей увеличенной германской армии; они должны были служить орудием в борьбе против революционных масс и социальной опорой германского империализма в борьбе „против Версаля“. Все эти контрреволюционные и реваншистские организации и союзы, которые насчитывались десятками и в которые допускалась и разоренная средняя и мелкая буржуазия, создавались и финансировались на деньги крупных капиталистов и банков, на деньги настоящих хозяев Германии—Тиссенов, Стиннесов, Круппов и др.,— и политически направлялись ими. Движущей силой этих шовинистических организаций был крупный капитал, жаждавший реванша, разгрома рабочего класса и мирового господства. В борьбе „против Версаля“ возникла в 1919 г. и выросла национал-социалистская, фашистская партия Гитлера. Сын мелкого австрийского чиновника, недоучка и неудачник, Гитлер поступил во время войны в баварский полк и с трудом дослужился до чина ефрейтора. После войны Гитлер сделался разъездным агитатором германского рейхсвера (так называлась германская наемная армия, которую допускал Версальский договор). Выступая против Версальского договора, Гитлер, извращая исторические факты, снимая всякую ответственность за войну с германского империализма, возлагал ее исключительно на Россию и Францию и возбуждал шовинистические страсти против русского и французского наро-

[1] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 545.

дов. Флаг „против Версаля“ служил вывеской и прикрытием собирания контрреволюционных сил для борьбы с рабочим классом и революционным движением. Гитлер со своей небольшой деклассированной группой приверженцев, которую он для того, чтобы скрыть ее действительные черносотенные цели и намерения, назвал „национал-социалистской партией“, в 1919—1923 гг. выступал вместе со всей германской реакцией, будучи на ее крайнем правом фланге, против республики и демократии и призывал к невыполнению Версальского договора.

Особую ненависть национал-социалистов, юнкеров, бывших консерваторов и пангерманцев всех толков вызывали пункты договора о запрещении Германии вооружаться. Национал-социалисты призывали в первую очередь к завоеванию права на безграничное вооружение. Гитлер выставил лозунг: „Мы снова хотим иметь оружие!“.

Крайне реакционная группа финансового капитала в лице фактических властителей Германии — Тиссена, Стиннеса, Круппа и др. — предоставила Гитлеру и его партии финансовые средства, взяла их на свое содержание и превратила их в своих наемников, сделав национал-социалистскую партию боевым орудием для осуществления своих империалистических замыслов, направленных на завоевание мирового господства. Обеспечив себе поддержку и помощь финансового капитала, Гитлер из вожака незначительной группы приверженцев к 1930 г. превратился в главаря сотен тысяч головорезов, готовых совершить государственный переворот, когда его хозяева сочтут момент для этого подходящим.

В ответ на постоянное невыполнение условий Версальского договора, касающихся платежей по репарациям, французские империалисты заняли весной 1923 г. своими войсками Рурскую область и отрезали ее от Германии. Это нанесло огромный ущерб Германии, приостановило всю экономическую деятельность страны и потрясло ее снизу доверху. Оккупация Рура не принесла Франции никакой пользы, так как рабочие Рура прекратили работу на шахтах и во всех горнозаводских предприятиях, и вся гигантская промышленная область превратилась в поле ожесточенной борьбы с оккупантами.

Ненависть германского народа против насильственных действий французских империалистов достигла крайних пределов. Однако германская крупная буржуазия не поддержала рабочий класс в его борьбе против оккупантов и предала национальные интересы Германии. Собствен-

ники сталелитейных заводов, угольных шахт и машиностроительных предприятий вступили в переговоры с собственниками французских горнопромышленных заводов о „справедливом“ распределении между ними внешних рынков сбыта и о прекращении сопротивления французам в Руре.

Оккупация Рура довершила хозяйственную разруху в Германии и выбросила на улицу миллионы разоренных и безработных людей, которые пылали ненавистью к собственной буржуазии и к иностранному гнету. События в Руре послужили мощным толчком к подъему рабочего движения и классовой борьбы на новую ступень. В Саксонии и Тюрингии образовались рабочие правительства. В Гамбурге произошло восстание рабочих, которое было подавлено силой. Политический кризис в Германии быстро нарастал, и к осени 1923 г. создалась революционная ситуация в стране. Буржуазии, однако, удалось одержать верх над рабочими.

Гитлер счел политическую обстановку в Германии подходящей для совершения в ноябре 1923 г. национал-социалистского путча в Мюнхене, который закончился плачевным провалом.

Поражение германского пролетариата оказало громадное влияние на развитие классовой борьбы во всем мире и на международную политику. Одновременно с подавлением революционного движения в Германии было подавлено сентябрьское рабоче-крестьянское восстание 1923 г. в Болгарии. Вслед за поражением рабочего класса начался отлив рабочего движения в Европе и переход пролетариата от наступления к обороне.

Поражение пролетариата сделало возможным стабилизацию капитализма в бурный период 1918—1923 гг. Оно явилось отправным моментом для начала нового исторического периода, известного под названием стабилизация капитализма.

Временная стабилизация капитализма. План Дауэса.

Оккупация Рура вызвала разногласия в лагере победителей и усилила противоречия между ними. Революционный кризис 1923 г. в Германии, который был тесно связан с оккупацией французами Рура, одинаково напугал как германскую, так и английскую и французскую буржуазию, заставив ее изменить методы взимания репарационных платежей и обращения с Германией.

Комиссия финансовых экспертов, под председательством американского генерала Дауэса, выработала в 1924 г. план „умиротворения“ и „оздоровления“ Германии, который положил начало новым взаимоотношениям между победителями и Германией, совершенно отличным от взаимоотношений 1919—1923 гг. Этот план, известный под названием плана Дауэса, признавал, что Германия должна и сможет выполнять свои репарационные обязательства лишь при условии быстрого восстановления своей промышленности и оздоровления всего народного хозяйства, при условии расширения рынков для сбыта германских товаров (подразумевались и рынки Советского Союза). Германии был предоставлен по плану Дауэса международный заем в 800 миллионов марок, и она должна была в 1925 г. внести в репарационную комиссию 1 миллиард, а затем, ежегодно повышаясь, сумма взносов должна была достигнуть в 1928—1929 г. уже 2,5 миллиарда марок. В обеспечение выплаты репараций были поставлены под контроль иностранных кредиторов, а фактически — под контроль держав-победительниц, основные отрасли хозяйства, доходы и финансы Германии — промышленность, налоги, внешняя торговля и государственный банк.

„Смысл плана Дауэса, — говорил товарищ Сталин на XIV съезде ВКП(б) в 1925 г., — состоит в том, что Германия должна выплатить Антанте не более, не менее, как около 130 миллиардов золотых марок в разные сроки... План Дауэса, составленный в Америке, таков: Европа выплачивает государственные долги Америке за счет Германии, которая обязана Европе выплатить репарации, но так как всю эту сумму Германия не может выкачать из пустого места, то Германия должна получить ряд свободных рынков, незанятых еще другими капиталистическими странами, откуда она могла бы черпать новые силы и новую кровь для выплачивания репарационных платежей. Кроме ряда незначительных рынков тут Америка имеет в виду наши российские рынки. Они должны быть, по плану Дауэса, предоставлены Германии для того, чтобы она могла кое-что выжать и иметь из чего платить репарационные платежи Европе, которая, в свою очередь, должна выплачивать Америке по линии государственной задолженности“[1].

План Дауэса, преследовавший цель „умиротворения“ Германии, был направлен и против нашей страны, которая

[1] *Сталин*, Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б) 18—31 декабря 1925 года, М., Партиздат, 1933, стр. 9—10.

должна была служить аграрным придатком промышленных стран Европы и в первую очередь Германии.

Но Советский Союз вовсе не собирался превратиться в полуколонию империалистических государств. План англо-французско-американских капиталистов, согласно которому, как говорил товарищ Сталин, „...Германия должна выкачивать копеечки для Европы за счет российских рынков“[1], был принят без учета намерений хозяина и должен был в этой части провалиться.

Проведение в жизнь плана Дауэса и замена методов прямого насилия методами заигрывания победителей с Германией, наступление частичной стабилизации политической и хозяйственной жизни в капиталистической Европе, с одной стороны, и упрочение советского строя на одной шестой части земного шара, с другой, — создали новую обстановку, которая оказывала решающее воздействие на развитие международных отношений в последующие годы.

Товарищ Сталин следующим образом охарактеризовал сложившуюся к середине 1925 г. новую международную обстановку: „Новое, открывшееся за последний период и наложившее печать на международное положение, состоит в том, что в Европе начался отлив революции, началось некоторое затишье, то, что называется у нас временной стабилизацией капитализма, *при* одновременном росте хозяйственного развития и политической мощи Советского Союза...

Мы имеем, таким образом, две стабилизации. На одном полюсе стабилизуется капитализм, закрепляя достигнутое положение и развиваясь дальше. На другом полюсе стабилизуется советский строй, закрепляя за собой завоеванные позиции и двигаясь вперед по пути к победе.

Кто кого — в этом вся суть“[2].

Эти две стабилизации нашли в международной политике свое отражение в том, что буржуазия Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки договорилась относительно единого образа действия по отношению к побежденной Германии (план Дауэса), что американские, английские и японские капиталисты временно сговорились относительно сфер влияния в Китае, что империалистические группы передовых капиталистических стран решили не вмешиваться в дела чужих колоний и, наконец, в том, что наиболее реакционные группы капиталистических стран

[1] *Сталин*, Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б), стр. 10.
[2] *Сталин*. Вопросы ленинизма, изд. 9-е, дополн., стр. 108 и 111.

неоднократно на протяжении нескольких лет пытались создать единый фронт против Советского Союза.

Борьба между двумя системами, между капиталистическим и социалистическим миром, ни на минуту не замирала, но не всегда она носила одинаково ожесточенный характер. В этой борьбе двух систем были приливы и отливы и периоды колебаний.

Во взаимоотношениях СССР с капиталистическим окружением обнаружились две основные тенденции среди руководящих кругов капиталистического мира: 1) стремление прогрессивных групп к укреплению мирных связей и торговых отношений с Советским Союзом, что нашло свое выражение в юридическом признании Советского правительства многими странами и в заключении торговых договоров, финансовых, железнодорожных, технических и других соглашений и т. д.; 2) стремление наиболее реакционных авантюристических групп к срыву нормальных отношений с СССР и попытки к созданию блока держав против страны строящегося социализма, к организации интервенции, что выразилось в нападении 26 мая 1927 г. на „Аркос" (Советское общество по торговле с Англией) в Лондоне, в разрыве Англией дипломатических и торговых сношений с Советским правительством, в убийстве в июне 1927 г. посла СССР П. Л. Войкова в Варшаве и советских консульских работников в Кантоне, в нападении летом 1927 г. на советские полпредства и торгпредства в Берлине, Пекине, Шанхае и других местах, в захвате Китайско-Восточной железной дороги и т. д.

Две стабилизации, борьба двух систем и борьба двух противоположных тенденций — миролюбивой и агрессивной — в капиталистическом лагере наложила свою печать и на взаимоотношения между Германией и СССР. Упрочение позиций германского монополистического капитала и постепенное ослабление версальской системы укрепляло в Германии „западную" ориентацию. В дни полной политической изоляции, хозяйственной и финансовой разрухи и национального унижения Германия больше ориентировалась на Советскую республику (Рапалльский договор) и находила в ней политическую опору в борьбе против Версаля и его системы. С укреплением позиций германского империализма во внешней политике Германии брали верх антисоветские тенденции. Дело доходило до того, что германская реакционная буржуазия выражала недовольство тем, что реакционные круги западноевропейских империалистических государств предпочитают Польшу, Финляндию, Румынию и другие лимитрофные

государства Германии, что они из них пытаются организовать кордон против СССР, не доверяя Германии этой „почетной“ роли, которую финансовый капитал и юнкерство Германии охотно взяли бы на себя.

В этой сложной международной обстановке правительство СССР продолжало свою независимую политику укрепления экономического и военного могущества страны, развития и укрепления социализма внутри страны и неизменную политику укрепления международных связей и мира. Постоянный рост обороноспособности нашей страны и ее мирная политика, которая находила сочувствие в широких массах капиталистических стран, укрепляли международное положение СССР и расстраивали все авантюристические попытки окружить нашу страну и организовать против нее антисоветские коалиции держав.

В борьбе двух систем советская система окрепла и сделалась оплотом мира. Это послужило основной причиной того, что в борьбе двух тенденций в капиталистическом лагере одержала верх мирная тенденция.

Локарнские соглашения.

16 октября 1925 г. был подписан в швейцарском городе Локарно ряд договоров и соглашений, тесно связанных с планом Дауэса.

По первому и основному из этих договоров Германия, Франция, Бельгия, Англия и Италия гарантировали совокупно и каждая в отдельности границы, установленные Версальским договором между Францией и Германией, с одной стороны, и между Германией и Бельгией, с другой. Германия, следовательно, добровольно признала неприкосновенность и ненарушимость французской и бельгийской восточной границы и добровольно обязалась соблюдать постановления Версальского договора „относительно демилитаризованной зоны“ на левом и правом берегу Рейна.

Германия, Франция и Бельгия обязались также не нападать друг на друга, „ни в коем случае не прибегать к войне друг против друга“ и все возникающие конфликты разрешать мирным путем посредством обязательного арбитража, с каковой целью были одновременно подписаны франко-германский и германо-бельгийский арбитражные договоры.

Если какая-либо из трех соседних стран не выполнит обязательства Локарнского договора, т. е. нарушит границу или не станет соблюдать правил о демилитариза-

ционной зоне и откажется затем подчиниться арбитражному решению, Англия и Италия обязывались „немедленно оказать свою поддержку той стороне, против которой направлено такое нарушение или такое несоблюдение". Таким образом Англия и Италия гарантировали по Локарнскому договору целость и неприкосновенность франко-германской и бельгийско-германской границ.

Германия не обязывалась признавать установленные мирными договорами границы с Польшей и Чехословакией, но она все же дала обязательство соблюдать и уважать приобретенные этими государствами права по мирным договорам и разрешать все споры с ними, не прибегая к оружию, мирным путем.

Отдельными договорами, заключенными между Францией и Польшей, с одной стороны, и Чехословакией и Францией — с другой, все три государства обязались оказать друг другу помощь и поддержку в случае нарушения Германией заключенных с ними в Локарно в тот же день договоров, если такое нарушение „сопровождается не вызванным обращением к оружию".

Вскоре после подписания Локарнского договора и локарнских соглашений Германия была принята в Лигу наций, с предоставлением ей постоянного места в Совете Лиги наций.

Локарнские договоры, как и план Дауэса, были отчасти направлены к тому, чтобы изолировать Советский Союз и отдалить от него Германию. Этот замысел, однако, не удался. В конце 1925 г. был заключен советско-германский торговый договор, а весной 1926 г. — советско-германский договор о ненападении, которые упрочили экономические и политические отношения между обеими странами.

Локарнские договоры и соглашения подтвердили ненарушимость версальской системы, сохранили деление на побежденных и победителей, но несколько стирали грань между теми и другими, поскольку Германия допускалась как равноправная держава в Лигу наций.

Конференция в Локарно закрепила установленные мирными договорами границы Германии, Польши, Франции, Бельгии и Чехословакии и поставила Англию и Италию гарантами границ Германии, Франции и Бельгии, а следовательно, и верховными арбитрами в любом конфликте между ними.

После введения плана Дауэса, заключения локарнских соглашений и принятия Германии в Лигу наций во взаимоотношениях между победителями и Германией откры-

вается новая полоса. Грубое насилие уступает место „сотрудничеству“. Эти взаимоотношения были окрашены „духом Локарно“, который означал взаимное доверие и наступление „умиротворения“ Европы.

В Германию полились потоки американского и английского золота. Сумма предоставленных германским капиталистам к 1928 г. займов составила больше 10 миллиардов марок.

Капиталовложения в хозяйство Германии еще больше заинтересовали буржуазию Англии и Соединенных Штатов Америки в укреплении капитализма в Германии. Гнет версальской системы постепенно смягчился. Левый берег Рейна был досрочно эвакуирован.

Германский империализм потихоньку вооружался; создавались офицерские кадры и военная промышленность. Под видом „гражданской“ авиации создавались кадры военных летчиков и конструкторов, а под видом замены устаревших кораблей начали строить военно-морской флот. Благодаря постоянно обострявшимся англо-французским противоречиям все это сходило Германии безнаказанно.

Одновременно германская реакция, опираясь на рейхсвер, перешла в наступление против демократической республики и начала захватывать в свои руки наиболее важные государственные позиции. В 1925 г. она провела в президенты республики своего человека — монархиста генерала Гинденбурга, а затем стала постепенно оттеснять от государственного руля все демократические элементы.

В первые годы после революции руководящую роль в германских правительствах играли социал-демократы, католический центр и демократическая партия. После 1925 г. начался поворот вправо. Правительственными партиями становятся, главным образом, католический центр, германская народная партия, немецкая хозяйственная партия и другие правые группы. Только в Пруссии правил блок из социал-демократов и католического центра. Имперское правительство зависело в рейхстаге от социал-демократической партии и принуждено было с ней считаться.

Подавляя революционное движение, правые правительства все же не смогли его задушить, что вызывало крайнее недовольство финансового капитала и юнкеров, германских националистов и национал-социалистов. Правые правительства не осмеливались также прекратить выполнение обязательств по Версальскому договору, что вызывало ярость шовинистов и усиливало юнкерскую оппозицию и фашистскую партию Гитлера.

План Дауэса и локарнские соглашения завершили собой

бурную полосу послевоенной истории, богатую революциями и восстаниями против империализма в Европе, Азии и Африке, и оформили политически новый период в истории международных отношений — период „сотрудничества“ между победителями и побежденными. Этот период внес нечто новое и в отношения между буржуазным миром и Советским Союзом.

Характеризуя период „сотрудничества“, товарищ Сталин указал на XIV съезде партии: „Основное и новое, решающее все и проникающее все события за этот период в области внешних отношений, это — то, что между нашей страной строящегося социализма и странами капиталистического мира установилось некоторое временное равновесие сил,— равновесие, которое определило собою текущую полосу „мирного сожительства“ между страной Советов и странами капитализма. То, что нами считалось одно время как короткая передышка после войны, превратилось в целый период передышки. Отсюда некоторое развитие сил и некоторый период „мирного сожительства“ между миром буржуазии и миром пролетариата.

В основе всего этого лежит внутренняя слабость, слабость и немощь мирового капитализма, с одной стороны, и рост революционного движения рабочих вообще, особенно рост сил у нас, в стране Советов — с другой“[1].

Эта слабость и немощность мирового капитализма не была явлением временного, преходящего порядка; она вытекала из общего кризиса капитализма, из того состояния упадка и загнивания, в котором капиталистическая система находилась уже с конца прошлого века и наиболее ярким выражением которого были война 1914—1918 гг. и Великая Октябрьская социалистическая революция, расколовшая некогда единый капиталистический мир на два враждебных лагеря.

Существование двух противоположных миров, двух разных социально-политических систем ослабляло мировой капитализм и создавало в области международной политики два центра притяжения — империалистический и социалистический.

„Основное в этой области состоит в том,— говорил товарищ Сталин,— что всеохватывающего капитализма во всем мире нет больше. После того, как на свет появилась Советская страна, после того, как старая Россия превратилась в Советский Союз,— после этого — всеохваты-

[1] *Сталин*, Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б), стр. 3.

ающего капитализма во всем мире не стало. Мир раскололся на два лагеря: на лагерь империализма и лагерь борьбы против империализма. Это первое, что нужно отметить.

Второе, что я должен отметить в этой области, сводится к тому, что во главе стран капитализма становятся две основные страны — Англия и Америка, как союз англо-американский. Во главе недовольных и борющихся насмерть с империализмом становится наша страна — Советский Союз.

Третье, что я должен отметить, это — то, что создаются два основных, но противоположных центра притяжения и сообразно с этим — два направления тяги к этим центрам во всем мире: Англо-Америка — для буржуазных правительств и Советский Союз — для рабочих Запада и революционеров Востока"[1].

Мировой экономический кризис и угроза военной опасности.

Во второй половине 1929 г. начался мировой экономический кризис перепроизводства промышленных товаров, который, переплетаясь с сельскохозяйственным кризисом, постепенно втянул в свой водоворот все капиталистические страны мира и продолжался до 1933 г.

Марксистско-ленинская наука установила, что причины периодических экономических кризисов коренятся в самой системе капиталистического хозяйства, в противоречиях между капиталистами и рабочим классом. „Выражением этого основного противоречия капитализма является противоречие между колоссальным *ростом* производственных возможностей капитализма, рассчитанных на получение *максимума* капиталистической прибыли, и относительным *сокращением* платежеспособного спроса со стороны миллионных масс трудящихся, жизненный уровень которых капиталисты все время стараются держать в пределах крайнего *минимума*"[2].

Развитие науки и техники к началу XX века настолько увеличило производительные силы в капиталистических странах, а производственная мощность фабрик и заводов в годы временной стабилизации настолько выросла, что получился разрыв между количеством изготовляемых товаров и покупательной способностью масс потребителей.

---

[1] *Сталин*, Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б), стр. 16.
[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, дополн., стр. 492.

Промышленный кризис начался в наиболее полнокровной капиталистической стране — в Соединенных Штатах Америки — и постепенно охватил Англию, Германию, Францию, Польшу, Италию, Бельгию, Голландию, Чехословакию и все другие капиталистические государства. Склады и амбары во всех странах были переполнены промышленными товарами и продовольствием, но рабочие терпели нужду и голод. Производство промышленных товаров стало быстро падать, безработица росла, посевная площадь постоянно сокращалась. Десятки тысяч капиталистических фирм обанкротились, десятки международных концернов прекратили платежи по обязательствам и объявили банкротство.

За промышленным и аграрным кризисом последовал финансовый кризис. Деньги лежали без применения, вывоз капитала за границу прекратился.

Наступило полное расстройство хозяйственной и финансовой жизни во всех капиталистических странах. Безработица достигла громадной цифры в 25—30 миллионов человек, из них 12 миллионов в США, 8 миллионов в Германии и т. д. Гораздо выше было число людей, которые работали 2—3 дня в неделю. Все это делало политическую обстановку тревожной и военную опасность реальной.

Экономический кризис 1930—1933 гг., быстро охвативший все капиталистические страны, превратился в мировой экономический кризис. Этот кризис был рекордным по длительности — 45 месяцев — и по сокращению производства. В месяцы наибольшего падения производства в США производилось товаров на 43% меньше, чем в 1929 г., а в Германии на 42%. Вся промышленная продукция капиталистического мира в 1932 г. составляла 63,1% продукции 1929 г.

Экономический кризис отбросил капиталистические страны далеко назад не только от достигнутого ими уровня промышленного развития в 1929 г., но и от довоенного 1913 года. Если принять производство 1913 г. за 100, то в 1932 г. продукция США составляла только 91,4%, Англии — 82,5%, Германии — 67,6%, Франции — 96,1% и т. д. к продукции 1913 г. Это была не временная приостановка роста промышленности и сельского хозяйства, а их деградация.

Только в СССР объем промышленной продукции постоянно возрастал, составляя в 1932 г. 184,7% к объему 1929 г. и 359% к объему 1913 г.

Объем мировой торговли к 1932 г. сократился на 35,5%.

Потери от международного экономического кризиса

для капиталистического хозяйства всех стран исчисляются в 120 миллиардов долларов в ценах 1913 г. Они равны потерям первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг.

Экономический кризис, охвативший все капиталистические страны — промышленные и аграрные,— всей своей тяжестью обрушился, главным образом, на аграрные страны, а внутри этих стран — на производителей продуктов сельского хозяйства и животноводства. Это объяснялось тем, что монополистические концерны сумели задержать искусственными мерами падение цен на промышленные товары, в то время как разрозненные сельские хозяева не могли этого сделать и цены на продукты их производства пали гораздо ниже цен на промышленные товары. Так, например, цены на промышленные товары монополистических предприятий, объединенных в картели, упали в Германии к началу 1933 г., по сравнению с ценами 1929 г., на 20%, а цены на некартелированные товары упали на 55%.

Такая политика позволяла империалистическим странам поддержать цены на промышленные товары выше довоенных (1913 г.), в то время как цены на сырье и сельскохозяйственные продукты, доставляемые из аграрных стран и колоний, были ниже довоенных на 50%. Это усиливало противоречия между капиталистами и сельскими производителями в капиталистических странах, с одной стороны, и между промышленными и аграрными странами и колониями — с другой. Это обстоятельство делало, как указывал товарищ Сталин, „кризис особенно болезненным“ и мешало „рассасыванию товарных цен“.

Расхождение между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары позволило некоторым империалистическим странам, вывозящим промышленные изделия и ввозящим в большом количестве сырье и сельскохозяйственные продукты, переложить значительную часть потерь от кризиса на аграрные страны и колонии. Так, Англия, котораяввозит около 75% потребляемого сырья, продовольствия и полуфабрикатов, переложила 50%, Франция 36% и Германия 15% своих потерь на аграрные страны и колонии. Это означало, что капиталисты промышленных стран экспроприировали десятки миллионов долларов у производителей сырья и сельскохозяйственных продуктов отсталых стран и колоний. Это обстоятельство углубляло политические противоречия между империалистическими и зависимыми странами.

И внутри капиталистичесхих стран потери от кризиса

распределялись неравномерно между разными классами и слоями населения. Усилением капиталистической эксплоатации и рационализации производства капиталистам удалось переложить главную тяжесть кризиса на производительные классы и сохранить прибыль, хотя и в уменьшенном размере.

Заработная плата рабочих и служащих США, составлявшая в 1929 г. 49,1 миллиарда долларов, упала в 1932 г. до 29,1 миллиарда, заработная же плата одних рабочих, составлявшая в 1929 г. 17,2 миллиарда, упала в 1932 г. до 6,8 миллиарда. Доход сельских хозяев (фермеров) составлял в те же годы 5,7 и 1,5 миллиарда долларов. Точно такая же картина наблюдалась и в Германии. Общий фонд заработной платы рабочих и служащих в 1929 г. равнялся 39,7 миллиарда марок, а в 1932 г. 24,1 миллиарда, доходы же сельских хозяев в те же годы равнялись 5,3 и 2,5 миллиарда.

Переложение тяжести кризиса на рабочие массы и на мелких сельских хозяев происходило во всех странах, что обостряло классовую борьбу между капиталистами и рабочими, а переложение тяжести кризиса империалистическими государствами на аграрные страны и колонии обострило противоречия между ними и усилило борьбу против империализма.

Ища выхода из кризиса, но не желая допустить дальнейшего падения цен, капиталисты не только сокращали производство средств производства и потребления и посевную площадь хлебных злаков и свеклы; они уничтожали сотни и тысячи фабрик, заводов, верфей, сжигали миллионы центнеров пшеницы и кукурузы в топках паровозов, топили в море сотни тысяч мешков кофе, убивали сотни тысяч голов скота и сжигали мясо. Этим путем им удалось удержать цены на высоком уровне и уменьшить накопившиеся запасы промышленных товаров и продовольствия, которые не могли покупать голодные безработные.

Только одна единственная страна в мире не была затронута экономическим кризисом, не знала безработицы и постоянно повышала бурными темпами производство промышленных товаров и сельскохозяйственных продуктов. Этой страной был Советский Союз. Вследствие этого обострялась борьба между двумя социально-политическими системами.

Желая смягчить последствия экономического кризиса, капиталистические страны начали отгораживать себя таможенными барьерами. В первые годы кризиса все страны повысили таможенные тарифы, сделав их почти запрети-

тельными. Цель такой политики состояла в стремлении обособиться от внешнего мира и удовлетворять потребности в товарах и продовольствии продукцией собственной промышленности и сельского хозяйства. Даже Англия окончательно порвала со старыми фритредерскими традициями и на Оттавской конференции в 1931 г. установила предпочтительные (уменьшенные) таможенные тарифы для ввозимых из доминионов и Индии продуктов сельского хозяйства, животноводства и сельскохозяйственного сырья.

Таможенные барьеры устанавливались при ввозе не только промышленных товаров, но и продуктов сельского хозяйства. Страны, всегда ввозящие продовольствие, стали изыскивать внутренние ресурсы, распахивать пустоши, осушать болота и расширять запашку, с целью уменьшения зависимости от заграницы, улучшения торгового баланса и покрытия собственным хлебом потребностей в продовольствии. Так, например, Германия намного сократила ввоз продовольствия, Италия прекратила ввоз зерна, Франция выступила даже в качестве экспортера пшеницы, а Англия начала покрывать собственным хлебом 50% своей годовой потребности.

Международный экономический кризис покончил с репарационными платежами и с междусоюзническими долгами. План Дауэса, по которому Германия внесла в 1929 г. 2,5 миллиарда марок, был пересмотрен в том же году комиссией финансовых экспертов под председательством американцаЮнга и заменен выработанным этой комиссией новым планом, известным под названием плана Юнга.

По плану Юнга общая сумма репарационных платежей была несколько сокращена, и Германии предоставлялись некоторые облегчения; ей давалась возможность отсрочивать ежегодные платежи в случае стечения каких-либо неблагоприятных условий, не ею вызванных. Германия обязана была по плану Юнга уплачивать репарации в течение 59 лет. Первые 37 лет — с 1929—1930 по 1965—1966 финансовый год — сумма ежегодных взносов, определенная для 1930 г. в 1708 миллионов марок, постепенно повышалась и достигала в последнем (1966) году 2498 миллионов, что составляло в среднем 1989 миллионов марок в год. С 1966 по 1988 г. ежегодные платежи колебались между 1607 и 1711 миллионами.

План Юнга установил, хотя и без согласия правительства США, определенную связь между ежегодными взносами репараций Германией и ежегодными взносами и погашением междусоюзнических долгов. Германия и ее

кредиторы подписали особое соглашение, по которому ежегодные взносы Германии уменьшались в случае уменьшения ежегодных платежей стран-победительниц по военным долгам США и Англии. Пункт этого соглашения гласил, что всякое сокращение собственных платежей победителей по военным долгам влечет за собой „соответствующее уменьшение германских ежегодных платежей".

С введением в действие плана Юнга репарационная комиссия упразднялась. Был создан Банк международных расчетов в Женеве, куда Германия должна была вносить ежемесячно причитающиеся с нее платежи, которые затем распределялись этим банком, согласно установленному расписанию, между странами-кредиторами.

Из общей суммы германских репараций страны-кредиторы получали по плану Юнга (раньше существовало другое распределение) в процентах: Франция 52,3; Великобритания 20,4; Италия 11,8; Бельгия 5,6; Югославия 3,9, Румыния 1,2; Португалия, Япония, Греция и Польша, каждая в отдельности, меньше чем по 1%. США должны были получить 3,2% в возмещение расходов по содержанию войск в Рейнской области.

План Юнга вызвал в Германии политические осложнения, которые породили большую тревогу в соседних странах, особенно во Франции, Бельгии и Италии. Германские шовинисты — националисты, национал-социалисты и другие пангерманские элементы — подняли шумную агитацию против плана Юнга и потребовали плебисцита по вопросу о репарационных платежах. Они рекомендовали этим путем отменить Версальский договор, отказаться от признания ответственности Германии за развязывание мировой войны и заявить, что „в дальнейшем Германия не должна принимать на себя никаких финансовых тягот или обязательств, основанных на признании ею вины за мировую войну, в том числе и обязательств, вытекающих из советов парижских экспертов по репарациям и последующих соглашений". По проведенному в декабре 1929 г. плебисциту высказались за предложение национал-социалистов и пангерманских элементов больше 5 миллионов избирателей, но для того, чтобы это предложение сделалось обязательным для правительства, требовалось получить больше 20 миллионов голосов. Хотя национал-социалисты и немецкие националисты потерпели поражение, развернувшийся в стране экономический кризис способствовал усилению их позиций, и количество приверженцев Гитлера начало с этого времени постоянно возрастать.

Германское правительство до июня 1931 г. без задержки вносило в Банк международных расчетов взносы по плану Юнга. Все выплаченные Германией суммы с сентября 1924 г. по 30 июня 1931 г. по планам Дауэса и Юнга составляли 11,16 миллиарда марок; из этой суммы получили: Франция 5 986,5; Англия 2 371,8; Италия 853,2; Бельгия 764,9; Югославия 453,8; США 449 миллионов и т. д.

Финансовый кризис разразился на полтора года позже, чем начался экономический кризис. Но он давал себя чувствовать уже в 1930 г., когда объявил себя несостоятельным австрийский банк Боденкредитанштальт (ипотечный или земельный банк). Несколько позже потерпели крах крупнейшие германские банки — Дармштадтский и Дрезденский.

21 марта 1931 г. было опубликовано австро-германское соглашение о таможенном объединении, которое вызвало политический переполох. Переговоры о таможенном объединении велись уже давно, и германское правительство считало, что противоречия в лагере победителей, с одной стороны, и заметно улучшившиеся в последние годы отношения между Германией, Францией и Англией, — с другой, облегчат проведение в жизнь этого акта.

Сообщение о состоявшемся соглашении было воспринято во всем мире, как первый шаг к присоединению Австрии к Германии. Франция, Италия и Чехословакия объявили протест в Вене, Германию и Австрию обвинили в нарушении договоров.

Английское правительство пыталось выступить посредником между обеими сторонами, но также было недовольно Берлином и Веной, что они поставили Лондон перед совершившимся фактом. Англия предложила Германии не принимать окончательного решения до очередного заседания Совета Лиги наций в мае, который должен был заняться обсуждением этого вопроса. Германия оказалась изолированной в Лиге наций и должна была отказаться от таможенного объединения.

Этот инцидент ослабил политическое положение Германии и Австрии и вызвал политическую тревогу в Европе, что сильно ухудшило экономическое и финансовое положение Австрии и Германии. Иностранные кредиты перестали поступать, а кредиторы краткосрочных займов начали их спешно изымать, чем была подорвана устойчивость финансовой системы обеих стран.

В мае 1931 г. потерпел крах венский банк Кредитанштальт, который контролировал 70% австрийской промышленности. Потери банка составили 600 миллионов шиллин-

гов. Правительство пришло на помощь банку, но этим поставило под угрозу финансовую систему и финансовую устойчивость государства. После краха Кредитанштальт произошел крах германского Донатбанка, который повлек за собой банкротство других крупных финансовых учреждений, в результате чего была потрясена в своей основе и финансовая система Германии. Началась утечка иностранных и германских капиталов за границу. Повышение процентной ставки с 5 до 7% не приостановило утечки капиталов.

5 июня 1931 г. германское правительство обратилось с манифестом к германскому народу, в котором возложило всю вину за расстройство экономической и финансовой жизни страны на Версальский договор, обязывающий платить репарации. Закрытие заводов и безработица, уменьшение частных доходов, высокие налоги и уменьшение государственных доходов, падение покупательной силы Германии на мировых рынках и, следовательно, углубление мирового экономического кризиса — все это, как говорилось в манифесте, результат уплаты репараций, „за которые мы ничего не получаем".

Германское правительство утверждало, что репарационные платежи являются постоянной причиной превышения государственных расходов над доходами, благодаря чему оно не может без обременительных для народных масс налогов и краткосрочных займов сбалансировать государственный бюджет. Это не соответствовало действительности. Истинная причина дефицитов в бюджете состояла в том, что правительство расходовало ежегодно миллиарды на выдачу безвозвратных ссуд промышленникам для расширения их шахт, фабрик и заводов и прусским юнкерам для погашения их долгов германским банкам, на поддержку милитаристических, националистических и шовинистических организаций, на пропаганду тезиса о „невиновности" германского империализма в мировой войне и т. д. Германские капиталисты использовали иностранные займы и государственные субсидии для переоборудования промышленности, в результате чего германская промышленность обновила аппаратуру и легче могла конкурировать с английской и французской промышленностью на иностранных рынках. Отрицая все это, манифест утверждал, что Германия тратит последние национальные запасы на уплату репараций и что германский народ не вздохнет свободно до тех пор, пока он не освободится от репарационных платежей.

Заключительная часть манифеста была обращена не

столько к германскому народу, сколько к кредиторам, внимание которых обращалось на невозможность дальнейшей уплаты репараций.

Германское правительство старалось использовать экономический кризис для того, чтобы освободиться от репарационных платежей. Оно по сути дела выдвигало те самые требования, которые национал-социалисты выдвигали при проведении плебисцита, но в более осторожной форме. и обосновывало их не политическими, а экономическими мотивами. Возлагая всю вину за расстройство хозяйственной жизни на страны-победительницы, оно этим самым заявляло, что без аннулирования репараций невозможно оздоровить народное хозяйство и наладить экономическую жизнь и финансы.

В результате опубликования манифеста, утечка золота из Германии за границу еще более усилилась. Так, например, между 30 мая и 6 июня 1931 г. золотые запасы Рейхсбанка уменьшились на 38 миллионов долларов, а с 7 по 15 июня на 130 миллионов. В следующие неполные две недели золотые запасы Рейхсбанка сократились с 613 до 445 миллионов. Утечка золота продолжалась. Германия, казалось, шла быстрыми шагами к финансовой и экономической катастрофе.

Опыт 1920—1923 гг. показал, что хозяйственная и валютная разруха в Германии вовлечет в свой водоворот и соседние страны. Мировой экономический кризис вызывал утечку золота из Франции, Англии и других европейских стран в США и затруднил уплату взносов по междусоюзническим долгам.

Когда выяснилось, что Германия намерена прекратить в ближайшие месяцы взносы по плану Юнга, — а это должно было повлечь за собой также и прекращение платежей европейских государств США, — президент Гувер выступил 20 июня 1931 г. по собственной инициативе с предложением о введении годичного моратория по репарациям и междусоюзническим долгам.

В обращении к американскому народу Гувер объяснил причины, заставившие его предложить годичный мораторий. „Цель настоящего шага, — говорилось в обращении, — посвятить весь предстоящий год делу экономического восстановления мира и помочь освободить силы, уже проявившиеся в Соединенных Штатах, от задерживающих их иностранных влияний.

Широкая депрессия сильнее затронула Европу, чем нашу собственную страну. Некоторые из этих стран остро чувствуют, как эта депрессия подтачивает их экономиче-

ские ресурсы. В обстановке этой депрессии тяжесть междуправительственных долгов, которую можно сносить в нормальное время, ощущается особенно остро.

В силу ряда связанных с депрессиями причин... в Соединенные Штаты притекает несоразмерно большое количество золота, ослабляя этим кредитную устойчивость многих стран. Эти и прочие затруднения... уменьшают покупательную силу нашего экспорта и до некоторой степени являются причиной нашей продолжающейся безработицы и понижения цен на продукты наших фермеров.

Мудрая и своевременная мера должна облегчить давление этих неблагоприятных факторов на заграничные страны и способствовать восстановлению доверия, политического мира и экономического доверия во всем мире... Суть настоящего предложения заключается в том, чтобы дать время правительствам-должникам восстановить их национальное благополучие. Я предлагаю американскому народу, в его собственных интересах, быть разумным кредитором и добрым соседом".

Обращение Гувера показывает вполне открыто, что не гуманные мотивы, а реальные интересы, желание предотвратить еще большую катастрофу побудило американский финансовый капитал объявить годичный мораторий. Гувер подчеркивал, что ни в малейшей мере не одобряет попытки связать уплату по репарационным платежам с уплатой взносов по причитающимся США долгам, и проводил различие между военными долгами и репарационными платежами. Ссылаясь на то, что в основу соглашения по долгам был положен „принцип платежеспособности должников", Гувер предлагал американскому народу оставаться верным этому принципу и не „вымогать каких бы то ни было сумм, превышающих платежеспособность того или иного должника".

Объявление годичного моратория послужило началом к полному фактическому аннулированию германских, австрийских, венгерских и болгарских репараций. Оно положило также начало фактическому прекращению платежей по междусоюзническим долгам, которые выражались в довольно внушительной сумме. 15 европейских стран-должников внесли после войны в казначейство США по счету военных долгов 2,6 миллиарда долларов, из которых взносы Англии составляли 1912 миллионов, Франции 486 миллионов, Италии 97 миллионов и Бельгии 52 миллиона. Если эти страны получили 93% платежей германских репараций, то они же внесли 97% всех платежей, полученных США с 15 стран-должников.

Фактическое аннулирование репараций и междусоюзнических долгов опрокинуло в ряде европейских государств финансовую систему и государственные бюджеты, которые зависели от получения репараций и взносов по междусоюзническим долгам. Так, например, не только Франция получала во много раз больше репараций, чем она уплачивала по военным долгам США и Англии, но и Англия покрывала свои ежегодные платежи США за счет германских репараций и взносов других европейских должников по междусоюзническим долгам, которые составили с 1924 по 1931 г. 314,4 миллиона долларов (от Франции 197,1; от Италии 107,1; от Бельгии 12,2 миллиона).

Германия платила репарации не за счет накоплений, а за счет новых займов, которые она получила с 1924 по 1931 г. в сумме около 20 миллиардов марок, из них около 10 миллиардов из США. Но так как она прекратила уплату процентов в погашение по новым займам, то оказалось, что после выплаты репараций за счет полученных у своих кредиторов займов у нее оставался еще излишек в 8—9 миллиардов марок, который был употреблен на переоборудование промышленности.

Фактическое аннулирование всех долгов принесло крупные выгоды германскому финансовому капиталу: 11,16 миллиарда марок репараций уплатил германский народ, а свыше 20 миллиардов кредитов из США, Англии, Франции, Голландии и Швейцарии получила германская крупная буржуазия. Эти миллиарды она израсходовала на расширение своего промышленного аппарата, на техническое переоборудование старых фабрик и заводов и на создание еще более мощной промышленности, чем она имела до 1919 г.[1]

Экономический кризис и его последствия — аннулирование репараций и долгов — укрепили германский финансовый капитал в целом. Производственная мощность гер-

---

[1] До введения плана Дауэса, т. е. до сентября 1924 г., Германия вносила в счет репараций, главным образом, всякого рода товары и имущество—железнодорожные материалы, уголь, военные запасы, оставленные на разных фронтах, конфискованное за границей германское имущество, торговый флот и т. д. Немцы утверждают, что стоимость всего этого имущества равна 42 059 миллионам марок, репарационная же комиссия оценивает его в 10 426 миллионов. Частные оценки, например, экономического института, Джона Кейнса и др. признают, что Германия уплатила до сентября 1924 г. около 26 миллиардов марок. Эта сумма во много раз меньше стоимости тех разрушений и расхищений имущества, которые произвели германские армии в оккупированных ими областях в 1914—1918 гг.

манской промышленности намного увеличилась и оставила далеко позади английскую и французскую промышленность.

Отсутствие собственного сырья для чрезвычайно возросшего производственного аппарата еще больше обострило противоречия между Германией и странами-победительницами и особенно между нею и Англией и по-новому поставило в порядок дня борьбу за рынки и сырье, борьбу за передел мира и за мировое господство.

За 1924—1931 гг. США получили от своих европейских кредиторов по одним военным налогам 8 миллиардов марок, но буржуазия США предоставила за эти же годы, кроме Германии, большие займы и другим европейским государствам, так что даже в период выплаты Германией репараций и поступлений в американское казначейство взносов по военным и послевоенным долгам задолженность Европы финансовому капиталу США постоянно увеличивалась.

Мировой экономический кризис опрокинул наиболее устойчивые валюты в мире. В сентябре 1931 г. Англия отказалась от золотого стандарта фунта стерлингов и понизила его стоимость почти на 30%. За фунтом стерлингов покатились и валюты других стран, которые были связаны с английской валютой. Не выдержал и американский доллар. 13 апреля 1932 г. правительство США отказалось от золотого паритета доллара и установило более низкую стоимость доллара по сравнению с его прежней стоимостью.

Мировой экономический кризис, таким образом, положил конец относительной и временной стабилизации капитализма, он отбросил промышленность, сельское хозяйство и мировую торговлю далеко назад, доведя их до деградации, разрушил кредитную систему, поколебал валюту, опрокинул долговые обязательства — репарации и междусоюзнические долги, нарушил уже установившиеся отношения между одними странами и обострил отношения между другими странами и между классами и отдельными социальными группами в капиталистических странах.

Небывалая длительность и особенно разрушительные размеры мирового экономического кризиса, который оказался наиболее тяжелым из всех предыдущих кризисов, были вызваны причинами особого характера.

„Объясняется это прежде всего тем, — указывал товарищ Сталин на XVII съезде партии в январе 1934 г., — что промышленный кризис захватил все без исключения

капиталистические страны, затруднив маневрирование одних стран за счет других.

Объясняется это, во-вторых, тем, что кризис промышленный переплелся с кризисом аграрным, охватившим все без исключения аграрные и полуаграрные страны, что не могло не осложнить и углубить кризис промышленный.

Объясняется это, в-третьих, тем, что аграрный кризис усилился за это время и охватил все отрасли сельского хозяйства, в том числе животноводство, доведя его до деградации, до перехода от машин к ручному труду, до замены трактора лошадью, до резкого сокращения, а иногда и полного отказа от применения искусственных удобрений, что еще больше затянуло промышленный кризис.

Объясняется это, в-четвертых, тем, что господствующие в промышленности монопольные картели стараются сохранить высокие цены на товары,— обстоятельство, делающее кризис особенно болезненным и мешающее рассасыванию товарных запасов.

Объясняется это, наконец,— и это главное — тем, что промышленный кризис разыгрался в условиях *общего* кризиса капитализма, когда капитализм не имеет уже и не может иметь ни в основных государствах, ни в колониях и зависимых странах той силы и прочности, какие он имел до войны и Октябрьской революции, когда промышленность капиталистических стран получила в наследство от империалистической войны хроническую недогрузку предприятий и миллионные армии безработных, от которых она не в силах больше освободиться.

Таковы обстоятельства, определившие глубоко затяжной характер нынешного промышленного кризиса.

Этими же обстоятельствами объясняется и тот факт, что кризис не ограничился сферой производства и торговли и захватил также кредитную систему, валюту, сферу долговых обязательств и т. д., разбив традиционно установившиеся отношения как между отдельными странами, так и между социальными группами в отдельных странах“[1].

В результате кризиса произошла еще большая концентрация капитала, еще большая часть промышленности была подчинена трестам и крупнейшим монополиям. Если в 1929 г. Форд, Дженераль Моторс и Крейслер выпускали 77% автомобилей в США и Канаде, то эти же фир-

[1] *Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 424—425.

мы производили в 1935 г. уже 93% всех машин; монополисты меди добывали и выплавляли в 1929 г. 38% всей меди, а в 1935 г. 71%. В Германии монополистические тресты выпускали в 1929 г. 50% всех промышленных товаров, а в 1934 г. от 70 до 80%. Такая же тенденция к усилению монополий и к уменьшению удельного веса необъединенных в тресты фирм в общем производстве товаров наблюдалась во всех капиталистических странах.

Международный экономический кризис не только покончил с относительной капиталистической стабилизацией и ликвидировал репарации и междусоюзнические долги, но создал и совершенно новую политическую обстановку, насыщенную военными бурями. Непримиримые противоречия внутри капиталистической системы расшатывали ее и обострили до крайности взаимоотношения: 1) между империалистическими государствами, которые вели между собой ожесточенную борьбу за рынки сбыта, источники сырья и вывоз капитала и поставили в порядок дня войну за передел мира на основе изменившегося в послевоенные годы соотношения сил; 2) между странами-победительницами и побежденными странами, которые уже перестали платить репарации и добивались отмены и других обязательств по послевоенным договорам; 3) между империалистическими странами и их колониями и зависимыми странами, которые оказывали сопротивление усиленной эксплоатации и нажиму империалистов, стремившихся переложить большую часть потерь от кризисов на народы колониальных и зависимых стран, и, наконец, 4) между буржуазией и рабочим классом в капиталистических странах.

Экономический кризис и последовавшая за ним депрессия особого рода расшатали капиталистическую систему и положили конец временной стабилизации капитализма, политическим выражением чего явились оккупация Японией Манчжурии, выход Японии из Лиги наций, рост вооружений и усиленная подготовка к войне за передел мира, фашизация государственного строя в ряде государств Европы, Азии и Южной Америки, приход к власти национал-социалистов в Германии, с одной стороны, падение фашистской диктатуры Примо де Риверы в Испании и победа демократической революции в Испании,— с другой.

Противоположный процесс происходил на другом полюсе — в стране строящегося социализма. Ликвидация кулачества как самого многочисленного эксплоататорского класса и перевод основных масс крестьян на путь

колхозов привели к окончательному упрочению советской власти в деревне. В итоге успешного выполнения первого пятилетного плана был построен незыблемый фундамент социалистической экономики — первоклассная тяжелая социалистическая индустрия и коллективное машинизированное земледелие. Были созданы все условия для бурного роста социалистического хозяйства, не знающего ни кризиса перепроизводства, ни безработицы.

Укрепление хозяйственной мощи и обороноспособности страны повысило удельный вес СССР в международной политике и значение нашей родины как устойчивого фактора мира.

В условиях постоянно углублявшегося экономического кризиса и разраставшегося антиимпериалистического движения во всех странах потерпели неудачу все попытки ограничения вооружений. В 1932 г. президент США Гувер предложил план сокращения всех сухопутных сил на одну треть. Этот план поддержало Советское правительство. Но после разных поправок буржуазных правительств к плану Гувера от него ничего не осталось. Женевская конференция по разоружению высказалась в том же году принципиально за сокращение всех видов наступательного вооружения, „воспрещения воздушных нападений на мирное население, химической, бактериологической и поджигательной войны". Германская делегация демонстративно ушла с конференции в знак протеста против непризнания требования Германии на равноправие в области вооружения.

Вместо ограничения вооружений началось всюду, несмотря на экономический кризис и обнищание всех стран, усиленное вооружение. „Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф, — указал товарищ Сталин на XVII съезде партии, подводя итоги экономическому кризису и его политическим последствиям, — СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Если там, в капиталистических странах, идет лихорадочная подготовка к новой войне для нового передела мира и сфер влияния, то СССР продолжает систематическую упорную борьбу против угрозы войны и за мир..."[1].

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 424.

Экономический кризис внес значительные изменения во взаимоотношения между отдельными государствами. Изменилась международная обстановка. Послевоенная Европа была построена на основе версальского мирного режима и в течение 14 лет носила печать этого режима. Версальская система определила политический характер международных отношений, экономику и финансы. Международный экономический кризис способствовал более быстрому разрушению этой основы политической и хозяйственной жизни. Один за другим пали устои послевоенной мирной системы. Сначала Германия приостановила платежи по репарациям, затем она потребовала равноправия в вооружении, которое было, хотя и с некоторыми ограничениями, принципиально признано победителями. Военные и репарационные статьи Версальского договора были, таким образом, фактически отменены. Япония опрокинула третью основу послевоенной системы — авторитет Лиги наций.

Экономический кризис дал толчок к более быстрому развитию уже ранее наметившегося процесса перегруппировки в рядах империалистических государств. Уже в течение нескольких лет одна Франция со своими союзниками — Польшей и Малой Антантой — фактически защищала, охраняла и отстаивала версальскую систему от напора государств, заинтересованных в ее разрушении. Против Франции и ее союзников выступала,— и с каждым годом все более решительно,— другая группа государств — Италия с ее полуфашистскими приверженцами, Венгрией и Болгарией,— требовавшая пересмотра Версальского договора. По мере усиления в Германии националистической и фашистской реакции и Германия примкнула к группе, возглавляемой Италией.

В этих условиях судьба версальской системы находилась в руках Англии и США. Но экономический кризис поразил как раз эти страны больше всех других стран. Они были заняты своими собственными внутренними делами и по разным причинам занимали в этом вопросе пассивную и выжидательную позицию. Они не вмешивались активно в борьбу между двумя континентальными группировками, а в вопросах вооружения реакционные круги Англии определенно поддерживали Германию. Такая политика двух наиболее крупных и могущественных держав усиливала итало-германскую группу.

Япония умело использовала создавшееся положение, не связывая себя формально ни с той, ни с другой европейской группировкой, и начала широкую подготовку

к нападению на Англию и США на Дальнем Востоке. Первым шагом было нападение Японии на Китай и выход ее из Лиги наций, после того как Лига наций признала ее агрессором, а захваченные ею территории частью Китая. Угроза войны росла.

В этой сложной обстановке положение Советского Союза становилось все более затруднительным. Из двух тенденций — воинственной и мирной — в некоторых странах брала верх первая. Становилась все более реальной опасность, что, не видя выхода из экономического кризиса и удовлетворительного разрешения противоречий между капиталистическими государствами, мировая буржуазия попытается организовать нападение на страну социализма и попробует, как указывал товарищ Сталин еще на XVI съезде партии в 1930 г., „... разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР...“[1].

Захват Манчжурии Японией.

Экономический кризис ударил с особой силой по Японии, промышленность которой работает на импортном сырье. Большая часть промышленной продукции Японии вывозилась за границу, поэтому народные массы испытывали большую нужду. С 1929 по 1931 г. экспорт Японии сократился на 47%, добыча угля на 27%, выплавка стали на 39%, судостроение на 70%, машиностроение на 50% и т. д. Число безработных достигло 3 миллионов.

В условиях жесточайшего кризиса борьба за китайский рынок приобрела особое значение. Более мощный американский империализм использовал ненависть народных масс Китая к японским империалистам и начал укреплять свои позиции в этой громадной стране, оттесняя постепенно Японию. Не будучи в состоянии тягаться с американским империализмом на экономическом поприще, Япония решила применить внеэкономические средства борьбы, считая момент подходящим для того, чтобы положить начало осуществлению уже давно разработанной программы покорения всей Азии.

В представленном японскому императору в 1927 г. меморандуме премьер-министр ген. Танака писал: „Япония не сможет устранить затруднений в Восточной Азии.

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, дополн., стр. 499.

если не будет проводить политику железа и крови... Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты Америки. Но для того, чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Манчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Все остальные азиатские страны и страны Южного моря будут нас бояться и капитулировать перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушать наши права. Имея в своих руках все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Манчжурией является первым шагом, если раса Ямато желает отличиться в континентальной Азии".

Японский империализм уже давно рассматривал Манчжурию и Монголию как свои владения. Японцы постоянно жаловались на хозяев этих богатых стран — китайцев, что они мешают им прибрать эти страны к рукам. Они жаловались на то, что китайцы строят железные дороги, которые оттягивают грузы от Южной Манчжурской дороги, что они не разрешают японцам приобретать в Манчжурии недвижимость и т. п.

18 сентября 1931 г. японские войска открыли военные действия и в короткое время вытеснили китайские войска из Манчжурии. Японцы захватили в свои руки все промышленные и торговые предприятия, транспорт, связь, банки и этим путем избавились от своих конкурентов.

После оккупации Манчжурии и превращения ее в свою колонию японцы объявили ее „независимым" государством Манчжоу-Го и посадили на манчжурский престол отпрыска манчжурской династии Пу И.

Захват Манчжурии прошел совершенно безнаказанно для Японии. Лига наций назначила для исследования вопроса на месте комиссию, которая закончила свою работу лишь в октябре 1932 г.

Разбойничьи действия японского империализма в Манчжурии явились, как скоро выяснилось, лишь началом осуществления программы ген. Танака. „Таким образом, благодаря японским фашизированным империалистам, на Дальнем Востоке образовался первый очаг войны"[1].

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 288.

Приход к власти Гитлера и нарастание военной опасности.

В результате экономического кризиса произошли наиболее сильные политические и социальные сдвиги в Германии. Под разрушительным влиянием кризиса началось быстрое усиление недовольства рабочего класса и обострение борьбы против капиталистической рационализации, увеличивавшей эксплоатацию, и систематического наступления капитала на жизненный уровень пролетариата и его основные политические и социальные завоевания.

Рабочему классу, однако, нехватало единства. Социал-демократия проводила политику раскола и отказывалась выступить вместе с коммунистами против реакционных сил.

В результате экономического кризиса усилилось влияние национал-социалистской партии Гитлера на мелкобуржуазные элементы. Эта партия крайней реакции требовала насильственного разрыва Версальского мирного договора, отмены Веймарской конституции и всех демократических свобод, роспуска всех рабочих организаций и беспощадной расправы с авангардом рабочего класса — с коммунистической партией.

Внешнеполитическую и внутренне политическую программу Гитлера поддерживали все реакционные партии Германии. Национал-социалисты, немецкие националисты, немецкая народная партия и другие правые группировки создали в октябре 1931 г. так называемый „гарцбургский блок" с целью свержения Веймарской республики.

Могущественная печать этих партий, располагавшая неограниченными материальными средствами, уже в течение ряда лет распространяла изо дня в день в миллионах экземпляров чудовищную ложь о том, что марксизм и коммунизм погубили Германию и стоят на пути возрождения ее сил. Она утверждала, что республиканские правительства, в которых участвовали и социал-демократы, якобы выполняют волю „марксистов" и что Веймарская конституция якобы проникнута антигерманским и „марксистским" духом. Они доказывали мелкой буржуазии и крестьянству, что причиной их разорения и необеспеченной жизни являются „марксисты", т. е. рабочий класс, который якобы использовал военное поражение в 1918 г. и последовавшую затем ноябрьскую революцию в Германии в своих корыстных целях. Республиканские правительства, утверждала она, являются игрушками в руках „марксистов".

Эти правительства, все внимание которых якобы поглощено борьбой за отстаивание „незаконно“ захваченных рабочими прав, довели Германию до полного внутреннего и внешнего бессилия, и они не могут и не хотят защитить страну от внешних врагов, не борются за отмену репараций и за восстановление военного могущества страны. Германская республика и Веймарская конституция, клеветнически утверждала печать, чужды народному духу и традициям германского народа. Кто хочет возрождения сильной Германии и избавления от нищеты, тот должен бороться против республиканского строя, тот должен требовать отмены Веймарской конституции, тот должен совершить государственный переворот и изгнать „марксистский“ дух из германских государственных учреждений, вырвать с корнем „измену“ и передать власть в руки „чистых“ по крови немцев, которые обеспечат возрождение могущества Германии и благосостояние всех классов общества.

Наряду с этой разнузданной и лживой от начала до конца контрреволюционной пропагандой в печати фашистская партия и другие реакционные партии Германии не скупились на демагогические обещания рабочим, крестьянам, мелким торговцам, ремесленникам и интеллигенции. Социальная демагогия имела успех,— фашистам удалось обмануть городскую и сельскую мелкую буржуазию, перетянуть ее на свою сторону и сделаться внушительной политической силой.

Фашисты обещали рабочим уничтожить безработицу, повысить заработную плату и увеличить выдачу пособий по социальному страхованию; крестьянам они обещали повышение цен на продукты их труда и уничтожение их задолженности банкам; мелким торговцам и ремесленникам они обещали обеспеченную жизнь путем ликвидации крупных универсальных магазинов, отмены арендной платы, аннулирования долговых обязательств, введения дешевого кредита и т. п.

Внешнеполитическая программа фашистов требовала аннулирования Версальского мирного договора, усиленного вооружения, расширения границ и организации войны против Советского Союза.

Эта демагогическая реваншистская программа обманула мелкобуржуазные классы, и они стали отдавать свои голоса на выборах национал-социалистам. Гитлеровцы завоевали уже в 1931 г. большинство голосов в ландтагах Брауншвейга, Ольденбурга и Тюрингии, где были созданы национал-социалистские правительства.

На выборах в рейхстаг в 1928 г. фашисты получили 800 тысяч голосов, а в 1930 г. 6,4 миллиона. Еще через два года число поданных за фашистов голосов больше чем удвоилось. Во время президентских выборов весной 1932 г. Гинденбург, за которого голосовали и социал-демократы, получил 19,3 миллиона, Гитлер 13,4 миллиона, а кандидат коммунистической партии Тельман 3,7 миллиона голосов.

Результаты президентских выборов привели к отставке Брюнинга и к формированию правительства „национальной концентрации" фон-Папена, в которое вошел политический руководитель рейхсвера ген. Шлейхер. Это правительство произвело переворот в Пруссии, которой управляла коалиция из социал-демократов и католического центра.

На происходивших летом 1932 г. выборах в рейхстаг национал-социалисты получили 13,7 миллиона голосов, социал-демократы 7,9 и коммунисты 5,2. Фашисты потребовали передачи им власти. Однако крупный капитал еще не считал это возможным. Правительство Папена издало чрезвычайные законы о повышении налогов и уменьшении пособия безработным, увеличило рабочий день и уменьшило заработную плату.

Классовая борьба разгоралась. Росло число членов коммунистической партии, которая возглавляла стачечную борьбу. В стране быстро нарастало революционное движение, с которым правительство Папена не в состоянии было справиться обычными мерами.

Новые выборы в рейхстаг в ноябре 1932 г. дали национал-социалистам 11,7 миллиона голосов, социал-демократам 7,2 и коммунистам 5,9.

То обстоятельство, что социал-демократы удерживали прежнее количество голосов, а коммунисты даже получили на 700 тысяч больше, при одновременной потере фашистами 2 миллионов голосов, побудило финансовый капитал и юнкерство заговорить о передаче власти фашистам. Новое правительство ген. Шлейхера, образованное в начале декабря 1932 г., попыталось справиться с положением посредством „смягчения" чрезвычайных декретов Папена и усиления политического террора, но это не достигло цели.

Классовая борьба расширялась и принимала ярко выраженный политический характер. В этих условиях германский финансовый капитал решил передать фашистам власть и поручить им уничтожить демократические свободы и парламентскую форму правления, покончить со

всеми остатками социальных завоеваний рабочего класса после ноябрьской революции 1918 г.

Отсутствие единства в рабочем классе и постоянные отказы социал-демократических вождей образовать единый фронт с коммунистами для борьбы с реакцией и с фашистской опасностью облегчили Гитлеру возможность пробраться к власти. В январе 1933 г. власть была передана Гитлеру.

„В этой связи,— говорил товарищ Сталин на XVII съезде партии,— победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измен социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать также, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления,— как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны“[1].

Гитлер пришел к власти с внешнеполитической программой, которая требовала вооружения Германии, организации буржуазной Европы для войны против СССР и осуществления „миссии Германии на Востоке“.

„Целью будущей войны,— писала официальная национал-социалистская газета,— является не какой-нибудь клочок земли, не провинция, не рынок, ее целью является, говоря прямо,— убить врага, уничтожить его навсегда, как народ“.

Гитлер пришел к власти с программой тотальной войны против всех, войны за передел мира и установление мирового господства Германии. Это была не его программа,— этого требовали Тиссены и Круппы.

Когда Гитлер пришел к власти, Германия уже добилась со стороны Англии, Франции и других победителей признания равноправия в вопросах вооружения и фактической отмены репарационных платежей. Этого признания германские правительства Брюнинга, фон-Папена и Шлейхера настойчиво добивались и добились. Лозаннская конференция в июне 1932 г., в которой участвовали Англия, Франция, Германия, Италия и Япония, постановила заменить репарационные обязательства Германии по

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 430.

плану Юнга уменьшенными платежами, которые должны были составить всего около 3 миллиардов марок и уплату которых Германия должна была начать лишь через четыре года. Это соглашение предусматривало полное аннулирование платежей Германии при наступлении известных условий, вытекающих из общемирового экономического кризиса. Эти условия наступили очень скоро. Согласно гуверовскому мораторию должники США обязаны были внести 15 декабря 1932 г., после годичного перерыва, в американское казначейство первые взносы по междусоюзническим долгам. Это не было сделано, и Германия полностью освободилась от репараций.

Конференция пяти держав — Англии, Германии, Франции, Италии и США — постановила 11 декабря 1932 г. предоставить Германии равноправие в вопросах вооружения, что должно было быть закреплено в конвенции на конференции по сокращению вооружений. Англия, Франция и Италия признавали в статье 1 этого соглашения, что „одним из принципов, которым должна была бы руководствоваться конференция по сокращению и ограничению вооружений, должно бы было явиться предоставление Германии так же, как и другим державам, разоруженным по договорам, равенства прав в системе, дающей безопасность всем нациям, и что этот принцип должен был бы найти свое выражение в конвенции, которая заключила бы выводы конференции по сокращению и ограничению вооружений".

Англия, Франция, Германия и Италия заявляли далее, что они готовы принять участие в коллективном „торжественном подтверждении всеми европейскими государствами того, что ни при каких обстоятельствах они не будут пытаться разрешить путем применения силы каких-либо существующих или будущих разногласий между странами".

Наконец, все пять держав, в том числе и США, заявили, что будут добиваться заключения без промедления конвенции, „предусматривающей существенные сокращения и ограничения вооружений, с последующим ее пересмотром для дальнейших сокращений".

Добившись удовлетворения своих требований, германское правительство согласилось принять вновь участие в Женевской конференции по сокращению и ограничению вооружений. Таким образом Германия получила полное удовлетворение по двум наиболее важным пунктам ее расхождения с бывшими победителями.

Однако национал-социалистов и немецких национали-

стов, входивших в первое правительство Гитлера, не удовлетворяло теоретическое признание равноправия Германии. Их еще меньше удовлетворяло решение „конференции пяти“ в той части, которая ставит равенство прав Германии на вооружение в зависимость от создания системы, обеспечивающей „безопасность всем нациям“. Германский фашизм добивался не „равноправия“, а такого вооружения, которое поставило бы в безопасность одну Германию и представляло бы опасность для всех ее соседей. Он вовсе не хотел ждать и требовал немедленного вооружения.

Гитлер заявил 7 февраля 1933 г. корреспонденту ряда английских консервативных газет полковнику Эттертону, что Германия и весь мир должны разрешить в первую очередь вопрос о разоружении и что разрешение этой нелегкой задачи зависит, главным образом, от англо-саксонских народов. Разоружение, сказал Гитлер, должно быть проведено на основании полного равенства. „Одно из двух: или Франция должна разоружаться в такой степени, как и мы, или же мы должны быть уравнены в правах с ней“. В том же интервью Гитлер требовал „исчезновения“ Версальского договора. „Моя позиция в этих вопросах будет примирительной, однако, нужно повлиять на Париж, чтобы он признал, что завязанные в 1919 г. условия сейчас несправедливы и даже невозможны“. Гитлер настаивал в первую очередь на уничтожении „несправедливости“ в так называемом „Польском коридоре“. Далее он тут же обратил внимание на грозящую всему миру опасность со стороны коммунизма, уничтожение которого ставят своей задачей национал-социалисты. Заявление Гитлера было обращено к англо-саксонским странам (Англии и США). От них германский фашизм ожидал помощи в предстоящей борьбе.

С еще более категорическим требованием уже не „равноправия“ Германии, а „разоружения сильно вооруженных государств“, выступил в конце февраля германский министр иностранных дел фон-Нейрат в журнале „Народ и империя“. В статье „Наше терпение истощено“ он писал: „Более 12 лет мы напрасно ждем, что сильно вооруженные государства выполнят торжественно принятые обязательства разоружиться. *Наше терпение теперь исчерпано*“. 11 марта тот же Нейрат заявил на вечере, устроенном „Восточноазиатским союзом Гамбург — Бремен“, что внешнеполитическое положение Германии очень тяжелое и что налицо опасность образования противогерманского фронта государств; причина этого в том, что Герма-

ния требует от „перенасыщенных“ государств согласия на изменение „несправедливого и противоестественного“ порядка вещей. „Всегда было трудно,— продолжал Нейрат,— основательно *изменить мирными средствами внутренне неспокойный мир*... Человечество не имеет другого выбора: или Германия будет итти без помех извне по пути справедливости и свободы и сделается опять очагом свободы в сердце Европы, или же Европа свалится в бездну“.

Вопрос был поставлен четко и ясно — или удовлетворение всех требований финансового капитала и юнкерства Германии, или гибель Европы. Третьего пути не дано.

Эти и многие другие выступления вождей германского фашизма, разнузданная травля в германской печати всех соседних стран и постоянные угрозы по их адресу, кровавый террор и еврейские погромы, преследования рабочих, коммунистов, социал-демократов и всех антифашистов, поджог рейхстага и другие бесчинства фашистов внутри страны и за ее пределами оказали отрицательное влияние на общественное мнение за границей.

Соседние с Германией страны почувствовали грозящую им со стороны германского фашизма смертельную опасность. Рабочие и демократические элементы во всех странах требовали от своих правительств принятия определенных мер для отпора грядущей опасности. „Третья империя“ оказалась в первые два-три месяца своего существования политически изолированной.

Германскому фашизму симпатизировали довольно влиятельные аристократические круги в Англии, некоторые изоляционистские элементы в США, „пятая колонна“, т. е. местные открытые и скрытые фашистские агенты во всех странах, где они в то время имелись. Но на них немецкие фашисты не могли тогда опереться и строить свою внешнюю политику.

Гитлер вынужден был изменить тактику. Он и его подчиненные стали играть в „миролюбие“. Как по команде фашистские главари стали заявлять, что национал-социализм и не помышляет о насильственном изменении договоров. Они начали заверять, что фашистская Германия думает лишь о мире и об уничтожении коммунизма, за что она ждет благодарности и награды от всего мира.

Принимая 26 апреля 1933 г. лорда Ньютона, вице-канцлер фон-Папен заявил ему, что Германия хочет мира и одобряет предложение Муссолини о заключении пакта четырех держав. „Германия,— сказал он,— оказала в по-

следние дни историческую услугу человечеству. Она собрала всю свою энергию для борьбы с *угрожающим большевизмом.* Этим самым она уничтожила очаг заразы, который скрывал в себе величайшие опасности для всех соседних стран".

Играя на классовых инстинктах, фон-Нейрат заявил в июне 1933 г. в речи по радио к американскому народу: „Государственное руководство в Германии изменилось. Внешняя политика осталась попрежнему миролюбивой. Новая внутренняя политика создала единое государство. Этим самым Германия сделалась наиболее крепким бастионом против коммунистической опасности. Имперский канцлер высказался в своей правительственной декларации самым определенным образом за миролюбивую внешнюю политику. Эта декларация должна рассеять все опасения относительно внешнеполитической позиции национал-социалистского правительства".

Правда, одновременно Геббельс заявил представителям печати в Гамбурге нечто противоположное. „Мы стоим, — сказал он,— перед фактом, что мир не понимает Германии. Этому не следует удивляться, так как в продолжение 14 лет марксисты дискредитировали Германию перед всем миром. Несмотря на это, я все же убежден, что Германии предстоит выполнить мировую миссию. Революция (фашизм — *Ф. Н.*) в Германии не ограничится двумя европейскими государствами. Борьба Гитлера против демократического государства является лишь началом, в конце этого развития будет национал-социалистская Европа".

Желая предотвратить создание антифашистского блока государств, правительство Гитлера парафировало 7 июня 1933 г. текст договора о согласии и сотрудничестве между Англией, Францией, Италией и Германией, известный под названием пакта четырех. Этот договор подтверждал все обязательства четырех государств, принятые ими по уставу Лиги наций, локарнским соглашениям, договору Келлога — Бриана и женевскому „договору пяти" от 11 декабря 1932 г., о необращении к силе для разрешения конфликтов. Пакт четырех обязывал договаривающиеся стороны впредь „согласовывать между собой все относящиеся к ним вопросы" и прилагать все усилия к тому, „чтобы осуществлять в рамках Лиги наций политику действенного сотрудничества между всеми державами в целях поддержания мира". Четыре государства обязывались разрешать все вопросы, задевающие их интересы, только через органы Лиги наций и „приложить все

усилия к тому, чтобы обеспечить успех конференции по разоружению".

Скоро после прихода к власти национал-социалистское правительство сделало еще один „миролюбивый" жест: оно продлило срок действия советско-германского договора 1926 г. о нейтралитете.

Подписание всех этих международных актов преследовало одну цель — обмануть мировое общественное мнение, расстроить путем подписания международных договоров создание антифашистского блока, пока национал-социалисты еще недостаточно укрепились внутри страны. Абсурдно думать, сказал в это время Розенберг, что национал-социалисты могут „искоренять" марксизм и коммунизм в интересах всей Европы и одновременно готовить войну против этой же самой Европы. С такой проповедью Розенберг ездил в первой половине 1933 г. в Лондон.

Германским фашистам удалось обмануть руководящие круги буржуазных стран Европы и Америки, усыпить их бдительность и отодвинуть угрозу внешнеполитической изоляции.

Гитлер подписывал в 1933 г., как и в последующие годы, международные договоры, вовсе не собираясь соблюдать те обязательства, которые они налагали на фашистскую Германию. Для национал-социалистов, как и для их духовных предтеч — пангерманцев, договор не что иное, как „клочок бумаги", который можно без зазрения совести разорвать, когда в нем миновала надобность.

Оказавшись перед необходимостью вести показную „миролюбивую" политику, Гитлер разъяснял своим недоумевавшим приверженцам истинный смысл этого „миролюбия" и то значение, которое он придает международным договорам. „Я готов гарантировать все границы,— сказал Гитлер в начале 1934 г. Раушнингу, — и заключить пакты о ненападении и дружбе с кем угодно. Было бы полнейшей глупостью отказаться от этих шагов только потому, что, может быть, понадобится эти торжественные обещания порвать... Всякий, кто настолько чувствителен, что не хочет подписать договор прежде, чем он будет уверен в верности ему, всегда и при всех условиях дурак... Почему я не должен подписать в полной вере соглашение сегодня и без колебаний разорвать его завтра".

Среди всех правительств мира одно лишь Советское правительство во-время распознало истинные намерения вождей германского фашизма и правильно оценило ту громадную угрозу безопасности Европы и всего мира,

которую представляла Германия с момента прихода к власти Гитлера. Относясь попрежнему благожелательно к расширению сети международных договоров, обеспечивающих и гарантирующих мир, Советское правительство, однако, не обманывало себя насчет того, насколько „миролюбивые" декларации национал-социалистов и подписанные ими договоры являются действительной порукой ненарушимости мира. Именно поэтому Советское правительство, прилагая все усилия к улучшению советско-германских отношений, одновременно, в связи с агрессией Японии в Манчжурии и с приходом к власти национал-социалистов в Германии, развивало широкую дипломатическую и публичную деятельность по разъяснению ухудшившегося положения в Европе и на Дальнем Востоке и старалось побудить все страны, заинтересованные в сохранении мира, образовать могучий блок для коллективной защиты безопасности и мира. Из такого блока государств, цель которого заключалась в коллективной гарантии целостности территории и независимости всех его участников, не должна была быть исключена и Германия.

Германские фашисты, всегда утверждавшие, что разоружение Германии является угрозой для ее безопасности, что эта угроза якобы идет со стороны СССР и Франции, отклонили предложение правительств этих стран заключить с Германией договоры о ненападении. И не взирая на подписанные предыдущими германскими правительствами договоры и на подписанный им самим римский „пакт четырех", обязывавшие Германию поддерживать мир и все предложения, предусматривавшие мирное разрешение международных конфликтов, правительство Гитлера начало оказывать поддержку тем государствам в Лиге наций и вне ее, которые стремились, как и Германия, к захвату чужих территорий и к переделу мира.

Между Германией и Японией установились близкие отношения. Оба агрессивные государства, играя на классовых интересах реакционной буржуазии Европы и Америки и желая замаскировать истинные цели своей политики, объявили себя — одно в Европе, другое на Дальнем Востоке — „защитниками от коммунизма и большевизма", якобы угрожающих всему миру.

После длительных проволочек собрание Лиги наций нашло наконец в себе мужество принять 24 февраля 1933 г. доклад Комитета девятнадцати по китайско-японскому спору, который признал, что „суверенитет над Манчжурией принадлежит Китаю" и оккупация японскими

войсками Манчжурии является неправомерным, насильственным актом. В соответствии с этим, собрание Лиги наций вынуждено было рекомендовать Японии вывести свои войска из Манчжурии и вернуть эту провинцию ее настоящему хозяину — Китаю.

Собрание Лиги наций, однако, учитывало „специальные местные условия Манчжурии, особые права и интересы, которыми там обладает Япония, и права и интересы третьих стран“, и поэтому рекомендовало „создание в Манчжурии в разумный срок организации, подчиненной суверенитету Китая и соответствующей его административной целости“. „Эта организация,—говорилось далее в докладе Комитета девятнадцати,—должна включать широкую автономию, отвечать местным условиям и считаться с особыми правами и интересами, которыми обладает Япония, с правами и интересами третьих государств“.

Объявление всеми буржуазными государствами мира, в том числе США и Германией, действий Японии в Манчжурии неправомерными, агрессивными, обязывавшее ее вернуть эту провинцию Китаю, поставило японское правительство в невыгодное положение. Зная однако слабость Лиги наций и отсутствие у нее реальной силы для принуждения к выполнению ее решений, с одной стороны, и имея скрытую поддержку со стороны Германии и Италии — с другой, японское правительство ответило Лиге наций, что оккупация Манчжурии в 1931 г. была актом „самообороны“, что образование Манчжоу-Го вовсе „не является нарушением статута Лиги наций, договора девяти держав и Парижского пакта, или же каких-либо иных международных договоров“. Японское правительство утверждало, что к Китаю нельзя прилагать общепринятых мерок, как это делается при разрешении конфликтов с „организованными“ государствами. Ввиду того, что в Китае будто бы государственная власть никогда „не управляла всей страной“, нельзя применять к японо-китайскому конфликту общих формул, применимых к другим международным конфликтам. Японское правительство отвергло решение собрания Лиги наций, так как оно является, по его мнению, „вмешательством“ в суверенные права Китая и не учитывает действительности. Оно обвинило собрание в принятии „академических и несовершенных принципов“. „Можно сказать, — развязно продолжало японское правительство,—что собрание высказывается лишь в пользу формул, а Япония — в пользу твердой действительности. Япония опирается на установленные принципы, а собрание на предвзятые гипотезы“. Японское правительство утвер-

ждало, что после образования Манчжоу-Го был установлен мир и порядок вместо „бандитизма“ и что признание Манчжоу-Го и его всемерная поддержка „является единственным путем, могущим привести к удовлетворительному разрешению манчжурского вопроса и к поддержанию длительного мира на Востоке“.

В заключение японское правительство заявляло, что, создав Манчжоу-Го, оно оказало услугу всему миру. „Коммунизм уже наводнил Китай,—говорило оно,—его тревожное развитие и успехи распространения слишком редко признаются. Китай, ставший коммунистическим, поставил бы перед Европой и Америкой проблему, сравнительно с которой все другие вопросы стали бы ничтожными. Наоборот, Манчжурия, свободная от всяких связей с Китаем, заграждает путь коммунистической опасности на Дальнем Востоке“.

Японское правительство выражало надежду, что Лига наций оценит заслуги Японии, изменит свое отношение к японо-китайскому конфликту и, вместо академической и неприменимой доктрины, признает положительную работу „созидательных сил, которые обеспечивают поддержание мира в различных частях света“.

Выставляя себя жандармом, оберегающим Дальний Восток от „угрозы коммунизма“, японские самураи перекликались с немецкими национал-социалистами, которые объявили себя „стражами“ и укротителями коммунистической опасности в Европе. Идеологическая и политическая связь между двумя агрессивными державами была, таким образом, установлена, что вскоре нашло свое выражение в поддержке одной державой агрессивных планов и действий другой.

Заявление Японии никого не убедило. Лига наций настаивала на своем решении, что Япония, захватив Манчжурию, нарушила все договорные обязательства и является поэтому агрессором.

27 марта 1933 г. японское правительство известило генерального секретаря Лиги наций о выходе Японии из ее состава, мотивируя это решение следующими соображениями. Национальная политика Японии содействует укреплению мира на Дальнем Востоке и во всем мире; к этому стремилась и Лига наций, поэтому Япония „считала себя счастливой“ сотрудничать с нею „в деле реализации этого высокого идеала“. Преследуя те же цели, что и Лига наций, японское правительство согласилось в сентябре 1931 г. передать японо-китайский конфликт на рассмотрение Лиги наций. Но в процессе рассмотрения

этого вопроса члены Лиги наций не обратили внимания на постоянные напоминания японского правительства, что „Китай не является организованным государством“, что „его внутреннее положение и внешние сношения характеризуются чрезвычайной неясностью и сложностью, а также многочисленными ненормальными и исключительными признаками“, и что „вследствие этого общие принципы и обычаи международного права, регулирующие обычные отношения между нациями, должны быть значительно изменены при их применении к Китаю“. Ввиду того, что большинство членов Лиги наций оказалось неспособным это понять и продолжает утверждать, что „образ действий японской армии во время инцидента 13 сентября и позднее не может считаться необходимой обороной“, то этим самым решение Лиги наций „создает новый источник для конфликта на политической арене Востока“. Отказываясь, далее, признать законность образования Манчжоу-Го, Лига наций этим самым „препятствует стабилизации положения на Дальнем Востоке“. В силу всего этого, заканчивало японское правительство свою телеграмму, оно извещает „о намерении Японии выйти из Лиги наций“.

Необходимо отметить, что насквозь лживые, лицемерные и наглые аргументы, которые выставило японское правительство для оправдания захвата Манчжурии, были целиком усвоены немецкими фашистами. Каждый раз, когда Гитлер собирался напасть на соседнюю страну, он объявлял ее „очагом беспорядка и большевизма“, угрожающих Германии и вынуждающих его избавить свою родину и всю Европу от опасности.

Первое выступление национал-социалистского правительства на международной арене было направлено против целостности СССР. На созванной в июне 1933 г. международной конференции в Лондоне с целью экономического разоружения германский министр народного хозяйства Гугенберг представил меморандум, в котором он требовал „свободы действий на Востоке“, т. е. невмешательства в устремления Германии в сторону СССР и оказания ей помощи. Заявление Гугенберга встретило тайное сочувствие со стороны английских консерваторов, представлявших наиболее реакционную часть аристократии и финансовой плутократии Англии. Реакционная буржуазия Европы смотрела на фашистскую Германию как на оплот „порядка“ и защитный вал против революционного движения, откуда бы оно ни шло.

Приход Гитлера к власти и наметившееся уже в начале 1933 г. сближение между Германией, Японией и

Италией в корне изменили международную обстановку. Все эти три державы стремились к изменению политической карты мира, чего они даже не считали нужным скрывать. Фашистская Германия требовала для начала пересмотра мирных договоров, возвращения отошедших к Польше областей, присоединения Австрии, части Чехословакии, возвращения „украденных" колоний и т. д. Эти требования были направлены в первую очередь против Англии и Франции и их союзников.

Но у Гитлера была и другая программа, осуществление которой он вовсе не намеревался откладывать на долгие годы. Эта программа предусматривала создание „великой" Германии, в пределы которой должны были войти на Западе—Бельгия, Голландия, Эльзас и Лотарингия и Северная Франция, на Севере—Дания, Швеция и Норвегия, на Востоке—Польша, прибалтийские государства, Украина, Кавказ, Поволжье, а также Иран и другие страны. Германия должна была по этой программе стать не только колониальной державой, но и великой морской державой с флотом, превосходящим английский. С такими политическими планами германский фашизм пришел к власти.

Уже задолго до прихода к государственной власти немецкие фашисты начали подрывную работу в Южной Америке, Мексике и Соединенных Штатах Америки. „Мы создадим там,—говорил Гитлер своим приближенным,— новую Германию. Мы найдем там все, в чем нуждаемся". Гитлер основывал „право" Германии на обладание южноамериканским континентом на том, что „Фуггеры и Вельзеры имели там владения". „Мексика может сделать Германию,—сказал Гитлер,—богатой и великой, и она сама нуждается в немецком хозяине", поэтому и она была включена в круг интересов фашистской Германии. И народам США не избежать участи иметь немецко-фашистского хозяина. Эту огромную страну германский фашизм надеялся завоевать изнутри, опираясь на несколько миллионов американских граждан немецкого происхождения. „Только национал-социализм призван освободить американский народ от его руководящей клики и дать ему средства стать великой нацией",—говорил Гитлер. И фашистская Италия имела свою программу экспансии в Африку, на Балканы и в сторону Франции.

Захватнические планы Японии и Италии сделались особенно опасными лишь с того момента, когда в центре Европы образовалось правительство, жаждущее завоеваний и заставившее работать ускоренными темпами весь эконо-

мический, промышленный, политический и идеологический аппарат страны на подготовку войны. Захватнические планы и Германии, и Японии, и Италии выросли в настоящую и реальную угрозу безопасности и миру с того момента, когда вполне определилось, что правительства этих трех держав, объединенные одинаковыми целями, начали атаку на мирные договоры, оказывая друг другу открыто и тайно дипломатическую и политическую поддержку.

Все три агрессивные державы предъявляли притязания на территории Великобритании и Франции и их союзников, на территории Китая и США. Поэтому после прихода Гитлера к власти противоречия между бывшими странами-победителями начинают затушевываться и отходить на задний план. На первое место выдвигаются противоречия англо-германские, франко-германские, японо-американские и англо-японские. Большое значение приобретают также и итало-французские противоречия.

Очень быстро нарастая, англо-германские противоречия постоянно обостряются, начинают господствовать над всеми другими противоречиями и накладывать свой отпечаток на международные отношения накануне второй мировой войны. Это, однако, не мешало тому, что в первые годы после прихода Гитлера к власти отношения между Германией и Англией не только не ухудшились, но внешне даже улучшились и национал-социалистское правительство на международных конференциях часто поддерживалось Лондоном.

Захватнические устремления фашистской Германии и Японии в сторону СССР, публичные заявления фашистких главарей, что национал-социализм видит свою „священную миссию“ в „уничтожении большевизма“ и что весь капиталистический мир ему одному обязан избавлением от большевистской опасности в центре Европы, с одной стороны, и постоянные пограничные инциденты на советско-манчжурской границе и отклонение японским правительством советского предложения заключить договор о ненападении с СССР — с другой, резко ухудшили отношения между СССР и Германией и СССР и Японией.

Вполне реальная угроза нападения со стороны наметившегося блока агрессивных держав на миролюбивые государства не вызвала, однако, готовности со стороны миролюбивых государств дать отпор агрессорам. Реакционные группы правящей буржуазии Англии и Франции, ослепленные классовой ненавистью к революционному движению, смотрели на Гитлера как на укротителя ре-

волюции и отказывались видеть в фашистской Германии угрозу миру. Они не хотели ставить препятствий агрессорам в надежде, что им удастся отклонить замышлявшееся ими нападение в другую сторону — против СССР. В этом была главная причина неудачи всех попыток Советского правительства организовать прочный и боеспособный блок миролюбивых государств против агрессивных сил для коллективного отпора нападению и коллективной защиты безопасности и мира.

В то время еще можно было обуздать агрессивные державы, если бы английская и французская правящая буржуазия этого хотела. Вместо обуздания, часть наиболее влиятельной и реакционной буржуазии тайно поощряла Гитлера и Японию к агрессии, надеясь, что они бросятся на СССР и удовлетворят свои хищнические аппетиты за его счет и тогда не станут предъявлять претензии к Франции и Англии.

Борьба СССР за организацию коллективной защиты мира и насильственное изменение Германией договоров и границ Европы.

Угроза мировой войны после прихода Гитлера к власти нарастала угрожающими темпами. Фашистская Германия стала во главе всех недовольных агрессивных стран и приступила к дипломатической и технической подготовке к войне. В этих условиях Советское правительство, верное своей политике мира, с еще большей активностью приступило к организации коллективной безопасности против агрессии на основе договоров о ненападении и об оказании взаимной помощи против нападающего государства, к сплочению всех государств, которым угрожало нападение.

Огромную роль в этом отношении сыграло выработанное Советским правительством определение понятия „агрессора“, которое было признано многими государствами.

3—5 июля 1933 г. Советское правительство подписало в Лондоне с десятью государствами (Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией, Афганистаном, Чехословакией, Югославией и Литвой) конвенцию об определении нападающей стороны. Нападающей стороной, как говорилось в этой конвенции, является „государство, которое первое совершило бы одно из следующих действий: 1) объявление войны другому государству; втор-

жение своими вооруженными силами, хотя бы и без объявления войны, на территорию другого государства; 2) нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы и без объявления войны, на территорию, суда или воздушные суда другого государства; 3) морскую блокаду берегов или портов другого государства; 4) помощь, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на ее территории, вторглись бы на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование подвергшегося вторжению государства, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства".

Эта конвенция предусматривала все виды враждебных действий, которые агрессивные державы всегда применяли при нападении на свои жертвы, а также все прямые и косвенные действия, которые агрессоры пускали на практике в ход для того, чтобы вызвать ответные мероприятия со стороны тех, против кого они были направлены, и создать таким образом предлог для нападения, вызванного якобы необходимостью „обороны". В конвенции перечислялись все известные в истории поводы, использованные для оправдания враждебных действий, чтобы общественное мнение заранее о них знало и их при повторении осудило.

Советское правительство внесло еще 6 февраля 1933 г. проект декларации об определении нападающей стороны на обсуждение генеральной комиссии конференции по ограничению вооружений в Женеве. Комитет по безопасности в основном одобрил его. При рассмотрении проекта декларации общей комиссией конференции выяснилось, что не все представленные в ней государства готовы применять без оговорок советское определение агрессора, охватывающее все мыслимые — прямые и косвенные — виды нападения.

Советский проект имел мало шансов стать в короткое время общепризнанным международным актом, затрудняющим нападение одного государства на другие и служащим укреплению общего мира. Это побудило Советское правительство предложить указанным десяти странам, которые целиком признали советское определение агрессии, подписать конвенцию и этим путем содействовать укреплению мира хотя бы в части Европы и Азии. Действуя, таким образом, в обход громоздкой и сложной процедуры Лиги наций, Советское правительство исходило из принципа, что мир неделим и что укрепление

мирных отношений между некоторыми государствами содействует улучшению и укреплению мирных отношений в целом во всем мире.

Конвенция об определении нападающей стороны не была изолированным и случайным актом, вызванным ухудшившимся международным положением, в связи с экономическим кризисом, приходом к власти Гитлера, агрессией Японии в Китае, выходом ее из Лиги наций и активизацией воинственных и агрессивных элементов во всем мире. Она вытекала из постоянной мирной политики Советского правительства и явилась одним из многочисленных его мероприятий, систематически проводившихся им и направленных к политическому и экономическому улучшению отношений между странами, к общему укреплению мира и, в первую очередь, к укреплению экономических и политических отношений со всеми западными и восточными соседями. Преследуя эту возвышенную цель, Советское правительство внесло в 1931 г. в европейскую комиссию Лиги наций предложение о заключении „экономического пакта о ненападении", которое было сформулировано в особом проекте протокола, охватывавшем все виды экономической агрессии, устранение которой или воздержание от которой могло бы оздоровить хозяйственные и политические взаимоотношения между отдельными странами и укрепить безопасность и мир во всем мире. Советское правительство предлагало отказаться от каких бы то ни было экономических, таможенных, торговых, кредитных, валютных и финансовых мероприятий, направленных против других стран, или представляющих льготы и предпочтения одним странам в ущерб другим, что ведет к искусственному обострению экономической и политической борьбы, образованию враждебных друг другу группировок и блоков держав, к всемерному увеличению экономической и политической неуверенности и к усилению военной угрозы.

Советское правительство защищало это же предложение на мировой экономической конференции в Лондоне в июне 1933 г. Советская делегация предложила Лондонской конференции проект международного экономического соглашения, который предусматривал отказ всех государств от применения в их хозяйственных взаимоотношениях методов экономической войны, торговых барьеров, таможенных и валютных войн, запрета ввоза и вывоза товаров, всех видов официального и неофициального бойкота и других подобных открытых или замаскированных мероприятий, которые ведут к ухудшению

международного экономического и политического положения.

Подписанная в Лондоне конвенция об определении нападающей стороны была, таким образом, одним из звеньев мирной политики Советского Союза, которая в условиях 1933 г. приобретала особое значение. Эта конвенция преследовала одну всеобъемлющую цель: затруднить нападение агрессивных держав на миролюбивые страны, укрепить безопасность и мир, довести до сознания широких масс, на примере точного определения, понятие нападения и тем самым облегчить им разобраться в очень важном, всегда нарочно запутываемом и поэтому нелегко разрешимом вопросе — кто является виновной стороной в любом нападении. Поясняя цель и смысл подписанной конвенции, представитель СССР т. Литвинов заявил 3 июля 1933 г. представителям печати в Лондоне, что хотя понятие нападения ясно каждому простому смертному, однако международные организации до сих пор не могут прийти к единодушному заключению, что является нападением. „А между тем,— продолжал т. Литвинов,— отсутствие общепринятого и более или менее точного определения нападения в значительной степени обесценивает сами обязательства о ненападении, ибо, в случае нарушения подобных обязательств, трудно будет установить, какая сторона является виновной".

Подписав конвенцию об определении агрессора (нападающей стороны) с десятью странами, Советское правительство не перестало добиваться общего признания его предложения на конференции по разоружению. В данном случае оно поступило так, как всегда поступало, когда дело шло о международных актах, направленных к укреплению мира. Если что-либо мешало заключению таких международных договоров большинством или многими государствами, то Советское правительство добивалось подписания их хотя бы рядом государств, ибо укрепление мира в одном месте способствует укреплению мира во всем мире. Точно так же Советское правительство поступило и в начале 1929 г., когда по его инициативе было подписано рядом государств соглашение о досрочном введении в действие Парижского пакта Бриана — Келлога об отказе от применения силы при разрешении споров между двумя или несколькими государствами. Это заставило всех участников договора Бриана — Келлога ускорить его ратификацию и введение в действие.

Конвенция об определении нападающей стороны была крупным событием в международных отношениях. Про-

должая политику укрепления мира, Советское правительство подписало 2 сентября 1933 г. с Италией договор о дружбе, ненападении и нейтралитете, а в апреле и мае 1934 г. оно подписало досрочно протоколы о продлении по 1945 г. договоров о ненападении с Эстонией, Латвией, Литвой, Финляндией и Польшей. Все эти международные акты, заключенные по инициативе Советского Союза, явились важным вкладом в дело организации мира и коллективной безопасности на данном отрезке времени.

Прямо противоположную политику проводило, вопреки всем его „миролюбивым" заверениям, правительство Гитлера. Оно начало сближаться с Японией и оказывать поддержку всем агрессивным элементам, которые стремились, как и оно, к нарушению мира. Одним из крупных актов, поощряющих всех малых и больших нарушителей мира к активным действиям и усиливших угрозу войны, был выход в октябре 1933 г. Германии, вслед за Японией, из Лиги наций.

К началу октября 1933 г. было достигнуто единогласие подавляющего большинства государств—участников конференции по разоружению—по очень важным вопросам, как-то: отказ от обращения к силе для разрешения спорных вопросов, определение нападающей стороны, контроль и наблюдение над сокращением вооружений и т. д. Не было достигнуто единогласия лишь относительно срока, в течение которого разоруженные по мирным договорам страны должны быть фактически уравнены в правах с другими странами: одни определяли этот срок в пять, другие в восемь лет. Была полная возможность договориться и по этому спорному вопросу. Германское правительство, однако, сочло это разногласие за „провал" конференции и заявило о своем уходе. В ноте от 14 октября 1933 г. на имя председателя конференции Гендерсона германский министр иностранных дел фон-Нейрат заявил, что „провал конференции по разоружению должен быть приписан единственно тому обстоятельству, что мощно вооруженные державы не имеют воли к выполнению ныне своего договорного обязательства разоружиться". Осуществление равноправия Германии,—говорилось в германской ноте,—сделалось невозможным, поэтому „германское правительство видит себя вынужденным покинуть конференцию по разоружению".

В ответ на телеграмму председателя конференции по разоружению, выражавшего сожаление по поводу принятого Германией необоснованного решения покинуть конференцию в тот самый момент, когда ее президиум решил

представить общей комиссии точно разработанную программу по обеспечению безопасности и „осуществлению равноправия, которое германское правительство всегда выставляло на первый план своих домогательств", фон-Нейрат известил 19 октября генерального секретаря Лиги наций о решении Германии выйти из Лиги наций.

Это был наглядный урок того, как германский фашизм, став у руля государственного управления, понимает „миролюбие" и договорные обязательства. Обе агрессивные державы, — одна на Дальнем Востоке, другая — в центре Европы, — сбросили связывавшие их условности Лиги наций и поставили подготовку к мировой войне в порядок дня своей политики.

В связи со все возрастающей угрозой войны, миролюбивые элементы во всех странах требовали активного сплочения миролюбивых государств для отпора агрессорам. В конце 1933 г. США восстановили нормальные дипломатические отношения с СССР, что явилось значительным шагом по пути к укреплению мира. Таким же шагом было сближение СССР с Лигой наций.

В конце 1933 г. корреспондент газеты „Нью-Йорк Таймс" Дюранти поставил товарищу Сталину вопрос: „Всегда ли исключительно отрицательна Ваша позиция в отношении Лиги Наций?" Разъясняя отношение Советского правительства к Лиге наций в обстановке усиливающейся угрозы войны, товарищ Сталин ответил: „Нет, не всегда и не при всяких условиях. Вы, пожалуй, не вполне понимаете нашу точку зрения... Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира, — то тогда мы не против Лиги. Да, если таков будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу Наций, несмотря на ее колоссальные недостатки"[1].

Международное положение СССР и его престиж как борца за мир и коллективную безопасность настолько укрепились, что в середине 1934 г. 34 государства — члены Лиги наций — обратились к Советскому правительству с предложением вступить в Лигу наций. Советский Союз вступил в сентябре 1934 г. в Лигу наций, так как в обстановке быстро подготавливавшейся новой мировой войны эта международная организация, несмотря на ее

---

[1] „Правда" от 4 января 1934 г.

слабость, все же являлась некоторым препятствием и помехой для поджигателей войны.

К середине 1934 г. казалось, что большинство европейских правительств, играющих решающую роль в европейских делах, осознало грозную опасность, идущую из Германии, и готово принять меры к самозащите. При первом известии о неудачной попытке Гитлера в июле 1934 г. захватить Австрию путем фашистского переворота, Италия отправила несколько дивизий на австрийскую границу.

Нависшая над Австрией и придунайскими странами угроза заставила Муссолини временно отказаться от ревизионистских планов и искать сближения с Францией, отношения с которой были крайне натянуты в последние 15 лет. 7 января 1935 г. был подписан в Риме итало-французский договор, по которому было урегулировано несколько вопросов, отравлявших в течение многих лет отношения между обеими странами и делавших положение в Средиземном море напряженным. Итало-французский договор 1935 г. уладил вопрос о гражданстве родившихся в Тунисе итальянцев, установил новые границы между Ливией и французской Экваториальной Африкой, Эритреей и французским Сомали и допускал участие итальянского капитала в эксплоатации железной дороги Джибути — Аддис-Абеба. Франция передала Италии 125 тысяч кв. километров пустыни, 800 кв. километров территории с морским берегом в 20 километров и островок Джумейра в Красном море, взамен чего Италия отказывалась, по крайней мере временно, от борьбы за Тунис.

Общая опасность, угрожавшая Франции и Италии на Рейне, Дунае и Бреннере, заставила пересмотреть отношения между обеими странами и попытаться их улучшить.

Точно такая же опасность, идущая с берегов Рейна, дала почувствовать английским и французским руководящим кругам, что у Франции и Англии имеется гораздо больше общих интересов, чем противоречий. 3 февраля 1935 г. было подписано в Лондоне англо-французское соглашение, с целью совместного ограждения безопасности обеих стран. Это соглашение устанавливало по сути дела союзные отношения. Английский премьер-министр Болдуин произнес знаменитую фразу: „Границы Англии на Рейне“.

С 1934 г. начали заметно улучшаться и советско-французские и англо-советские отношения. Остин Чемберлен, бывший ярый противник СССР, начал публично высту-

вать за сближение с Советским Союзом и установление между нашей страной и Великобританией дружественных отношений, так как „эти отношения, — говорил он, — существенны для сохранения мира".

Сближение СССР со всеми миролюбивыми государствами немецкие фашисты стали лживо изображать как „окружение" Германии, ориентацию нашей внешней политики на западные страны и изменение отношения к Версальскому договору. Они далее заявили, что якобы вражда Советского правительства к фашистам является главной причиной ухудшения советско-германских отношений. Это было выдумано от начала до конца. Истинная причина состояла в том, что с приходом к власти фашистов во внешней политике Германии победила политическая линия, которая по оценке товарища Сталина напоминала „в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив прибалтийские страны в плацдарм для такого похода"[1].

Причину ухудшения советско-германских отношений надо искать, — говорил товарищ Сталин на XVII съезде партии в 1934 г. „... не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний"[2].

В конце марта 1935 г. приехал в Москву после посещения Берлина и Варшавы член британского правительства, лорд-хранитель печати Иден, и после бесед с товарищами Сталиным, Молотовым и Литвиновым 1 апреля 1935 г. было опубликовано совместное коммюнике, в котором говорилось:

„В результате исчерпывающего и откровенного обмена мнений представители обоих правительств констатировали, что в настоящее время нет никакого противоречия ин-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 436.
[2] Там же.

тересов между обоими правительствами и ни в одном из основных вопросов международной политики и что этот факт создает прочный фундамент для развития плодотворного сотрудничества между ними в деле мира. Они уверены, что обе страны в сознании того, что целостность и преуспеяние каждой из них соответствуют интересам другой, будут руководствоваться в их взаимоотношениях тем духом сотрудничества и лойяльного выполнения принятых ими обязательств, который вытекает из общего участия в Лиге наций".

Представители СССР и Великобритании признали, что международная обстановка диктует обоим правительствам настоятельную необходимость „продолжать усилия в направлении к созданию системы коллективной безопасности в Европе, как это предусмотрено англо-французским коммюнике от 3 февраля и в согласии с принципами Лиги наций". Четыре государственных деятеля признали особую важность „организации безопасности в Восточной Европе", каковая могла бы быть обеспечена участием в проектируемом пакте о взаимопомощи Германии и Польши.

Советское правительство предусмотрело ход развития международных отношений и делало все от него зависящее, чтобы предотвратить угрозу войны. На приеме в честь Идена 28 марта 1935 г. т. Литвинов от имени Советского правительства высказал мысли, которые впоследствии полностью оправдались. „Подавляющее большинство государств,—говорил он,—в настоящее время кровно заинтересовано в сохранении мира. Если же есть небольшие исключения, то очаги опасности точно локализованы и явно очерчены.

Но если локализованы очаги опасности, то это не значит, что локализована самая опасность[1]".

Советское правительство считало, что еще можно локализовать и обезвредить самые очаги опасности, для чего необходимо сплочение миролюбивых держав, к чему оно и призывало. „Теперь,— продолжал т. Литвинов,— считается уже аксиомой, что нависшая над Европой, а следовательно над всем миром, угроза войны может быть предотвращена или шансы ее могут быть максимально уменьшены только коллективными усилиями всех государств, в особенности крупнейших. Британское правительство, заключив с Францией „соглашение от 3 февраля, вступило уже на путь коллективного ограждения

[1] „Правда" от 29 марта 1935 г.

мира; Советское правительство поэтому приветствовало Лондонское соглашение и обещало свое полное сотрудничество. Я полагаю, что сотрудничество между нашими двумя государствами, замыкающими Европу с запада и востока и вливающимися также и в другие континенты, может иметь решающее значение в деле сохранения мира"[1].

Однако в руководящих кругах решающих буржуазных государств не было единодушия по этому вопросу. Среди английских консерваторов имелась сильная профашистская группа, которая стояла за сближение с гитлеровской Германией, что означало фактическое поощрение ее захватнических планов. Эта группа, в которую тогда входили лорды Лондондерри и Галифакс, имела своих представителей и в английском кабинете. Их влияние особенно усилилось после ухода Болдуина с поста премьер-министра и замены его Невилем Чемберленом (братом Остина Чемберлена).

В эти годы на французскую политику начинают приобретать особое влияние Жорж Боннэ и Пьер Лаваль, выполнявшие директивы 200 плутократических семейств, державших в своих руках судьбы довоенной Франции.

Продолжая открыто под давлением народных масс политику укрепления мира, участвуя во всевозможных конференциях и принимая резолюции в пользу укрепления коллективной защиты безопасности, Чемберлен и его клика в Англии и Жорж Боннэ, Пьер Лаваль и другие во Франции за кулисами проводили политику сближения и „примирения" с фашистской Германией. Они саботировали все решения, направленные к действительному укреплению мира, и совершенно пренебрегали обороной своих стран.

Гитлер очень умело использовал благоприятное отношение части английских и французских руководящих кругов к фашистской Германии и приступил к выполнению своих захватнических планов. В марте 1935 г. Германия разорвала Версальский договор, ввела всеобщую воинскую повинность и приступила к созданию многомиллионной армии. Началось бешеное вооружение. Военный бюджет Германии вырос с 960 миллионов марок в 1933 г. до 11,2 миллиарда марок в 1935 г. Количество военных заводов выросло за это же время с 30 до 340.

Советский делегат в Лиге наций т. Литвинов подчеркивал на чрезвычайной сессии Совета Лиги, рассматри-

---

[1] „Правда" от 29 марта 1935 г.

вавшей в апреле 1935 г. вопрос о нарушении Германией Версальского договора, что Советское правительство никогда не скрывало „своего отрицательного отношения к этому договору в целом и к разоружению Германии в частности". Защищая равноправие всех государств в вопросах вооружения, Советское правительство исходило из предположения, что вооружение должно быть использовано исключительно для защиты собственной безопасности и существующих границ. Фашистская же Германия вооружается не для этого. Наоборот, вооружение Германии „имеет целью не защиту, а нарушение границ, осуществление насильственными методами идеи реванша, нарушение безопасности соседних или отдаленных государств, нарушение всеобщего мира", завоевание чужих территорий и уничтожение независимости целых государств. Во всем культурном мире,— продолжал т. Литвинов,— принято отказывать в выдаче разрешений на ношение огнестрельного оружия лицам, которые добыли его незаконным путем и угрожают им спокойствию своих соседей. Лиге наций поручена охрана спокойствия во всех частях мира, и она обязана принять меры к восстановлению нарушенного спокойствия, в чем Советское правительство обещало оказать ей всемерную поддержку.

Лига наций ограничилась принятием бумажной резолюции, осуждающей нарушение Версальского договора.

В том же году Англия заключила соглашение с Германией, по которому Германии разрешалось иметь боевой флот, равный 35% английского флота, и большое количество подводных лодок. Этим самым английское правительство „узаконило" действия Гитлера и в отношении сухопутного и воздушного вооружения.

Летом 1935 г. Германия ввела свои войска в демилитаризованную Рейнскую зону и приступила к постройке вдоль всей западной границы укрепленной линии „Зигфрид", которая была закончена в 1939 г. Этими актами Германия отменила насильственным путем Версальский договор и локарнские соглашения, добровольно подписанные ею. Из всей версальской системы после этого оставались в силе лишь статьи, касавшиеся территориальных изменений границ.

Франция, национальные интересы которой это больше всего затрагивало, имея во главе правительства продажного Лаваля, не приняла никаких репрессивных мер. Акт насильственного разрыва Версальского договора прошел для фашистской Германии безнаказанно.

Безнаказанность фашистской Германии поощрила Гит-

лера и другие агрессивные державы к новым актам насилия.

В годы усиленной подготовки Гитлера к войне Советское правительство продолжало проводить политику укрепления коллективной безопасности и прилагало усилия к организации всех миролюбивых государств для оказания коллективного отпора агрессорам. В 1935 г. были восстановлены нормальные дипломатические отношения с Румынией, Чехословакией, Болгарией и Бельгией. В мае того же года был заключен договор о взаимной помощи с Францией. В том же месяце был подписан также договор с Чехословакией о взаимной помощи против нападения со стороны третьей державы. В отличие от договора с Францией, обязывавшего СССР оказать помощь в случае нападения на нее третьего государства, Советское правительство обязывалось оказать помощь Чехословакии лишь после того, как Франция выполнит по отношению к ней свои союзные обязательства. Эта оговорка, как показали события 1938 г., имела свои разумные основания.

Предложение СССР и Франции германскому правительству подписать с ними договор о взаимной помощи было Гитлером отклонено.

7 ноября 1935 г. Советское правительство подписало протокол о продлении по 1945 г. срока действия договора о нейтралитете и ненападении с Турцией. 29 марта 1936 г. был продлен до 1945 г. срок такого же договора с Афганистаном.

В эти решающие для развития международных отношений и для судьбы всего мира годы в Англии начинала брать верх наиболее реакционная группа буржуазии, вся политика которой была направлена на „примирение" с Гитлером, на удовлетворение аппетитов фашистской Германии за чужой счет. Это благоприятное для Гитлера стечение обстоятельств было использовано им в полной мере для подготовки удара против Франции и Англии.

В ноябре 1936 г. Германия и Япония заключили так называемый „антикоминтерновский" пакт, который явился маской для прикрытия завоевательных целей обоих государств. По тайным статьям „антикоминтерновского" пакта Япония обязалась оказать помощь Германии в присоединении к ней придунайских, балканских и скандинавских стран, Бельгии, Швейцарии, Голландии, Польши, Украины, прежних германских колоний, а также и португальских колоний. Германия, в свою очередь, обязывалась помочь Японии подчинить себе Китай, советский

Дальний Восток, Голландскую Индию и другие прилегающие к ней территории и острова. К этому пакту присоединилась позже и Италия.

Захват Абиссинии фашистской Италией.

Напряженная обстановка в Европе заставила все крупные государства пристально следить за возможными событиями на Рейне, Дунае и Висле. Это обстоятельство Муссолини использовал для осуществления давно подготовлявшегося им нападения на Абиссинию. Итало-французский договор от 7 января 1935 г. обеспечивал ему тыл и коммуникации в Средиземном море и облегчал выполнение задуманного плана.

В Абиссинии уже давно скрещивались противоречивые интересы Англии, Франции и Италии. Сжимая постепенно Абиссинию в кольцо, эти три государства уже в конце прошлого века отрезали ее от моря. После поражения итальянских войск в 1896 г. при Адуе Абиссиния освободилась от угрозы порабощения ее Италией. Опираясь на законченную в 1917 г. железную дорогу Джибути—Аддис-Абеба, французский империализм контролировал всю экономическую и торговую жизнь Абиссинии. 80% внешней торговли страны проходило через эту дорогу. Франция была, следовательно, заинтересована в сохранении своих позиций в Эфиопии и в охране ее независимости от посторонних покушений. Интересы английского империализма были сосредоточены в западной части страны,— у озера Тана, где берут начало многоводные реки: Голубой Нил, Собат, Атбара и др., вливающиеся в Большой Нил. От правильного регулирования течения этих рек зависит вся оросительная система Египта и англо-египетского Судана, т. е. развитие хлопководства и экономическое процветание этих стран. Англия поэтому давно добивалась получения от Абиссинии концессии на постройку плотины у озера Тана и на создание грандиозного водохранилища, которое обеспечивало бы круглый год водой Голубой Нил и каналы Египта и Судана.

И после поражения в 1896 г. итальянский империализм не отказывался от своих притязаний на Абиссинию. В 1919 г. Италия предложила Англии заключить соглашение о поддержке взаимных домогательств перед абиссинским правительством на получение разных концессий. Англия отклонила предложение Италии, так как не хотела портить своих отношений с Францией и надеялась, что сама добьется без помощи Италии желанных концессий. Между

тем абиссинское правительство отказалось удовлетворить домогательства Англии.

Желая укрепить свое международное положение, Абиссиния использовала итало-французские и англо-французские противоречия в бассейне Красного моря и добилась с помощью Франции принятия в Лигу наций. Этим путем Абиссиния надеялась сохранить свою независимость, а французский капитал рассчитывал обеспечить себе экономическое преобладание в Абиссинии, оградив его от покушений соперн ков.

Потерпев неудачу с получением концессий, Англия заключила в конце 1925 г. соглашение с Италией на основе ее предложения 1919 г. Оба правительства обещали друг другу поддержку в домогательствах на получение: Англией — концессий на постройку плотины у озера Тана и автомобильной дороги от озера Тана до Судана и Италией — концессии на постройку железной дороги, соединяющей Эритрею с итальянским Сомали. Английское правительство обязалось, в случае получения им концессий на постройку плотины и автомобильной дороги, признать исключительное экономическое влияние Италии на западе Абиссинии и на всей территории, через которую будет проходить итальянская железная дорога из Эритреи в Сомали, и поддержать перед абиссинским правительством все домогательства Италии на получение экономических концессий на этих территориях. Взамен этого Италия обязалась не строить на притоках Нила плотин, которые могли бы нарушить течение Голубого и Белого Нила.

Это соглашение было направлено против целости Абиссинии и преобладающего положения Франции в этой стране. Оно свидетельствовало о том, что Англия в это время не видела в Италии соперника, если она соглашалась способствовать ее внедрению в западной Абиссинии, где находятся источники снабжения водой Египта и Судана.

Однако, Англ и и Италии вскоре пришлось отказаться от осуществления предусмотренных в соглашении планов. Абиссинское правительство энергично протестовало против англо-итальянского сговора, направленного против суверенитета Абиссинии, и подало жалобу в Лигу наций на Италию и Англию. Оба правительства ответили, что соглашение налагает обязательства только на них самих, но ни в чем не связывает Абиссинию.

Неудача попытки навязать Абиссинии с благословения Англии итальянский протекторат побудила Муссолини заключить с Абиссинией в 1928 г. договор о дружбе,

согласительной процедуре и арбитраже. Одновременно была подписана итало-абиссинская конвенция о постройке железной дороги из Дессие в итальянский порт Ассаб, который должен был являться „вольной зоной“ для беспошлинного ввоза в Абиссинию и вывоза оттуда товаров и продуктов земледелия. Эта конвенция, как и англо-итальянский договор 1925 г., была направлена против Франции. Но и этот план проникновения Италии в Абиссинию не был осуществлен, так как абиссинцы относились с крайним недоверием к итальянцам.

Столкновение противоречивых интересов трех европейских великих держав в Абиссинии было одной из главных причин сохранения независимости этой страны.

Римский пакт от 7 января 1935 г. и англо-германское морское соглашение 1935 г. создали новую обстановку. Англо-германское соглашение побудило Муссолини искать путей соглашения с Германией, что нашло свое выражение в снятии четырех итальянских дивизий с Бреннера. Внимание Италии к Дунаю и австрийской границе ослабляется и переносится в Восточную Африку.

В течение короткого времени Италия спровоцировала ряд кровавых инцидентов на абиссинской границе. По требованию Абиссинии Лига наций была привлечена к урегулированию этих конфликтов, чему Муссолини оказал энергичное сопротивление. Он возражал против „вмешательств“ Лиги наций, мотивируя это тем, что итало-абиссинский договор о примирительной процедуре исключает „постороннее“ вмешательство. Италия добивалась „мандата“ на завоевание Абиссинии или по меньшей мере признания ее единоличного протектората над этой страной, являвшейся членом Лиги наций. Общественное мнение Англии и Франции требовало применения к Италии санкций.

В конце августа 1935 г. в английской газете „Дейли Мейль“ было напечатано интервью с Муссолини, в котором он угрожал выходом Италии из Лиги наций. „Если в Женеве,— говорил он,— будет принято решение о санкциях против Италии, то последняя немедленно покинет Лигу наций. Следует устранить всякое сомнение насчет того, что любое государство, которое применит санкции против Италии, натолкнется на вооруженный отпор со стороны Италии... На моральные санкции, например, в виде вотума осуждения, Италия ответит выходом из Лиги наций. Против блокады итальянских портов или закрытия Суэцкого канала она будет сопротивляться всеми своими вооруженными силами на суше, на море и в воздухе...

если Лига наций будет столь безрассудна, чтобы превратить отдаленную колониальную войну во всеобщую европейскую войну, которая широко откроет двери всем неудовлетворенным честолюбивым стремлениям в Европе или даже во всем мире и которая на этот раз поглотит не миллионы, но десятки миллионов человеческих жизней, то вся ответственность за это падет на Лигу наций". При таком непримиримом отношении Муссолини все планы и проекты Италии насчет Абиссинии потерпели неудачу.

В начале октября 1935 г. Италия начала военные действия против Абиссинии, на что Лига наций ответила объявлением ее нарушителем мира и решила применить к ней экономические санкции. Это решение натолкнулось на открытый и скрытый саботаж ряда членов Лиги наций, как, например, Австрии, Венгрии, Болгарии и др. В Англии и во Франции имелись влиятельные группировки реакционной и профашистской буржуазии, которые выступили за „примирение" с Италией. Применение санкций в общем потерпело неудачу.

Первоначальные военные неудачи Италии в Абиссинии создали почву для „примирительных" предложений. Английский и французский министры иностранных дел — Хор и Лаваль — выработали в начале декабря 1935 г. план удовлетворения Италии за счет Абиссинии. Согласно проекту Хора — Лаваля Абиссиния должна была уступить Италии обширные территории на севере и юге страны в обмен на узкую полосу Данакильской пустыни, дающую Абиссинии доступ к морю. Вся Южная Абиссиния превращалась по этому проекту в „зону для итальянской экономической экспансии и колонизации".

Когда проект Хора — Лаваля сделался известным, он вызвал общее возмущение. Противники уступок Муссолини в Англии — лейбористы, либералы и значительная часть консерваторов — резко критиковали Хора и правительство Болдуина в целом за утверждение этого проекта, который, по их мнению, являлся „премией за агрессию". Чтобы спасти свое правительство, Болдуин пожертвовал Хором; пост министра иностранных дел занял Иден. Через месяц, — 22 января 1936 г., — пал по той же причине и кабинет Лаваля во Франции.

Но и после уступок общественному мнению Англии и Франции действия Италии в Абиссинии не встретили сопротивления. Влиятельные реакционные круги, возглавляемые Невилем Чемберленом, парализовали действия Идена. В единоборстве с Италией Абиссиния была обре-

чена на поражение. Вооруженная танками, аэропланами, мощной артиллерией и автоматическим огнестрельным оружием, итальянская армия, однако, долго не могла сломить сопротивления плохо вооруженных и слабо спаянных абиссинских войск. Озлобленные неудачами, итальянцы стали применять самые зверские методы войны — воздушные бомбардировки мирного населения, отравляющие вещества. К началу мая 1936 г. была занята столица Абиссинии Аддис-Абеба. Абиссиния была объявлена итальянской колонией, а итальянскому королю присвоен титул императора Абиссинии. Абиссинский народ никогда не признавал власти Италии и продолжал оказывать сопротивление итальянским захватчикам, вплоть до их изгнания англичанами из страны в 1941 г.

Захват Абиссинии создал новую обстановку в Восточной Африке, в бассейнах Красного и Средиземного морей. Усиление в этих районах Италии представляло угрозу для Франции и для английских коммуникаций, для Египта и Суэцкого канала. „Таким образом, на кратчайших морских путях из Европы в Азию завязался новый узел войны“[1].

Обострение противоречий между Италией, Францией и Англией в Средиземном море способствовало сближению между двумя фашистскими государствами — Германией и Италией — на основе изменения силой территорий, установленных Версальским договором.

Италия вышла „победительницей“ в абиссинском конфликте потому, что ни одно из капиталистических государств, и в первую очередь наиболее заинтересованные из них — Франция и Англия, не хотели применить к ней такие действия, которые могли бы ее заставить быть сговорчивой.

Только Советское правительство, верное своей принципиальной политике мира, требовало с самого начала возникновения конфликта применения решительных действий против Италии в защиту независимости Абиссинии. Оно не только лойяльно выполняло обязанности члена Лиги наций и прекратило экспорт в Италию нефти и других товаров, но было готово к принятию и других мер воздействия, вытекающих из устава Лиги наций, если таковые будут применяться и другими членами Лиги.

„Только Советский Союз, — заявил т. Молотов на II сессии ЦИК Союза ССР в январе 1936 г., — занял в итало-абиссинской войне особую принципиальную позицию,

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 317.

чуждую всякому империализму, чуждую всякой политике колониальных захватов. Только Советский Союз заявил о том, что он исходит из принципа равноправия и независимости Абиссинии, являющейся к тому же членом Лиги наций, и что он не может поддержать никаких действий Лиги наций или отдельных капиталистических государств, направленных к нарушению этой независимости и равноправия".

Гражданская война в Испании, политика „невмешательства" и „новый курс" Чемберлена.

В политике поощрения агрессивных сил и развязывания войны большую роль сыграли события в Испании. В июле 1936 г. Гитлер и Муссолини организовали мятеж испанских фашистов против законного республиканского демократического правительства. В ходе развития вооруженной борьбы Италия заняла Балеарские острова, посылала целые регулярные дивизии на помощь мятежникам, а Германия разрушала своей авиацией и военно-морским флотом города и села республиканской Испании и внедрилась в пограничные с Францией области Испании и в Испанское Марокко.

Вместо оказания помощи законному республиканскому правительству, французское и английское правительства наложили арест на испанское золото, запретили закупку и отправку оружия республиканцам и объявили о своем „невмешательстве" в дела Испании. Они предложили и другим государствам не вмешиваться в происходившую борьбу, с какой целью был образован в Лондоне Комитет по невмешательству; но они ничем фактически не препятствовали Германии и Италии оказывать помощь фашистским мятежникам генерала Франко.

Политика „невмешательства" не только погубила свободу и независимость Абиссинии, но и отдала фашистам Испанию. Эта политика противоречила жизненным интересам Англии и Франции, ухудшила их стратегическое положение в Средиземном и Красном морях и поощрила фашистские государства к новым актам насилия.

Внедрение Италии на Балеарские острова, а Германии — в Испанское Марокко, на Бискайское побережье и на Пиренеи поставило под угрозу английские коммуникации. Франция оказалась в тисках, жерла немецких пушек были отныне направлены против нее не только со стороны Рейна, но и со стороны Пиренеев. Немецкие же пушки

были направлены на Гибралтар со стороны Танжера и испанского материка.

Заверения Германии и Италии, что их интервенция в Испании вызвана исключительно желанием поразить „красных“, стремящихся якобы присоединить Испанию к Советскому Союзу, и что они в данном случае выступают как защитники западной культуры против „коммунистического варварства“, были наглым обманом, рассчитанным на политические вкусы определенных реакционных кругов Лондона и Парижа. „На самом деле они вели удар по Англии и Франции, ибо они перехватывали морские пути Англии и Франции к их громадным колониальным владениям в Африке и Азии“[1].

К концу 1937 г. германская и итальянская интервенция в Испании приняла такие широкие размеры, что начала внушать серьезные опасении английскому и французскому общественному мнению. Стратегическое положение Англии и Франции сильно ухудшалось. Тогда общественное мнение этих стран потребовало от своих правительств прекращения игры в „невмешательство“ и действительного воспрепятствования уничтожению немцами и итальянцами испанского народа. Наглость фашистов уже дошла до того, что 31 января 1938 г. их подводная лодка потопила у Картахены английский пароход „Эндимион“, на котором погибло много англичан, в том числе капитан парохода, его помощник, механики и один швед — член Контрольного комитета по невмешательству. Пользуясь безнаказанностью, итальянские и германские подводные лодки начали совершать в Средиземном море нападения на торговые суда, направлявшиеся в занятые испанскими республиканцами порты. 4 февраля фашистские самолеты потопили английский пароход „Альсира“ недалеко от Барселоны. По настоянию министра иностранных дел Идена английское правительство отдало 7 февраля приказ военным кораблям топить без предупреждения любую подводную лодку, которая им встретится в зоне патрулируемых ими вод.

Но очень скоро оказалось, что в английском правительстве победило политическое течение, требовавшее еще более откровенного попустительства фашистским нарушителям мира и сговора с ними. Резкое расхождение между Иденом и Чемберленом по вопросу о том, какой политической линии следует придерживаться по отношению к фашистским агрессорам, привело к отставке

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 317.

Идена и к усилению капитулянтской группы Чемберлена, что имело роковые последствия для дальнейшего развития международных отношений. На пост министра иностранных дел был назначен лорд Галифакс, ездивший в ноябре 1937 г. в Берлин для „частных" переговоров с Гитлером, пламенный приверженец политики „невмешательства" и „примирения" с Германией и Италией.

Причина отставки Идена имела глубоко принципиальный характер и заслуживает подробного освещения.

Когда в результате абиссинской авантюры Италия стала испытывать политические, экономические и финансовые затруднения, Муссолини вынужден был добиваться улучшения отношений с Англией и получения английского займа. Иден был за переговоры с Италией, но предлагал несколько оттянуть начало переговоров с тем, чтобы потребовать у Муссолини реальных доказательств изменения враждебной по отношению к Англии политики в Средиземном море. Он, кроме того, предлагал расширить круг вопросов, подлежащих урегулированию между Италией и Англией, включением в повестку дня испанского вопроса. Чемберлен был за переговоры с Италией без предъявления ей каких бы то ни было предварительных условий и, вопреки точке зрения Идена, приступил через его голову к переговорам. Большинство кабинета поддержало Чемберлена.

Объясняя причины своего ухода, Иден заявил 21 февраля 1938 г. в палате общин: „Сущность вопроса сводится к тому, следует ли начать официальные переговоры в Риме сейчас. По моему мнению, позиция итальянского правительства по отношению к международным проблемам в целом и к Великобритании в частности еще не такова, чтобы оправдать этот путь. Итальянская пропаганда против Великобритании обильным потоком распространяется во всем мире. Я считаю своей обязанностью не приступать к переговорам с Италией, пока эта враждебная пропаганда не прекратится". Указав на ряд невыполненных Италией обязательств и на всем известные случаи обмана, в частности, на обязательство не посылать в Испанию войска, вопреки которому туда был послан третий транспорт регулярных войск, на лживое отрицание Муссолини участия итальянской армии в войне на стороне испанских мятежников и на публичное признание тем же Муссолини „победы итальянских войск в Испании", Иден продолжал: „Мы не можем рисковать повторением подобных опытов. Поэтому моя точка зрения сводится к тому, что до того, как правительство приступит к окон-

чательным переговорам в Риме с итальянским правительством, мы должны дальше продвинуться в отношении испанской проблемы. Мы должны добиться соглашения не только относительно эвакуации, но также относительно ее условий. Мы имеем достаточно заверений. Эвакуация должна быть серьезной, прежде чем переговоры в Риме смогут вестись на солидной базе и будут пронизаны доброй волей... Наступило время, когда мы должны проявить твердость. Я полагаю, что это чувство разделяется всей страной".

Ушедший вместе с Иденом в отставку его заместитель лорд Крэнборн также заявил в палате общин, что он солидарен с точкой зрения Идена и полагает, что Англия „не должна поддаваться шантажу" фашистских диктаторов.

Лидеры оппозиции — лейборист Эттли и либерал Синклер — одобрили позицию Идена и лорда Крэнборна и резко критиковали капитулянтскую позицию Чемберлена.

Отставка Идена расчистила путь новому внешнеполитическому курсу английского правительства, которому до того противодействовал Иден, находивший поддержку в стране. Избавившись от Идена и лорда Крэнборна, глава кабинета, выступая против резолюции недоверия, внесенной лидером лейбористов Гранвудом, провозгласил 23 февраля 1938 г. „новый курс" внешней политики Англии, смысл которого состоял в отречении от прежней политики поддержки Лиги наций.

„Во время последних выборов,— сказал Чемберлен,— все еще можно было надеяться, что Лига наций в состоянии будет обеспечить коллективную безопасность. Я сам верил в это, но я не верю в это сейчас... Я сильно сомневаюсь в том, чтобы Лига наций могла проявлять действительно полезную деятельность до тех пор, пока ее члены номинально обязаны применять санкции или силу в защиту устава Лиги наций. Оставшиеся в Лиге страны не должны быть нагружены обязательствами или риском, оправдания которых нельзя от них ожидать. Я думаю, что если бы Лига отбросила неуместный стыд и притворство, очевидные каждому, и выступила бы с декларацией, что именно она могла бы сделать в качестве моральной силы, то это было бы нечто реальное. Я мог бы тогда привлечь в Лигу и некоторых из тех, которые в прошлом потеряли веру в нее".

Декларация Чемберлена явилась по сути дела похоронами Лиги наций и объявлением о наборе в члены новой лиги агрессоров.

Не только депутаты оппозиции, но и члены консервативной партии осудили внешнеполитическую линию большинства кабинета. Черчилль назвал уход Идена „невозместимой потерей" и, обращаясь к Чемберлену, сказал: „Мы не должны отрекаться от нашего долга, который иногда возлагается на целые народы или отдельных лиц — смело стать в защиту права, даже если это связано с риском". Он так же, как и Иден и Крэнборн, считал, что момент, выбранный для переговоров с Италией, неудачен и обвинял чемберленовских капитулянтов в том, что своей порочной политикой они обеспечивают успех фашистских агрессоров. „Итальянский диктатор,—продолжал Черчилль,— находится в таком положении, и Великобритания не должна избавить его от благодетельных процессов, которые могли бы укротить фашистские амбиции. Диктаторы шагают от успеха к успеху, в то время как парламентские демократии растерянно отступают, охваченные ужасом".

Ллойд Джордж также порицал политическое направление Чемберлена и солидаризировался с позицией Идена, заявив, что „в Англии имеются миллионы принадлежащих к различным партиям и разделяющих взгляды Идена". Ллойд Джордж обвинял Чемберлена в сокрытии от Идена ответа Италии на просьбу Англии — сообщить, принимает ли она английскую формулу англо-итальянских переговоров, и назвал поведение Чемберлена не имеющим прецедента в истории Англии. Иден подтвердил, что документ был от него скрыт. Чемберлен тогда заявил: „Повидимому, Ллойд Джордж хочет сказать, что премьер сделал нечто нечестное". На это Ллойд Джордж ответил коротким и выразительным: „Да". Неоднократные требования Чемберлена, чтобы Ллойд Джордж взял обратно брошенное им обвинение в нечестности, остались без последствий — Ллойд Джордж отказался это сделать. За резолюцию недоверия Чемберлену голосовали 168, против — 303 при 20 воздержавшихся.

В тот же день Исполнительный комитет лейбористов и Генеральный совет конгресса выпустили манифест, в котором они призывали рабочие массы выступить против „нового курса" внешней политики Чемберлена, на что руководимое им правительство не получило полномочий страны. Манифест требовал передачи конфликта на суд английских избирателей путем назначения немедленно новых выборов в палату общин. Манифест обвинил Чемберлена и большинство правительства в нарушении обязательств перед избирателями и в дезертирстве из Лиги наций.

Объявление „нового курса“ подействовало ободряюще на фашистских агрессоров и вызвало тревогу и растерянность среди мелких государств, которые увидели себя обманутыми, покинутыми в момент, когда их существованию угрожала смертельная опасность.

16 апреля 1938 г. был подписан в Риме англо-итальянский протокол с восемью приложениями, согласно которым было урегулировано несколько спорных вопросов в англо-итальянских смежных владениях, расположенных в бассейне Средиземного и Красного морей, и достигнута договоренность о ненарушении обоюдных интересов в арабских странах — Саудии, Иемене, Египте, Судане и др. Англия признала по этому соглашению, что Суэцкий канал и впредь открыт для прохождения итальянских судов, а Италия обязалась сократить гарнизоны в Ливии. Италия декларировала, что у нее нет никаких притязаний на собственно испанскую территорию, на Балеарские острова, на испанское Марокко и на испанские островные владения и, в доказательство искренности своих намерений, обязалась вывести из Испании частями свои войска, если будут эвакуированы добровольцы-интернационалисты, боровшиеся на стороне республиканцев.

По выработанным условиям эвакуации выигрывали испанские фашисты. Италия обязалась вывозить свои войска в таком количестве, в каком Лондонский комитет по невмешательству эвакуирует добровольцев. Поскольку количество регулярных итальянских войск превосходило в несколько раз количество бойцов интернациональных бригад, этим самым было признано, что большая часть итальянской армии может фактически оставаться в Испании и после подписания англо-итальянского протокола. Практически были вывезены лишь больные и раненые солдаты.

Взамен всего этого Англия обязалась облегчить признание другими правительствами захвата и аннексии Абиссинии и выяснить на ближайшей сессии Совета Лиги наций отношение государств к этому щекотливому вопросу.

Не вся английская буржуазия и даже не вся консервативная партия одобряла „новый курс“ Чемберлена. Черчилль и другие политики, требовавшие решительного отпора фашистским странам, продолжали критиковать „новый курс“ в парламенте и за его стенами. В своей речи в Бирмингаме Черчилль резко критиковал политику „невмешательства“ и потребовал, чтобы англо-итальянское соглашение не было введено в действие до тех пор,

пока итальянские войска не будут полностью выведены из Испании.

Тотчас же после подписания англо-итальянского протокола правительство Чемберлена внесло в Совет Лиги наций предложение о предоставлении всем ее членам „свободы действий" в вопросе о признании Абиссинии частью итальянской империи. Это предложение мотивировалось тем, что многие члены Лиги наций уже нарушили предыдущие решения Совета Лиги об Абиссинии и юридически признали захват.

Во время обсуждения этого предложения 12 мая 1938 г. представитель СССР т. Литвинов резко осудил образ действий правительства Чемберлена, высмеял его аргументацию и показал всю опасность для Лиги наций и для отдельных ее членов пути, на который их толкает Чемберлен. Если такая аргументация справедлива с точки зрения необходимости предоставления всем членам Лиги равенства, то „равенство на таком низком уровне вряд ли может быть идеалом Лиги,— сказал иронически т. Литвинов.— Мы не можем признавать нарушение международных обязательств примером, достойным подражания. Лига наций и отдельные ее члены совершили ошибки, проступки и промахи, не выполняли своих обязательств. Необходимо осознать эти ошибки, осудить их и принять меры к неповторению их в будущем, а не узаконять их и не понижать коллективную ответственность Лиги наций".

По существу предложения представитель СССР заявил, что хотя одной угрозой непризнания плодов агрессии нельзя „предотвратить агрессию или осуществлением непризнания вырвать жертву агрессии из когтей захватчика", однако резолюция о признании имеет огромное моральное значение, почему захватчики обыкновенно прилагают всяческие усилия, чтобы его добиться. Признание захвата Абиссинии в то время, как абиссинский народ продолжает героическую борьбу с захватчиком,— продолжал т. Литвинов,— было бы недостойным и предательским актом. „В таких случаях признание результатов агрессивных, насильственных действий или прекращение политики непризнания было бы равносильно прямому содействию агрессору и удару в спину жертве агрессии, обескураживая и деморализуя ее".

Протестуя против признания захвата Абиссинии, представитель СССР призвал всех членов Совета не отказываться от уже ранее принятых постановлений и решить вопрос с точки зрения „международной солидарности и

принципов коллективной безопасности". Он рекомендовал положить в основу решения по абиссинскому вопросу принцип, согласно которому Лига наций „не намерена менять свое отношение не только к прямому захвату и непосредственной аннексии чужой территории, но и к тем случаям, когда такие захваты маскируются созданием марионеточных, якобы независимых национальных правительств, на самом деле служащих лишь ширмой и агентурой захватчиков".

Политика поощрения правительством Чемберлена агрессоров и испанских мятежников шла так далеко, что оно отказалось принять меры к защите английских судов, поддерживающих сообщение с портами республиканской Испании и подвергавшихся воздушному нападению со стороны мятежников, а фактически со стороны германской и итальянской авиации. 28 июня 1938 г. Чемберлен заявил в палате общин, что мнение английского правительства сводится к тому, что ничего нельзя сделать в защиту английского судоходства, не вмешиваясь в войну. „Мы не можем дать обязательства, что всякий английский пароход сможет получить необходимую защиту". На следующий день после этого заявления авиация мятежников потопила еще три английских парохода — „Торпенес", „Сунан" и „Глоксиния",— а через несколько дней были потоплены пароходы „Арлон" и „Франхэм".

В палате общин открыто обвиняли правительство Чемберлена в том, что оно своей трусливой политикой „невмешательства" поощряет мятежников к потоплению английских судов. Лидер лейбористской партии Эттли заявил, что „эти акты насилия являются прямым результатом речи Чемберлена, в которой он по существу сам предложил бомбардировать суда". Попытки Чемберлена „оправдать" свою политику прерывались с мест возгласами: „Чемберлен поощряет генерала Франко убивать английских моряков".

Советское правительство вскрыло политику „невмешательства", показало всему миру, что эта политика только поощряет фашистских захватчиков на дальнейшие насилия, и потребовало принятия решительных мер против германо-итальянских интервентов. Товарищ Сталин выразил мнение нашей страны и демократии всего мира, когда он заявил, что „освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а—общее дело всего передового и прогрессивного человечества".

Политика „невмешательства" в дела Испании способ-

ствовала победе Франко над республиканцами, ухудшила стратегическое положение Франции и Англии и дала Гитлеру возможность безнаказанно приступить к переделу Европы. Излагая точку зрения Советского правительства по этому вопросу в Совете Лиги наций, представитель СССР, между прочим, заявил: „Агрессор, строящий свою политику на превосходстве грубой материальной силы, может быть доступен лишь голосу столь же твердой политики... Всякие увещевания и упрашивания его, а тем более уступки его незаконным и бессмысленным требованиям... производят на него лишь впечатление слабости, укрепляют его сознание собственной силы и поощряют его к дальнейшей непримиримости и к незаконным действиям. Даже во-вне создается легенда о непобедимости агрессора, что порождает фаталистические и капитулянтские настроения в некоторых странах, которые постепенно, иногда даже незаметно для себя, начинают терять свою самостоятельность, превращаются в вассалов агрессора".

Малодушной политикой „невмешательства" реакционная буржуазия Англии и Франции ухудшила стратегическое и политическое положение собственных стран, запугала своих друзей (Малая Антанта, Бельгия и др.) и наглядно показала Гитлеру, Муссолини и военной клике Японии, что им нечего ожидать помех со стороны буржуазно-демократических государств в осуществлении своих дальнейших разбойничьих планов.

Захват фашистской Германией Австрии.

В подписанном в июле 1936 г. соглашении с Австрией Германия признала „полный суверенитет Австрии" и обязалась „не оказывать ни непосредственного, ни косвенного влияния на внутренне политическое положение Австрии". Такие же обязательства фашистская Германия взяла на себя и по отношению к другим соседним странам.

Но это нисколько не помешало Гитлеру продолжать в придунайских странах подрывную работу, которая особенно усилилась после того, как итальянский фашизм, занятый в Абиссинии, вынужден был отказаться от соперничества с Германией в Дунайском бассейне. Используя, с одной стороны, зависимость придунайских аграрных стран от Германии, которая являлась наиболее крупным потребителем их сельскохозяйственного экспорта, с другой стороны — капитулянтскую политику „невмешательства" в дунайские дела Англии и Франции,

рекомендовавших странам Малой Антанты добиваться соглашений непосредственно с Германией и уход Италии с Дуная, германский фашизм сильно укрепил в 1936—1937 гг. свои позиции в Австрии, Венгрии, Румынии, Югославии и отчасти в Чехословакии. Фашистская „пятая колонна" вела во всех этих странах по приказу из Берлина подрывную работу, терроризируя и убивая неугодных Германии государственных деятелей (Дольфуса в Австрии, Гога в Румынии и др.).

Профашистское правительство Стояддиновича в Югославии, считая реставрацию Габсбургов в Австрии более опасным для Югославии, чем присоединение („аншлюс") Австрии к Германии, проводило политику сближения с гитлеровской Германией и ослабления связей Малой Антанты. Правительство Стояддиновича подписало соглашение с Круппом и другими фирмами Германии об оказании ими помощи в развитии тяжелой промышленности Югославии. Это соглашение раскрыло настежь двери фашистской пропаганде и политическому и экономическому шпионажу Германии в Югославии.

В начале 1938 г. Гитлер считал свои позиции в Дунайском бассейне настолько прочными, а международную обстановку столь благоприятной для осуществления своих планов, что он решил приступить к действию.

Австрия представляла по своему географическому положению, национальному составу и своим старым связям с другими придунайскими государствами ключ к Дунайскому бассейну. Оттуда можно было угрожать одновременно Чехословакии, Югославии, Венгрии и Италии. Выбор был сделан. В январе 1938 г. Гитлер провозгласил „право" фашистской Германии и ее обязанность „защищать десять миллионов немцев в двух пограничных с Германией государствах". Это означало, что Гитлер решил для начала поглотить Австрию и Чехословакию, в которых жило около 10 миллионов немцев. 12 февраля Гитлер вызвал в свою резиденцию в Берхтесгаден австрийского канцлера Шушнинга и предъявил ему ультиматум, с требованием включения в правительство гитлеровских агентов. В реорганизованном 16 февраля правительстве пост министра внутренних дел получил агент Гитлера Зейсс-Инкварт, который тотчас приступил к фашизации Австрии. Все арестованные гитлеровцы были выпущены на свободу, а их боевые организации были легализированы. После этого Гитлер потребовал подчинения Германии австрийской внешней политики и австрийской армии.

Шушнинг ошибочно рассчитывал получить помощь из

Парижа и Лондона. Не получив таковой, он все же сопротивлялся передаче государственного аппарата Гитлеру. Шушнинг объявил на 13 марта плебисцит, который должен был решить вопрос о независимости Австрии. Будучи уверен, что австрийский народ выскажется за сохранение независимости, Гитлер двинул 11 марта 250-тысячную армию и оккупировал Австрию. „Это был удар, прежде всего, по интересам Франции и Англии.

Таким образом, на юге Европы, в районе Австрии и Адриатики, как и на крайнем западе Европы, в районе Испании и омывающих ее вод, завязались новые узлы войны“[1].

Не прошло и месяца после совершенного насилия, как Англия и Франция, которые обязаны были оказать сопротивление аннексии Австрии и на основании мирных договоров, и как члены Лиги наций, и по специальному договору о защите неприкосновенности суверенитета Австрии, поспешили „узаконить“ международный разбой. Англия признала 2 апреля 1938 г. Австрию частью Германии, а Франция признала захват де-факто, но не признала его „де-юре“.

Уже тогда многие предвидели, что английская и французская политика потворства захватчикам ставит под угрозу независимость и самое существование малых народов и ускоряет мировое вооруженное столкновение. Лидер лейбористской партии Эттли заявил 18 марта в палате общин: „Политика Чемберлена приблизила войну. И сейчас на карту поставлено не только свободное существование народов Испании и Чехословакии, но и всеобщий мир и безопасность нашей страны“.

Только одно Советское правительство выступило с определенной программой обуздания агрессоров. Оно тотчас же после аннексии Австрии официально предложило всем правительствам предпринять коллективные действия против нарушителей мира. Выразив свое отрицательное отношение к „международным преступлениям“, Советское правительство изъявило готовность „принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору, даже пренебрегая неизбежным ухудшением его отношений с агрессором“.

Это предложение было публично повторено 17 марта 1938 г. т. Литвиновым на приеме советских и иностранных журналистов. Советское правительство напомнило,

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 318.

что оно неоднократно предостерегало правительства демократических стран Европы, что „международная пассивность и безнаказанность агрессии в одном случае фатально повлекут за собой повторение и умножение таких случаев“, что нашло яркое подтверждение в совершенном фашистской Германией „военном вторжении в Австрию и насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости“.

Советское правительство сделало еще одно предостережение правительствам и народам Европы и всего мира, что аннексия Австрии задевает их кровные интересы и требует решительного коллективного отпора, если они хотят защитить свою свободу и независимость, которой угрожает смертельная опасность.

„Если случаи агрессии раньше имели место на более или менее отдаленных от Европы материках, или на окраине Европы, где, наряду с интересами жертвы агрессии, были задеты интересы лишь нескольких ближайших стран, то на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором одиннадцати стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских. Создана угроза пока территориальной неприкосновенности и, во всяком случае, политической, экономической и культурной независимости малых народов, неизбежное порабощение которых создает, однако, предпосылки для нажима и даже для нападения на крупные государства.

В первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты и уже сказывается в создавшемся тревожном положении на польско-литовской границе“.

В момент нависшей угрозы над свободой и независимостью десятков народов Советский Союз не оставался пассивным зрителем,— он звал к отпору агрессору и предложил свое участие „в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни“.

В своей решимости приостановить угрозу миру Советское правительство пошло еще дальше, предложило другим державам немедленно обсудить практические военные меры, вызываемые политической обстановкой, и напоминало, что медлительность в этом вопросе окажется

пагубной. „Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира“.

Мюнхенский сговор Германии, Англии, Франции и Италии о расчленении Чехословакии.

За Австрией настала очередь Чехословакии, народ которой, после столетий немецкого угнетения, был готов с оружием в руках защищать свою дорого добытую независимость. Отражая настроения народа и правительственных кругов, официозная „Прагер Прессе“ писала 13 марта 1938 г.: „Перед лицом австрийских событий Чехословакия будет спокойно, но с тем большей решимостью охранять и защищать свою собственную суверенность, независимость и безопасность. Она в состоянии сохранить полное спокойствие, тем более, что положение ее совершенно иное, чем положение Австрии, ибо безопасность ее и неприкосновенность ее границ гарантированы союзными договорами“.

Положение Чехословакии было действительно иное, чем Австрии. Она имела хорошо обученную и хорошо оснащенную армию, богатую военную промышленность, хорошие в стратегическом отношении границы, к тому же еще укрепленные.

Германия поспешила успокоить Чехословакию. Геринг заявил чехословацкому посланнику в Берлине, что „Германия не относится враждебно к Чехословакии“, но одновременно было дано распоряжение гитлеровской агентуре в Чехословакии — фашистской судетско-немецкой партии Генлейна — подготовить изнутри расчленение страны.

На состоявшемся 24 апреля 1938 г. в Карлсбаде съезде судетско-немецкой партии была утверждена так называемая „карлсбадская программа“, суть которой состояла в предоставлении Судетской области территориальной и административной автономии и изменении внешней политики Чехословакии в сторону ориентации на Германию. По команде из Берлина большинство немецких буржуазных партий объявили себя распущенными и поддержали „карлсбадскую программу“ Генлейна.

Рабочие и демократические элементы Судетской об-

ласти выступили против требования территориальной автономии не только потому, что это требование было продиктовано из Берлина, но и потому, что автономию практически провести было невозможно ввиду наличия смешанного населения во многих округах. Происходившие в мае коммунальные выборы в стране выявили отрицательное отношение большинства народа Чехословакии к требованию генлейновцев.

Но требование гитлеровской агентуры нашло неожиданную поддержку со стороны английской и французской дипломатии. Оба правительства выразили желание „умиротворить" генлейновцев и сделали демарш в Праге, посоветовав чехословацкому правительству пойти на максимальные уступки и урегулировать вопрос в непосредственных переговорах с Генлейном и его партией. Под давлением „дружеских советов" Англии и Франции, с одной стороны, и военных угроз Германии, с другой, чехословацкое правительство вынуждено было пойти на уступки агентуре Гитлера. Но генлейновцы по приказу из Берлина повысили свои требования. Создалось очень напряженное положение в Чехословакии и в Центральной Европе. Чехословацкий народ требовал отклонения наглых требований о расчленении страны.

Английское правительство послало в Прагу миссию лорда Ренсимена для „изучения" вопроса на месте и выполнения функций „посредника" в переговорах между чехословацким правительством и партией Генлейна. Это было не только грубое вмешательство во внутренние дела Чехословакии, но также признание агентуры фашистской Германии в Чехословакии „равноправной" с сувереном страны.

Чехословацкое правительство вынуждено было согласиться и на это, когда убедилось, что французское правительство также поддерживает политику „умиротворения" Чемберлена. „Таймс" стращал Чехословакию и предупреждал ее, что могут возникнуть нежелательные последствия, „если чехословацкое правительство опубликует и попытается провести через парламент неприемлемый закон о национальных меньшинствах".

Опираясь на политическую и моральную поддержку правительства Чемберлена, Гитлер назначил маневры на границе Чехословакии и сосредоточил там большую армию. В такой обстановке лорд Ренсимен предложил на совещании с Генлейном и другими главарями судетско-немецкой партии 18 августа „план" реорганизации Чехословакии и превращения ее в кантональное государство

наподобие Швейцарии. Под давлением Ренсимена чехословацкое правительство признало требование Генлейна о разделении страны на автономные области, но генлейновцы опять повысили свои требования. А между тем под прикрытием „переговоров“ происходила усиленная подготовка к путчу.

30 августа английское правительство опубликовало коммюнике, в котором подчеркивалась необходимость разрешить судетский вопрос мирным путем на основе выработанного миссией Ренсимена плана административной реформы. Однако после свидания Генлейна с Гитлером 2 сентября в Годесберге судетско-немецкая партия отвергла этот план.

Чехословацкое правительство приступило к выработке собственного плана реформы, но Генлейн прервал переговоры с правительством и приступил к созданию в Судетской области явочным порядком „министерства“.

Политическая атмосфера благодаря чемберленовской политике „умиротворения“ все время накалялась. 7 сентября „Таймс“ выступил с требованием присоединения Судетской области к Германии. Хотя Чемберлен заявил, что эта статья не выражает мнения английского правительства и отмежевался от газеты, этому однако никто не поверил, а ближайшие недели оправдали самые худшие ожидания.

Народные массы Англии и Франции требовали от своих правительств отпора Гитлеру. Национальный совет труда и обороны (объединенный совет тред-юнионов, лейбористов и парламентской фракции лейбористов) потребовал 8 сентября от правительства Чемберлена, чтобы оно предупредило Германию, что Англия совместно с СССР и Францией окажут сопротивление всякой попытке нападения на Чехословакию. Коммунистическая партия Франции заявила по этому же вопросу: „Не должна быть допущена никакая спекуляция на позицию Франции, которую обеспечивает пакт с Чехословакией о взаимной помощи“.

Позиция Советского правительства в чехословацком вопросе была ясна и последовательна и соответствовала его обязательствам по договору с Чехословакией о взаимной помощи. В ответ на запрос французского правительства, какую позицию займет Советский Союз в случае нападения Германии на Чехословакию, был дан ответ, что Советское правительство выполнит свои обязательства по договору и вместе с Францией окажет помощь жертве нападения. Советское правительство заявило о готовности устроить немедленное совещание генеральных штабов

СССР, Франции и Чехословакии для выработки мероприятий, вызываемых политической обстановкой. Оно далее предложило созвать конференцию европейских великих держав и других миролюбивых государств для организации коллективного выступления против агрессора.

19 сентября само чехословацкое правительство запросило Советское правительство, готово ли оно оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии, если Франция окажет ей такую же помощь. Советское правительство дало категорическое заверение, что оно окажет Чехословакии военную помощь. Этот лойяльный ответ был оценен по достоинству общественным мнением всего мира.

Советское правительство не выступало ни с какими советами чехословацкому правительству, так как считало, что конфликт с генлейновцами является внутренним делом Чехословакии. Оно считало невозможным давать совет делать уступки судетским немцам в ущерб государственным интересам Чехословакии. Чехословацкое правительство было так уверено в том, что оно получит помощь от Советского Союза, что проявило чрезвычайную тактичность и не запрашивало, будут ли выполнены обязательства по договору, до тех пор, пока не нависла непосредственная угроза.

В то время, когда фашистский меч уже был занесен над Чехословакией и шли последние подготовления к удару, одновременно велись переговоры с Чемберленом о том, как лучше оформить расчленение страны и покруче связать жертву, чтобы она не могла сопротивляться, Лига наций занималась очередными делами, и на повестке дня Лиги не значился чехословацкий вопрос.

Лишь представитель Советского Союза поднял голос в защиту Чехословакии и призвал другие государства предотвратить угрожающую ей смертельную опасность. „В настоящее время, — сказал т. Литвинов на пленуме Лиги наций 21 сентября 1938 г., — пятое государство — Чехословакия — испытывает вмешательство во внутренние дела со стороны соседнего государства и находится под угрозой громко провозглашенной агрессии. Один из старейших, культурнейших, трудолюбивейших европейских народов, обретший после многовекового угнетения свою государственную самостоятельность, не сегодня, завтра может оказаться вынужденным с оружием в руках отстаивать эту самостоятельность".

То обстоятельство, что в такой момент на повестке пленума Лиги наций не было вопроса о Чехословакии,

направляло дискуссию в другую сторону. Представитель СССР открыл дискуссию не о том, что Лига наций сделала за год, а о том, чего она не сделала. Тов. Литвинов подверг резкой критике политику правящей группы английской и французской буржуазии, которая уже привела к печальным последствиям и таила в себе еще большие опасности для мира и свободы народов. Результаты бесконечных уступок таковы: „Агрессия слишком высоко подняла свою голову, силы ее умножились и растут с каждым днем. Носителями агрессии выступает теперь не одно, а несколько и довольно мощных государств, притом они объединились между собой, защищая друг друга ..

Агрессивные государства за последние три года неимоверно выросли: они образовали между собой блок во имя защиты принципа агрессии. Во имя торжества этого принципа они защищают и оправдывают друг друга, даже когда одно из них нарушает жизненные интересы другого. Есть и случаи совместной агрессии.

Но за это печальное явление несут ответственность те государства, которые удерживали Лигу от противодействия агрессорам, когда они были еще слабы, маломощны и разъединены, когда они только делали первые робкие попытки нарушения мира. Они укрепились благодаря допущению удачи этих попыток, благодаря снисходительному отношению к безнаказанному нарушению одного международного договора за другим, к их пропаганде агрессии, благодаря политике уступок, бесплодным переговорам и закулисным сделкам с ними. Они и теперь еще слабее возможного блока миролюбивых государств, но политика непротивления злу и менажирования (пощады — *Ф. Н.*) агрессоров, которую предлагают нам противники санкций, не будет иметь иной цели, кроме дальнейшего укрепления и расширения сил агрессии, дальнейшего увеличения поля их деятельности. И может наступить, действительно, момент, когда их мощь настолько возрастет, что Лига наций или то, что в ней останется, не будут в состоянии справиться с ними, если даже захотят". Этот прогноз, как известно, в полной мере оправдался ровно через год.

Противопоставляя ответ и предложения Советского правительства французскому правительству на его запрос, какую позицию СССР займет в случае нападения на Чехословакию, предложениям лорда Ренсимена, которые были утверждены английским и французским правительствами, т. Литвинов указал, какие последствия для Европы

и всего мира будет иметь предательство по отношению к Чехословакии и выдача ее связанной по рукам и ногам гитлеровской Германии, и возложил всю ответственность за это на „умиротворителей“ — Чемберлена, Ренсимена, Даладье, Жоржа Боннэ и тех, кто поддерживал их политику. „Не наша вина,— сказал он,— если не было дано хода нашим предложениям, которые — я убежден — могли дать желательные результаты как в интересах Чехословакии, так и всей Европы и всеобщего мира. К сожалению, были приняты другие меры, которые привели и не могли не привести к такой капитуляции, которая рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия.

Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценою удовлетворения аппетитов ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств — не значит действовать в духе пакта Лиги наций. Премировать бряцание оружием и обращение к оружию для разрешения международных проблем, иначе говоря — премировать и поощрять наступательный сверхимпериализм в до сих пор неслыханных формах — не значит действовать в духе пакта Келлога — Бриана“.

Но судьба Чехословакии уже была решена. Реакционные круги Англии и Франции решили принести ее в жертву и „умиротворить“ не Центральную Европу, а Гитлера. В ночь на 13 сентября судетско-немецкая партия организовала путч. В сорока пунктах Судетской области произошли вооруженные выступления генлейновцев против чехословацких властей. Генлейн отправил чехословацкому правительству ультиматум с требованием отмены чрезвычайного положения, вывода полиции и передачи полицейских функций в Судетской области мэрам городов и общин.

Чехословацкое правительство согласилось начать переговоры об отмене чрезвычайного положения при двух условиях: если руководство судетско-немецкой партии гарантирует неповторение кровавых инцидентов и удалит из Судетской области „нарушителей порядка“.

В ответ на это примирительное предложение Генлейн официально объявил переговоры законченными. Чехословацкое правительство отдало приказ арестовать Генлейна, как государственного преступника, и запретило судетско-немецкую партию. Генлейн и другие вожаки фашистов бежали в Германию.

Гитлер снял маску и сконцентрировал на границе Чехо-

словакии миллионную армию. Чемберлен вылетел в Годесберг на свидание с Гитлером и принял его требование о передаче Судетской области Германии. Французское правительство поддержало Чемберлена. Правительство Годжи вышло в отставку, а новое правительство генерала Сыровы объявило всеобщую мобилизацию. Прилетевшему вторично к Гитлеру в Годесберг с готовым англо-французским планом капитуляции Чехословакии Чемберлену было заявлено, что этот план больше не удовлетворяет Германию. Гитлер вручил Чемберлену новый меморандум, с требованием немедленной передачи Судетской области Германии и других областей Чехословакии Венгрии и Польше. Правительство Сыровы отклонило эти наглые требования и согласилось вести переговоры на основе прежних требований Гитлера. Гитлер пригрозил Англии и Франции, что если его последние требования не будут удовлетворены, то он объявит всеобщую мобилизацию, что было равносильно объявлению войны. 29 сентября Чемберлен прилетел в третий раз на свидание с Гитлером в Мюнхен. Туда же прилетели Даладье и Муссолини. В этот же день было подписано англо-германо-французско-итальянское соглашение о полном удовлетворении германских, польских и венгерских притязаний на чехословацкую территорию.

По Мюнхенскому соглашению Англия, Франция, Германия и Италия решили отделить Судетскую область от Чехословакии и закончить ее передачу Германии в 10-дневный срок. „Каждый из участников настоящего соглашения,—говорится в его вводной части,—объявляет себя ответственным за проведение необходимых мероприятий для его выполнения". Великобритания, Франция и Англия гарантировали, что при эвакуации Судетской области Чехословакия оставит неприкосновенными все сооружения, за повреждение которых она будет нести ответственность. В довершение всего правительства четырех стран обязали Чехословакию удовлетворить в течение трех месяцев требования Польши и Венгрии.

Расчленение Чехословакии произошло без ее согласия. Мюнхенские капитулянты—Чемберлен и Даладье—не сочли даже нужным спросить мнение чехословацкого правительства. Перед объединенным фронтом наиболее могущественных буржуазных держав и двух „покровительниц" Чехословакия устоять не могла.

Но капитулировала не Чехословакия. Это была капитуляция реакционной правящей буржуазии двух буржуазно-демократических государств перед фашистской Гер-

манией. Капитуляция эта была плодом долголетней политики „невмешательства“ и „умиротворения“ Чемберлена в Англии и Даладье — Боннэ во Франции.

Для оправдания этой политики перед народными массами, которые требовали отпора фашистской Германии, была создана лживая легенда о „слабости“ советской авиации и о колебаниях Советского правительства в вопросе оказания помощи Чехословакии. Это была ложь от начала до конца, которая была своевременно разоблачена перед всем миром.

Не дожидаясь трехмесячного срока, как это было предусмотрено соглашением, Гитлер настоял на передаче части Словакии и Прикарпатской Украины Венгрии и части чешской Силезии — Польше. Одна из наиболее промышленных стран Центральной Европы, с сильно развитым сельским хозяйством, попала в руки фашистской Германии. Отныне чехословацкая армия в сорок оснащенных по последнему слову техники дивизий уже больше не угрожала германскому тылу. Чешская „линия Мажино“ с колоссальными военными запасами попала в руки Германии. На пост президента Чехословакии был посажен немецкий агент Гаха; другие высокие государственные посты были замещены немецкими агентами.

Аннексия Чехословакии и неудача последних попыток организации коллективной безопасности.

Вслед за расчленением Чехословакии началась фашизация страны и приспособление ее законодательства к германскому. Велась усиленная подготовка к ее аннексии. Наиболее деятельным агентом в этом деле оказалась словацкая фашистская партия Глинки, которая уже давно была связана с германскими национал-социалистами и действовала по их директивам.

Германская печать стала распространять лживые известия о том, что Чехословакия является очагом беспорядка и анархии в Центральной Европе, угрожающим спокойствию всей Европы. На Германии, писали гитлеровские агенты, лежит обязанность водворить порядок в соседней стране.

Когда все приготовления были закончены, Гитлер вызвал в Берлин чехословацкого президента Гаха и министра иностранных дел Хвалковского и заставил их подписать декларацию об упразднении Чехословацкой республики

как независимого государства. В этой декларации говорилось: „Обеими сторонами единодушно было высказано убеждение, что целью всех усилий должно быть обеспечение спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Чехословацкий президент заявил, что для достижения этой цели и для окончательного умиротворения он с полным доверием передает судьбы чешского народа и страны в руки фюрера германского государства. Фюрер принял это заявление и высказал свое решение взять чешский народ под защиту германского государства и гарантировать ему соответственное его особенностям автономное развитие его народной жизни".

15 марта 1939 г. Чехословакия была оккупирована немецко-фашистскими войсками. Не удовлетворяясь этим наглым актом международного бандитизма, палачи чехословацкого народа вдобавок еще надругались над своей жертвой. В изданном 16 марта указе „об установлении протектората Богемия и Моравия "говорилось: „В течение тысячелетия богемско-моравские земли являлись жизненным пространством германского народа. Насилие и неразумность вырвали их из их старого исторического окружения и создали, путем включения их в искусственную формацию Чехословакии, очаг постоянного беспокойства". Обвиняя чехословацкий народ в гибели его государства, германское правительство нагло заявляло, что „принцип самосохранения" заставил его выступить как на защиту „спокойствия и безопасности", так и „для всеобщего благополучия и всеобщего мира" в Центральной Европе. Фашистская Германия возложила на себя задачу „восстановления основ разумного порядка" в этой части Европы потому, что „Германская империя уже доказала в течение своего тысячелетнего исторического прошлого, что она, в силу как своих размеров, так и качеств германского народа, только одна призвана разрешить эту задачу".

Наиболее богатые промышленные и сельскохозяйственные области Чехословакии были присоединены к Германии в качестве „протектората Богемия и Моравия" и подчинены назначенному Гитлером имперскому наместнику под названием „протектора в Богемии и Моравии". Обобранная в пользу Венгрии Словакия была объявлена „независимым" государством и связана с Германией „союзным" договором. Власть в этом вассальном государстве была передана словацким фашистам во главе с предателем Тисо.

Захват Чехословакии, гарантированной от этого всеми послевоенными договорами и специальными договорами

между Францией и Чехословакией, а также договорами между странами Малой Антанты, прошел безнаказанно для фашистской Германии и не изменил отношения к ней государств, связанных позорной круговой порукой „невмешательства“ и мюнхенским преступлением.

Советский Союз не признал захвата Чехословакии, объявил этот акт грубого разбоя неправомерным и недействительным с точки зрения международного права и выступил в защиту независимости и поруганной чести и достоинства чехословацкого народа. В ноте от 18 марта 1939 г. Советское правительство опровергло возведенную на Чехословакию клевету и заявляло, что факты, которые якобы заставили Германию совершить преступление, „не могут быть признаны правильными и отвечающими известным всему миру фактам. На самом деле, из всех европейских государств, после первой мировой войны, Чехословацкая республика была одним из немногих государств, где были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика“[1]. Советское правительство заявляло, что ни один народ в мире добровольно не отказывался от своей независимости и что президент Гаха не был уполномочен чехословацким народом передать страну в руки Германии. Поэтому берлинский акт от 15 марта „не может считаться имеющим законную силу“. В виду того, что чешский народ не был опрошен и не мог выразить своей воли относительно произведенного над ним насилия и предательства со стороны президента Гаха, Советское правительство далее заявляло: „При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа, оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными“.

Советское правительство протестовало против вторжения венгерских войск в Карпатскую Русь и обвиняло германское правительство в том, что своими насильственными действиями оно нарушило политическую устойчивость в Центральной Европе и нанесло „новый удар чувству безопасности народов“. „Ввиду изложенного,—говорилось в ноте,—Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии, правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости, или принципу самоопределения народов“.

[1] „Правда“ от 20 марта 1939 г.

Английское и французское правительства протестовали против захвата Чехословакии на словах, а на деле оказали поддержку Германии, передав ей чехословацкое золото, хранившееся в парижских и лондонских банках и этим самым признали ее „правомочным" хозяином и распорядителем судеб чехословацкой территории и народа.

Бросив Австрию и Чехословакию на произвол судьбы и отдав эти страны, вопреки обязательствам защищать их самостоятельность, на растерзание фашистским насильникам, английская и французская реакционная буржуазия сама усиливала своими малодушными и предательскими действиями Германию и Италию, разрушала версальскую систему, предавала своих союзников и собственные национальные интересы в обманчивой надежде, что ей удастся откупиться за счет СССР. Именно поэтому она объявляла всякий раз о своем „невмешательстве", когда Гитлер душил одну из намеченных им очередных жертв.

Противопоставляя контрреволюционную сущность этой политики советской политике коллективной безопасности, товарищ Сталин на XVIII съезде партии в 1939 г. говорил: „Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: „пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами". На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны,— следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание—не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,—выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, „в интересах мира", и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!"[1]

За Абиссинией, Австрией и Чехословакией настала очередь Албании. В начале апреля 1939 г. фашистская Италия напала на Албанию и оккупировала ее, не вызвав никакого противодействия со стороны английского и французского флотов.

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 570—571.

Захват Албании превратил Адриатическое море в „итальянское озеро", крайне ухудшил стратегическое положение Югославии и Греции.

После захвата Чехословакии и Албании политическое положение в Европе сделалось настолько тревожным, опасность европейской войны сделалась настолько реальной, что президент США Рузвельт увидел себя вынужденным обратиться с посланием к зачинщикам войны в Европе— Гитлеру и Муссолини, чтобы они дали заверение, что их войска „не нападут или не вторгнутся на территории или владения" 31 государства Европы, Азии и Африки. Рузвельт брал на себя роль посредника между Германией и Италией, с одной стороны, и перечисленными им 31 государством — с другой, считая, что „взаимные заверения такого характера... немедленно вызовут во всем мире чувство облегчения и дадут возможность приступить к переговорам о смягчении разорительного бремени вооружений и об обеспечении равных условий торговли на мировых рынках и получения необходимых материалов и сырья". Ход политических событий привел к тому,—писал Рузвельт,— что некоторые государства угрожают другим применением оружия. „Если подобные угрозы будут продолжаться, то очевидно, что большая часть мира будет превращена в развалины... Я отказываюсь верить, что мир неизбежно является пленником такой судьбы... К несчастью, нужно отметить последние факты. Три страны в Европе и одна в Африке прекратили свое независимое существование. Обширная территория в другой независимой стране на Дальнем Востоке оккупирована соседним государством. Сообщения, которым мы не можем не верить, говорят о том, что подготовляются новые акты агрессии против других, еще независимых государств. Совершенно ясно, что весь мир приближается к такому моменту, когда в результате такого положения должна произойти катастрофа, если только не будет обеспечен более рациональный путь направления событий. Вы неоднократно утверждали, что вы и германский и итальянский народы не желают войны. Если это верно, то не должно быть никакой войны".

Советское правительство немедленно поддержало инициативу Рузвельта и обещало в личной телеграмме т. Калинина президенту США активное содействие его миролюбивому шагу.

Вместо ответа на послание Рузвельта оба фашистских диктатора заключили 23 мая 1939 г. военный союз. Италия и Германия,— говорилось во вступительной части

договора,— „связанные путем внутреннего родства их мировоззрений и путем широкой солидарности их интересов, решились и в будущем выступить объединенными силами за обеспечение их жизненного пространства и за сохранение мира“. Статья 3 договора обязывала обе стороны выступить на помощь друг другу, если одна из них окажется в войне с одной или несколькими державами, „со всеми своими военными силами — сухопутными, морскими и воздушными“, а статья 4 обязывала их „заключить перемирие и мир только в полном соглашении друг с другом“.

Общественное мнение Англии и Франции, напуганное событиями в Центральной Европе и на Балканах, требовало от своих правительств принятия мер к обеспечению безопасности своей страны и мира в Европе. Правительства Чемберлена и Даладье, которые потворствовали агрессии в надежде, что им удастся направить устремления Гитлера на Восток и „откупиться“ за счет СССР, вынуждены были под давлением общественного мнения предложить Советскому правительству вступить в переговоры относительно принятия общих мер против нападения.

Советское правительство приняло предложение, но со своей стороны заявило, что переговоры достигнут успеха при условии, если все три стороны гарантируют государства Центральной и Восточной Европы, в том числе все пограничные, соседние с СССР европейские государства, от нападения агрессивных держав; если три государства заключат конкретное соглашение (военную конвенцию) о видах и размерах немедленной конкретной помощи, которую названные государства обязаны оказать друг другу и гарантированным ими государствам. Переговоры между правительствами Англии, Франции и СССР о заключении договора о взаимопомощи против нападения в Европе велись в течение четырех месяцев и кончились полной неудачей.

Главными причинами неудачи были следующие:

1) Англия и Франция требовали, чтобы СССР вместе с ними гарантировал Польшу от нападения и пришел ей на помощь, если на нее будет совершено нападение; Советское правительство соглашалось оказать Польше помощь, но польское правительство того времени отказалось от принятия помощи, утверждая, что оно в ней не нуждается; союзники Польши — Франция и Англия — гарантировали ее неприкосновенность, но не сумели побудить Польшу дать согласие на оказание ей помощи со стороны СССР;

2) Англия и Франция не признавали принципа взаимности; они требовали от СССР определенных конкретных обязательств оказания военной помощи в случае нападения на них или на их союзников в Европе, но сами обставляли свои обязательства оказать помощь СССР столькими оговорками, что это делало эту помощь нереальной или в лучшем случае обесценивало ее;

3) одновременно с переговорами о заключении пакта об оказании взаимопомощи велись переговоры и о принятии военных мер, обеспечивающих оказание помощи с обеих сторон. Англия и Франция проявили такую медлительность в этом вопросе, что заставили усомниться в серьезности их намерения заключить договор с Советским правительством; на московскую конференцию оба правительства прислали второстепенных лиц, без полномочий и без права подписывать военное соглашение.

Четырехмесячные переговоры вполне выявили, что правительства Чемберлена и Даладье не желали заключения договора на равных началах, что в конце концов привело к краху переговоров. Объясняя причины срыва переговоров, т. Молотов на внеочередной IV сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. говорил: „С одной стороны, английское и французское правительства боятся агрессии и ввиду этого хотели бы иметь пакт взаимопомощи с Советским Союзом, поскольку это усиливает их самих, поскольку это усиливает Англию и Францию. Но, с другой стороны, английское и французское правительства имеют опасения, что заключение серьезного пакта взаимопомощи с СССР может усилить нашу страну, может усилить Советский Союз, что, оказывается, не отвечает их позиции. Приходится признать, что эти опасения у них взяли верх над другими соображениями. Только в этой связи и можно понять позицию Польши, действующей по указаниям Англии и Франции“[1].

В напряженной политической обстановке 1939 г. Советское правительство не ослабляло своей энергии по организации коллективного отпора агрессору, но когда оно убедилось, что реакционная буржуазия Англии и Франции продолжает капитулянтскую политику „невмешательства“, все еще надеясь направить германско-фашистские захватнические устремления на Восток, то ему пришлось искать иных средств и путей для хотя бы временного обеспечения безопасности Советского Союза. В такой обстановке родил-

[1] Внеочередная четвертая сессия Верховного Совета СССР 28 августа — 1 сентября 1939 г. Стенографический отчет, стр. 198.

ся советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г.

Последующие события показали, что это была единственно правильная политика, которая отдалила нападение фашистской Германии на Советский Союз почти на два года. Эта политика временно предотвратила угрозу нападения, когда Советский Союз был политически изолирован и должен был бы один нести тяжесть войны с фашистской Германией или со всеми державами „оси" (Германия, Италия и Япония). Она дала некоторую передышку для военной, хозяйственной и политической подготовки к грядущей неизбежной схватке.

Вторая мировая война.

Нападение Германии на Польшу.

Насильственное разрушение версальской системы, интервенция в Испании, безнаказанный захват Австрии и Чехословакии убедили фашистскую Германию в том, что она не получит своевременного отпора со стороны западных держав и в том случае, если она посягнет на их собственную безопасность и территорию.

К концу августа 1939 г. Гитлер потребовал от польского правительства урегулирования вопроса о Данциге и Польском коридоре. Польское правительство изъявило готовность начать переговоры по этому вопросу с Германией, а Англия предложила свои услуги в качестве посредника. Гитлер ответил 1 сентября войной, известив английское правительство, что „нет возможности вести серьезные переговоры". Германская авиация начала бомбить Варшаву, Катовицы, Краков, Гдыню и другие польские города. Германская армия вторглась в пределы Польши одновременно со стороны Померании, Силезии и Восточной Пруссии. Гитлер заявил в тот же день в рейхстаге, что война „навязана" ему Польшей и что Германия находится в состоянии „обороны". В войне с Польшей, сказал Гитлер, Германия „полна решимости урегулировать данцигский вопрос, вопрос о Коридоре и германо-польские отношения таким образом, чтобы обеспечить мирное сотрудничество между этими двумя странами".

Гитлер одновременно заявил, что вмешательство западных держав не препятствует его решимости довести дело с Польшей до конца. Подчеркивая свое „миролюбие"

по отношению к западным государствам, Гитлер лживо заявил: „От западных держав мы ничего не требуем и ничего от них не потребуем. Мы не имеем с ними территориальных споров. Я предлагал Англии германскую дружбу и тесное сотрудничество. Западные границы Германии полностью определены. Наша позиция в этом вопросе не подлежит изменению". Гитлер дал также торжественное заверение нейтральным государствам, что Германия будет уважать их нейтралитет, если они останутся нейтральными.

Все эти лживые заверения преследовали одну цель — удержать Англию и Францию и малые государства от оказания помощи Польше и позволить Германии поскорее с ней разделаться.

По поводу советско-германских отношений Гитлер тогда же заявил, что вооруженная борьба между Германией и СССР может быть выгодна лишь третьим государствам. „Германо-советский пакт, — говорил он, — поэтому определенно исключает применение силы между этими двумя странами. Оба государства дали друг другу обязательства консультироваться и экономически сотрудничать. Это является решением колоссальной важности, значение которого для будущего даже трудно предвидеть. Я полагаю, что германский народ будет приветствовать эту позицию, так как Германия и Россия боролись друг против друга в мировой войне. Это не случится во второй раз". Это была такая же наглая ложь, как и все то, что Гитлер говорил относительно Польши, Англии, Франции и нейтральных стран.

Советское правительство знало цену словам Гитлера, но, поскольку прямые интересы СССР не были задеты, оно при сложившейся международной обстановке было заинтересовано в том, чтобы во-время вывести страну из-под огня, отсрочить схватку с фашистской Германией, в которой ей пришлось бы вести борьбу без союзников в очень неблагоприятных условиях, и использовать выигранное время для лучшей подготовки к обороне.

Гитлер сам себя опроверг и разоблачил пять месяцев спустя. Он заявил 1 февраля 1940 г. в рейхстаге, что причины начатой в сентябре европейской войны были совсем не те, которые он в свое время выставил. С Польшей, сказал он, можно было договориться о Данциге и Коридоре, — все это было только предлогом. Причины войны состояли в том, что фашистская Германия рвалась на Восток и Запад в поисках „жизненного пространства", что она для начала хотела поглотить всю Польшу, за-

владеть ее богатствами, недрами и промышленными и сельскохозяйственными областями.

Гитлер указал как наиболее важную причину войны то обстоятельство, что 46 миллионов англичан владеют территорией в 40 миллионов кв. километров, а Франция владеет территорией свыше 9 миллионов кв. километров, тогда как Германия с 80-миллионным населением не имеет даже 600 тысяч кв. километров. Эта проблема, сказал Гитлер, должна быть разрешена.

Народные массы Англии и Франции прекрасно знали в сентябре 1939 г., что не из-за Данцига Гитлер начал войну и что он хочет лживыми фразами о том, что он не имеет никаких претензий к Франции и Англии, усыпить их бдительность и побудить эти страны остаться нейтральными.

В ответ на отказ Германии приостановить военные действия против Польши и отозвать ее войска с польской территории, Англия и Франция объявили 3 сентября Германии войну.

Правительства Чемберлена и Даладье — Боннэ, которые из-за боязни народных масс пошли на мюнхенский сговор, а теперь вынуждены были вступить в войну с Германией, все еще видели в Гитлере опору против демократии и большевизма. Они попрежнему хотели добиться за спиной народа соглашения с фашистской Германией. Французская реакционная буржуазия больше боялась народных масс, чем фашистской Германии. Она предпочитала вести войну с народным фронтом, с патриотами и антифашистами, чем с Гитлером. Ее лидеры публично заявили, что „Гитлер — это оплот против большевизма, и что враг находится не по ту сторону Рейна".

Англия и Франция не оказали действенной помощи Польше, в результате чего она была разбита и большая ее часть была занята в течение месяца.

В продолжение восьми месяцев царило полное затишье на франко-германском фронте. Французское правительство не использовало этого времени для пополнения вооружения и подготовки к решающим сражениям. Оно даже создало специальный фонд для финансирования пропаганды под лозунгом „Добиться взаимопонимания с Германией". Этой пропагандой руководили предатели Лаваль, Деа и Марке. Вместо войны с Германией французское правительство вело решительную войну с народными массами, с народным фронтом, объявило коммунистическую партию вне закона, лишило депутатов-коммунистов права участия в парламенте и осудило их на многолетнее заключение.

В момент величайшей национальной опасности требовались сплоченность, единение и напряжение всех сил для спасения страны, мюнхенские же капитулянты вели гражданскую войну против тех французов, которые горели решимостью бороться против Гитлера и победить.

Быстрый разгром польской армии, бегство тогдашнего польского правительства и приближение германских войск к советским границам создали новую военную и политическую обстановку и заставили Советское правительство принять чрезычайные меры к обеспечению безопасности страны. В речи по радио 17 сентября 1939 г. т. Молотов определил позицию и мероприятия Советского правительства в новой международной обстановке следующим образом: „В Польше создалось положение, требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства. Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Советское правительство до последнего времени осталось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создавшемуся положению.

От Советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белоруссов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белоруссам, населяющим Польшу.

Ввиду всего этого правительство СССР вручило сегодня утром ноту польскому послу в Москве, в которой заявило, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии“.

Советское правительство далее заявило, что оно одновременно намерено принять все меры к тому, чтобы избавить польский народ от злополучной войны и „дать ему возможность зажить мирной жизнью“.

Этими действиями Советское правительство задержало немецко-фашистские полчища на несколько сот километров от своих границ, дало мир миллионам украинцев, белоруссов, евреев и поляков и подготовило лучшие условия для предстоящей схватки с фашистским зверьем.

В конце сентября и начале октября того же года Советское правительство заключило договоры о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой. Чтобы дать возможность Советскому правительству оказать действенную помощь трем соседним республикам, они предоставили Советскому Союзу право устроить военно-морские и воздушные базы на островах Эзель и Даго, в Балтийском порту, Либаве, Виндаве и содержать гарнизоны в определенно указанных местах Эстонии, Латвии и Литвы. Через несколько месяцев народы этих республик выразили свое единодушное желание присоединиться к Советскому Союзу.

Озабоченное обеспечением безопасности своих границ и пограничных промышленных и культурных центров, Советское правительство предложило Финляндии обменять небольшую финляндскую территорию в непосредственном соседстве с Ленинградом на громадную территорию — часть Карело-Финской республики, расположенную на финляндской границе. Финляндское правительство заняло враждебную позицию к советскому предложению, в результате чего переговоры кончились неудачей. Финская военщина и финские фашисты стали устраивать провокации на советско-финляндской границе, обстреливать советские войсковые части под Ленинградом артиллерийским огнем. Все попытки Советского правительства разрешить возникшие конфликты мирным путем и предотвратить в будущем повторение провокаций натолкнулись на враждебный отказ финляндского правительства, стремившегося держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск.

„Все это окончательно показало,— сказал т. Молотов в речи по радио 29 ноября 1939 г.,— что нынешнее финляндское правительство, запутавшееся в своих антисоветских связях с империалистами, не хочет поддерживать нормальных отношений с Советским Союзом. Оно продолжает занимать враждебную позицию в отношении нашей страны и не хочет считаться с требованиями заключенного между нашими странами пакта ненападения, желая держать наш славный Ленинград под военной угрозой. От такого правительства и его безрассудной военщины можно ждать теперь лишь новых наглых провокаций".

Эти и другие провокационные действия финских властей заставили Советское правительство объявить себя свободным от обязательств по договору о ненападении, отозвать советского посланника из Финляндии и поручить

Главному командованию Красной Армии обеспечить безопасность Ленинграда.

„Единственной целью наших мероприятий,— заявил т. Молотов,— является обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда с его трех с половиной миллионным населением. В современной накаленной войною международной обстановке решение этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей. Эту задачу придется решить усилиями самого Советского Союза в дружественном сотрудничестве с финляндским народом.

Мы не сомневаемся, что благоприятное разрешение задачи обеспечения безопасности Ленинграда послужит основой нерушимой дружбы между СССР и Финляндией".

Советское правительство осталось верным своей декларации. Оно не изменило своей точки зрения и после разгрома белофинской армии и прорыва укрепленной линии Маннергейма, когда оккупация всей Финляндии Красной Армией казалась вопросом нескольких недель. Оно приостановило военные действия, как только финляндское правительство согласилось удовлетворить советские требования по обеспечению безопасности Ленинграда, и не выставило новых требований, хотя финляндская армия не была в состоянии оказывать сопротивление наступлению советских войск. По мирному договору, подписанному 12 марта 1940 г. в Москве, в состав территории Советского Союза включались „весь Карельский перешеек с г. Выборгом (Випури) и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольмом, Сортавала, Суоярви, ряд островов в Финском заливе, территория восточнее Меркярви с гор. Куолаярви, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего". Финляндия, кроме того, сдала в аренду Советскому Союзу на 30 лет полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него с рядом островов „для создания там военно-морской базы, способной оборонить от агрессии вход в Финский залив". Советский Союз возвратил Финляндии всю занятую его войсками финскую территорию, в том числе важную область и порт Петсамо в Белом море.

Советско-финляндский мирный договор опроверг все антисоветские клеветнические измышления буржуазных политиков и журналистов о „советском красном империализме". Этот договор является образцом великодушия,

проявленного по отношению к побежденному. Советское правительство не использовало отчаянного положения Финляндии, не унизило финского народа, присоединило лишь небольшую территорию, без которой невозможна была бы оборона Ленинграда и Мурманской железной дороги, связывающей страну с единственным незамерзающим портом в Белом море.

Вся политика Советского правительства после возникновения европейской войны была продиктована исключительно стремлением держать врага подальше от границ, обезопасить и укрепить свои границы и создать лучшие условия для обороны страны. Это было признано и всеми честными демократами за пределами нашей родины.

„После германского вступления в Польшу,— писал известный английский писатель Герберт Уэлс, — Россия вполне обоснованно решила расширить свои границы, и вместо того, чтобы немцы оккупировали авиационные базы, находившиеся на расстоянии пушечного выстрела от России, последняя сама заняла их.

Когда я во время своего пребывания в Америке говорил с людьми, выражавшими свое возмущение по поводу нападения русских на храбрую маленькую Финляндию, я спрашивал их, как бы они чувствовали себя, если бы какая-нибудь маленькая нация обосновалась на расположенном около Нью Йорка острове и из любви к миру и свободе построила бы сильно укрепленную линию с мощными батареями, господствующими над проливами и способными разбомбить Нью-Йорк и потопить в любое время пароходы, стоящие в его порту. Интересно, как бы отнеслась к этому Америка“.

В навязанной нашей стране войне с белофиннами английское и французское правительства Чемберлена и Даладье заняли крайне враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу и оказывали помощь белофиннам. Во время восьмимесячного затишья на франко-германском фронте французские капиталисты не переставали снабжать Германию через Бельгию железной рудой и другими видами стратегического сырья, правительства же и генеральные штабы двух союзных стран были заняты не организацией победы над Германией — их внимание было поглощено организацией военной, технической, экономической и финансовой помощи белофиннам и организацией большой войны против Советского Союза, в надежде, что в такой войне они найдут союзника в фашистской Германии, которая прекратит войну на западе и ринется вместе с ними на Восток.

Все эти события вызвали во Франции разногласия и недовольство.

А между тем Гитлер делал последние приготовления для нанесения смертельного удара союзникам. Он решил расширить район военных действий, захватить норвежские порты, откуда легче вести подводную войну на просторах Атлантики. Потеряв бесплодно восемь месяцев, английское и французское правительства, желая предотвратить оккупацию Норвегии Германией, уведомили 8 апреля 1940 г. норвежское правительство о том, что они минировали норвежские воды с целью „воспрепятствовать или не дать возможности Германии получить нужные ей материалы из Норвегии". Норвежское правительство объявила решительный протест против нарушения нейтралитета Норвегии. Тогда Германия, которая тщательно подготовила нападение на Норвегию, для чего у нее войска уже давно были погружены на транспорты, немедленно двинула около сотни судов к норвежским берегам. В тот же день германские войска вступили в Норвегию и Данию.

Германское правительство вручило норвежскому правительству меморандум, в котором лживо заявляло: „В этой решающей фазе борьбы, навязанной Англией и Францией германскому народу, германское правительство ни в коем случае не может терпеть, чтобы скандинавские страны были превращены в театр войны против Германии и чтобы норвежский народ прямо или косвенно был втянут в войну против Германии. Германия не хочет бездеятельно ждать осуществления планов ее противников. Германское правительство приступило сегодня к определенным военным операциям, которые имеют своей целью занять стратегические военные пункты на норвежской территории".

В меморандуме далее лицемерно заявлялось, что насильственные действия Германии „служат интересам самой Норвегии, так как предохраняют скандинавские страны, чтобы их территории были превращены в поле битвы в нынешней войне". Германское правительство нагло требовало не оказывать сопротивления германским войскам и „принять немедленно все меры к тому, чтобы действия германских частей не встретили препятствий и трудностей".

Подобный же меморандум был вручен и датскому правительству.

Дания не оказала сопротивления, и ее территория была занята без инцидентов.

Норвежская армия оказала сопротивление. Завязалась неравная борьба. Англия и Франция не оказали своевременной помощи. Небольшая норвежская армия одна вела трудную борьбу с превосходящими силами врага, и после героического сопротивления норвежцев вся страна, за исключением отдельных недоступных горных местностей, была занята в течение меньше чем месяца германскими войсками. Наспех снаряженный и поздно высаженный в Нарвике англо-французский экспедиционный корпус не был достаточно подготовлен для войны в таких трудных условиях и эвакуировался оттуда в начале наступления немцев на западном фронте.

После захвата Дании и Норвегии гитлеровская Германия вытянулась на север почти на $2^1/_2$ тысячи километров и приобрела чрезвычайно важные в стратегическом отношении плацдармы для морской войны. Изрезанные берега Норвегии изобилуют многочисленными, глубоко вдающимися бухтами, заливами и хорошо укрытыми стоянками для надводных и подводных кораблей. Вдоль высоких и крутых берегов расположены многочисленные острова, откуда легко вести наблюдение за неприятельскими морскими и воздушными силами. В норвежских портах гитлеровская Германия получила возможность снаряжать рейдеры и подводные лодки и направлять их для пиратских действий не только к берегам Великобритании, но и в далекие воды Атлантики, которые несут на своих волнах в союзные страны тысячи судов с вооружением, продовольствием и сырьем.

После захвата Дании и Норвегии стратегическое положение Германии намного улучшилось, а стратегическое положение Великобритании и ее союзников сильно ухудшилось. Норвегия и Дания представляют для гитлеровской Германии некоторые экономические выгоды. Она обеспечила себе бесперебойный транспорт шведской руды в германские порты и поставила Швецию в полную экономическую и политическую зависимость от себя.

За Данией и Норвегией настала очередь Голландии, Бельгии и Люксембурга. Эти страны сохраняли строгий нейтралитет по отношению к обеим воюющим сторонам и за восемь месяцев войны ни разу не давали Германии повода для жалоб. Но они уже десятки лет находились в списке тех территорий, которые германский империализм решил включить в Германскую империю. С момента прихода к власти Гитлер неустанно повторял, желая усыпить их бдительность, что он не имеет никаких террито-

риальных и политических претензий и желает лишь одного — жить с ними в мире.

Ловкий обман удался. Доверившись лживым заявлениям Гитлера, Бельгия расторгла союзный договор с Францией и объявила, что будет сохранять строгий нейтралитет в случае конфликта между Германией и Францией, что она добросовестно и выполняла на протяжении всех восьми месяцев англо французско-германской войны.

Нападение Германии на своих маленьких западных соседей было началом решительных действий против Франции и Англии, план разгрома которых был уже давно тщательно разработан.

Для успешного выполнения этого оперативного плана гитлеровское командование решило использовать наследство Шлиффена. Оно усердно распространяло через своих агентов слухи, что германское командование намерено, как и в 1914 г., действовать „по плану Шлиффена". Чтобы окончательно и бесповоротно убедить в этом командование армиями союзников, германское командование снабдило враждебные разведки через своих агентов соответствующими „документами"-доказательствами. Обман полностью удался. Английское и французское командование начали сосредоточивать большую часть своих танковых и моторизованных дивизий на своем левом фланге.

Когда гитлеровское командование получило доказательство, что англо-французы готовятся встретить главные силы Германии на бельгийско-французской границе, оно решило действовать совсем иначе, чем это проделала германская армия в 1914 г. По плану Шлиффена, главные силы германской армии двигались через Бельгию, с целью обойти французский левый фланг, занять побережье Ла-Манша, обойти Париж с северо-запада, зайти в тыл главным силам французской армии, заставить ее принять сражение с перевернутым фронтом, отбросить ее затем к пограничным крепостям, замкнуть у Швейцарии кольцо и уничтожить всю французскую армию. Как известно, этот план потерпел неудачу. Германская армия потерпела поражение в начале сентября 1914 г. на Марне, а в октябре и ноябре — в Польше. Вместо скоротечной и „молниеносной" войны, Германия вынуждена была вести войну на измор и истощение. Все ее военные успехи в течение четырех лет ничего не стоили в политическом отношении: на 51-м месяце войны она вынуждена была сдаться на милость победителей.

В противоположность плану Шлиффена, в мае 1940 г.

в Бельгию и Голландию были брошены сравнительно небольшие силы, но вполне достаточные для того, чтобы разгромить бельгийскую и голландскую армии, приковать к себе большую часть англо-французских сил и создать обманчивое впечатление, что главные германские силы находятся здесь и что отсюда они намерены нанести смертельный удар англо-французам. Высаженные в разных местах в Бельгии и Голландии десанты парашютистов получили задание захватывать в тылу важные укрепленные пункты и аэродромы, разрушать коммуникации и усиливать впечатление, что главный удар готовится именно здесь и отсюда.

На самом же деле главный удар по армиям союзников должен был нанести не правый германский фланг, как это должно было быть по плану Шлиффена, а центр германской армии в районе Седан — Динан. Армиям центра была дана задача: прорвать на широком фронте французские линии обороны, двинуть через брешь прорыва танковые и моторизованные дивизии к верховьям реки Соммы, овладеть всем ее течением, достигнув Ла-Манша, повернуть на северо-восток и, двигаясь вдоль побережья канала, отрезать англо-французские танковые и моторизованные дивизии, поспешно продвинувшиеся в Бельгию и Голландию, от их главных сил.

10 мая 1940 г. в 5 часов 30 минут германские войска ворвались без всякого предупреждения в Голландию, Бельгию и Люксембург, а германская авиация начала бомбардировать важнейшие города, мосты, промышленные центры и аэродромы в Голландии и Бельгии и высадила десанты парашютистов, которые захватывали переправы, аэродромы и разные военные объекты. Несколько часов спустя после вероломного вторжения на территорию этих стран десятков тысяч гитлеровских войск, германское правительство вручило правительствам Бельгии и Голландии меморандумы (памятные записки), которые по своей чудовищной наглости, циничности и лживости превосходили германский ультиматум Бельгии в 1914 г. В меморандумах утверждалось, что „цель Англии и Франции заключается в том, чтобы осуществить тщательно подготовленное и предстоящее сейчас непосредственное нападение на Германию с запада, чтобы через Бельгию и Голландию ударить по Рурской области“. Германское правительство обвиняло правительства Бельгии и Голландии в том, что они якобы знали об этих приготовлениях Франции и Англии и что якобы „бельгийская и голландская печать в своих

враждебных выпадах против Германии перещеголяла даже английскую и французскую печать"; что оба правительства строили укрепления исключительно на восточных, но не на западных границах; что их войска были размещены не на западной, а на восточной границе, и что якобы правительственные учреждения обоих государств оказывали помощь англо-французской разведке. Основываясь на выдуманной им самим легенде о предстоящем якобы нападении Франции и Англии на Рурскую область через Бельгию и Голландию, германское правительство выставило себя в качестве жертвы, находящейся в положении вынужденной обороны, и цинично заявило, что оно „отдало приказ германским войскам обеспечить нейтралитет этих стран всеми военными средствами". Оно, далее, потребовало от своих очередных жертв позаботиться о том, „чтобы германским войскам не было оказано сопротивления".

Оба правительства отвергли наглое требование насильника и обратились к Франции и Англии за помощью.

Началась неравная борьба между германской, голландской и бельгийской армиями. Немцы прорвали первую линию бельгийской обороны и так быстро продвигались вперед, что не дали бельгийскому командованию времени для реорганизации потрепанной армии и закрепления на второй оборонительной линии Намюр — Лувен — Антверпен. В ответ на обращение о помощи из Брюсселя и Гааги, французские и английские армии поспешили на помощь бельгийцам и голландцам.

12 мая 1940 г. главные германские силы в Арденнах прорвали слабо защищенную линию обороны на реке Маас между Динаном и Седаном. Прорыв был настолько неожиданным, а защищавшая эту водную преграду французская 9-я армия настолько слаба, что она даже не сумела разрушить ни одного моста на 100-километровом прорыве фронта. Немцы двинули через образовавшуюся брешь несколько тысяч танков, десятки моторизованных дивизий, а вслед за ними пустили больше сотни пехотных дивизий к верховьям Соммы. Продвижение германских танковых и моторизованных дивизий было настолько стремительным, что французы не смогли их ни задержать, ни разрушить путей сообщения. Прорвавшаяся к Сомме германская армия образовала длинный и широкий мешок во французской системе обороны и зашла глубоко в тыл англо-французским дивизиям, действовавшим во Фландрии, Бельгии и Голландии.

Катастрофа у Седана не была сразу осознана и ничего не было предпринято для того, чтобы во-время отозвать обратно эти дивизии, которые все время продвигались вперед. Приостановить тысячи своих танков и десятки моторизованных дивизий, на которые давили миллионы пехоты на грузовиках, или срезать образовавшийся мешок, французы не смогли. Немцы с каждым часом забирались все глубже в тыл левому флангу англо-французских армий.

Между тем, сопротивление голландской армии было быстро сломлено, и 14 мая она прекратила борьбу. Этим самым попала в тяжелое положение часть английских войск, высадившаяся лишь 12 мая в провинции Зеланд.

Начавшаяся военная трагедия в Бельгии и Голландии ускорила разрешение правительственного кризиса в Англии, начавшегося еще накануне германского наступления. Во главе нового правительства стал Уинстон Черчилль, а в его состав вошли также либералы и лейбористы. Это не была простая смена лиц, а коренная перемена системы ведения войны. Выступая впервые перед палатой общин 13 мая, новый премьер заявил, что он „не может ничего предложить кроме крови, упорного труда, слез и пота“ и что его политика заключается в обеспечении победы на море, на суше и в воздухе, в обеспечении „победы любой ценой, победы, несмотря на страдания“.

Военные операции в Бельгии и Фландрии приняли катастрофический для союзников характер. Прорыв фронта у Седана и разгром французской 9-й армии генерала Корапа позволили немцам дезорганизовать линию французской обороны. К 18 мая немцы уже достигли линии реки Эн и верхней части долины Уазы и устремились на север — к побережью пролива, что поставило под угрозу находившиеся еще во Фландрии английские и французские войска. В тот же день немцы заняли Антверпен.

16 мая французский премьер-министр Рейно признал в палате депутатов, что стране угрожает опасность, и дал понять, что предстоят изменения в верховном командовании. Вечером того же дня началось совещание Рейно, Даладье и Гамелена с прибывшим в Париж Черчиллем.

Трагедия в Голландии и Бельгии подняла военный дух в Италии и усилила нападки итальянской печати на Францию и Англию. Рузвельт отправил личное послание Муссолини с просьбой не расширять войну, но оно не оказало никакого влияния на итальянского диктатора. Газета „Пополо д'Италия“ писала 18 мая о позиции

Италии: „Мы считаем, что мы уже фактически вмешались". День спустя итальянский министр иностранных дел Чиано заявил в речи в Милане: „Италия не может остаться в стороне от теперешней борьбы, которая определит судьбы мира". Итальянские требования, сказал Чиано, всем известны, на что его слушатели ответили восторженными криками: „Корсика, Ницца, Савойя!"

В эти же дни Рузвельт обратился к конгрессу с требованием ассигновать дополнительно 1,2 миллиарда долларов на вооружение, так как США, как говорилось в послании, должны готовиться к обороне, если они хотят избежать судьбы Бельгии и Голландии.

Верховное командование союзников признало уже 17 мая военное положение критическим. Генерал Гамелен писал в приказе по армии: „Судьба нашей страны, как и наших союзников, зависит от исхода битвы, которая сейчас происходит... Каждая часть, которая не может продвигаться вперед, должна предпочесть смерть отступлению... Лозунгом дня являются слова: „Победить или умереть. Мы должны победить!" Французы гибли, как гибли бельгийцы и голландцы, но ни продвинуться вперед, ни победить им не было дано. Они не могли устоять против превосходящих их количественно германских войск, против тысяч танков и самолетов, против предательства и измены, подтачивавших обороноспособность Франции уже в течение многих лет и выдавших ее по сути дела полусвязанной врагу.

Поражение на фронте вызвало также 18 мая реорганизацию французского кабинета министров. Премьер Рейно включил в правительство в качестве своего заместителя 84-летнего маршала Франции Филиппа Петэна, отнял у Даладье портфель министра обороны и взял его в свои собственные руки. Заместителем по министерству обороны был назначен генерал де Голль. Вместе с Петэном в министерство вошло еще несколько капитулянтов.

Реорганизация французского кабинета явилась роковым для Франции политическим шагом. Предательство и измена пробрались незаметно под видом патриотизма через „победителя под Верденом" к политическому руководству страной. Однако ничто не позволяло думать в первые дни после реорганизации кабинета Рейно, что за спиной премьера началась планомерная подготовка к капитуляции Франции. Обращаясь вечером того же дня по радио к французскому народу, Рейно заявил, что маршал Петэн

останется заместителем премьера „до окончательной победы“. Призывая народ к стойкости, Рейно продолжал: „Совершенно необходимо, чтобы дух войны господствовал во всех правительственных учреждениях точно так же, как он чувствуется во всей стране. Каждый француз, который находится в армии или в тылу, должен произнести вместе со мной торжественную клятву — победить“. Декретом правительства был объявлен 12-часовой рабочий день на авиационных заводах и отменены праздничные и воскресные дни.

Новое правительство сменило 19 мая, в разгар битвы, генерала Гамелена и назначило главнокомандующим французской и союзных армий генерала Вейгана, т. е. передало руководство обороной одному из главных виновников неподготовленности Франции к войне. Новое назначение проводилось под видом „усиления“ обороны.

И англичане были введены в заблуждение. В речи по радио Черчилль заявил 19 мая: „Я получил от руководителей французской республики и, в частности, от премьер-министра Франции Рейно священные обязательства. При всех обстоятельствах французы будут воевать до конца, будь этот конец печальным или славным“.

Пагубность происшедших во Франции политических перемен состояла в том, что не Рейно, а Петэн и Вейган были отныне действительными руководителями „французской республики“. А эти прославленные сверх меры генералы первой мировой войны не хотели воевать до славного конца,— они предпочитали такую войну, которая ведет лишь до „печального конца“. Уже на заседании совета министров 20 мая Петэн нарисовал мрачную картину военного положения и предсказывал невозможность восстановления связи между отдельными армиями, когда это еще было возможно.

21 мая в руках немцев уже были по нижнему течению Соммы Аррас, Перонн, Амьен и Аббевиль. Моторизованные дивизии немцев дошли до побережья Ла-Манша, повернули на север и достигли Булони, нигде не встречая сильного сопротивления. Около миллиона лучших англо-французских войск, в их числе большая часть танковых и моторизованных дивизий, оказались отрезанными от главных сил.

Лишь теперь был разгадан план немцев: они пока стремились не в Париж, а во Фландрию, чтобы отрезать и уничтожить англо-французские армии, брошенные на север на верную гибель.

Перед лицом явной катастрофы скрывать дольше перед страной истинное положение на фронте нельзя было. Об этом Рейно заявил 21 мая в сенате.

Вслед за повернувшей на север германской армией следовала другая, еще более многочисленная армия и заняла позиции на Сомме, образовав фронт в тылу отрезанных англо-французских армий во Фландрии и Бельгии.

Битва во Фландрии, продолжавшаяся почти две недели — с 21 мая по 4 июня, — закончилась поражением союзников.

Английские, французские и бельгийские войска вели напряженные бои с целью вырваться из окружения, но они не смогли разорвать железного кольца германских бронетанковых дивизий. Вейган два раза отправлялся на самолете в штаб французской армии во Фландрии, но странным образом не посетил ни английской, ни бельгийской штаб-квартиры.

В самый разгар сражения во Фландрии немцы подготовляли второе сражение. Они направили главные свои силы через образовавшийся мешок на реке Сомме, куда французы также стали стягивать свои плохо вооруженные и недостаточно обученные войска на так называемую линию обороны Вейгана.

Черчилль объявил 23 мая в палате общин, что союзные войска отрезаны во Фландрии и германские армии уже пробрались в тыл сражающихся в Бельгии английских и французских дивизий. Палата общин выслушала эту печальную весть с большой серьезностью. Она приняла „Акт о чрезвычайных полномочиях 1940 г.“, каковой предоставил правительству неограниченную власть в вопросах ведения войны. Правительство получило право мобилизовать любое количество людей, контролировать промышленность и финансовые ресурсы для обеспечения победы. На основании этого акта на следующий день были арестованы все видные английские фашисты, во главе с Освальдом Мосли, и другие деятели „пятой колонны“. В эти же дни во Франции еще больше усилился реакционный курс правительства. Там были произведены многочисленные аресты коммунистов.

25 мая было закончено окружение союзных войск, которых постоянно прижимали к побережью.

Возникшие в Бельгии разногласия между правительством Пьерло и королем Леопольдом закончились полным разрывом. Бельгийское правительство переехало в Лондон, а король, не предупредив своих союзников, попросил

27 мая утром у немцев перемирия, в чем ему было отказано. 28 мая на рассвете бельгийская армия капитулировала без всяких условий. Бельгийское правительство, палата депутатов и сенат объявили действия короля „незаконными противоконституционными“ и заявили, что Бельгия будет продолжать вместе с союзниками борьбу против Германии.

Сообщая в тот же день в палате общин о капитуляции бельгийской армии, Черчилль предупредил палату, что она „должна подготовиться к очень тяжелым вестям“.

После капитуляции бельгийской армии положение англичан и французов во Фландрии сделалось безнадежным. Они, однако, и не думали о капитуляции. Не прекращавшаяся ни на минуту борьба продолжалась с единственной целью удержать Дюнкерк и Остенде и оттуда эвакуироваться в Англию, а затем во Францию для продолжения борьбы.

Кале был взят немцами 27-мая, а Остенде — 29-го. В руках союзных армий оставался один Дюнкерк, куда могут подходить лишь небольшие плоскодонные суда. Английское правительство мобилизовало тысячу частных судов и направило их в Дюнкерк для эвакуации экспедиционного корпуса. Немцы напрягли все усилия для того, чтобы опрокинуть англо-французские дивизии в море или захватить Дюнкерк и обречь их на гибель. План германского командования был облегчен капитуляцией бельгийской армии, чем был обнажен фланг союзников. Над Дюнкерком и прилегающими к нему окрестностями и песчаными дюнами, где английские и французские солдаты искали убежища в ожидании посадки на суда, происходили в течение нескольких дней и ночей бои в воздухе. Англо-французские дивизии, пренебрегая жизнью, вели кровопролитные бои с превосходящими силами немцев и не допускали их к городу, давая этим возможность погрузиться на суда своим товарищам. Эта величайшая в истории военная эпопея была закончена 4 июня в 7 часов утра. Последним погрузился на быстроходный катер руководивший эвакуацией адмирал Абриаль. Английский экспедиционный корпус потерял всю свою артиллерию и танки, весь боевой материал и транспортные средства, но зато были вывезены 355 тысяч солдат и офицеров, послуживших ядром и кадрами для создания новой многомиллионной английской армии. Часть французской армии была также вывезена в Англию, большая же часть французов была взята в плен.

4 июня Черчилль выступил в палате общин с подробным отчетом „о колоссальной военной катастрофе“ в Бельгии и Фландрии. Говоря о возможных попытках вторжения Германии в Англию, Черчилль призывал к стойкости: „Но никогда не следует забывать силу морского флота и силу авиации, в особенности, если она может быть использована на ограниченной территории. Мы будем бороться до конца. Мы будем бороться во Франции, на морях и океанах, мы будем бороться со все возрастающей уверенностью и силой. Мы будем бороться на морских берегах, на аэродромах, на полях, на улицах. Мы никогда не сдадимся. Даже если — чего я ни на минуту не думаю, — этот остров, или значительная его часть, будет покорен, то и тогда наша вооруженная империя, охраняемая английским флотом, будет продолжать борьбу до тех пор, пока не наступит время, когда Новый свет со всей своей силой и мощью не выступит для освобождения и спасения Старого света“.

Сражение на Сомме и капитуляция Франции

5 июня немцы начали на фронте в 180 километров, от Лаона до побережья Ла-Манша, еще более мощное сражение, которое получило название битвы на Сомме. Французы называют его битвой за Францию. Полагают, что немцы бросили около двух миллионов солдат в это сражение. Стратегическая цель этой операции состояла в том, чтобы опрокинуть французские дивизии, разъединить французские армии, занять Париж и все атлантическое побережье Франции, обезопасить себя со стороны Англии и зайти в тыл французской армии на линии Мажино.

Вейган понимал опасность положения, хорошо зная, что у него меньше, чем у немцев, бойцов, что у него нет танковых дивизий и воздушных соединений, которые могли бы равняться с немецкими. В приказе по армии Вейган заявлял: „Мы должны защищать наши позиции без единой мысли об отступлении... Держитесь за нашу землю и смотрите только вперед; в тылу верховное командование приняло все необходимые меры для оказания вам поддержки“. Это было явной ложью. „Необходимые меры“ можно было и надо было принимать несколько лет тому назад изготовлением тысяч танков и самолетов, воспитанием в народе боевого духа и готовности защищать родину и умирать за нее. Теперь уже было поздно.

Рейно заявил в тот же день в комиссии палаты депутатов по иностранным делам, что французский народ „более чем когда-либо полон решимости бороться вместе со своими союзниками“.

6 июня Рейно провел вторую реорганизацию кабинета, удалив из него Даладье, Сарро и некоторых других радикалов. Портфель министра иностранных дел он взял в свои руки, пригласив Бодуэна на пост помощника министра. Группа сторонников Петэна в кабинете после этого еще больше усилилась.

Рейно предложил Италии урегулировать все спорные вопросы мирным путем, но Муссолини в это время заканчивал последние приготовления к нападению на союзников.

Между тем, германские армии планомерно оттесняли французов на юго-запад. 8 июня колонна в 300 танков прорвалась вперед, перешла реку Брель и оказалась в 35—40 километрах от Руана. Немцы постоянно вводили в бой новые дивизии, в то время как у французов уже иссякли все резервы. Французам недоставало тех 25—30 великолепных англо-французских дивизий, которые были потеряны во Фландрии. Их наличие на огромном фронте на Сомме, возможно, перетянуло бы чашку весов в пользу союзников.

9 июня немцы расширили поле сражения на востоке от Ретеля до Аргонн, а 11 июня они прорвали линию обороны на Марне, и несколько их колонн стали приближаться с разных сторон к Парижу.

Французское правительство переехало в Тур. Английское правительство заверило его, что оно окажет ему всяческую помощь на суше, в воздухе и на море.

Между тем Муссолини решил, что плод уже совсем созрел для того, чтобы его сорвать, и что ему только остается разделить вместе с Гитлером Французскую и Британскую империи. 10 июня он объявил войну Франции и Англии.

В тот же день Рейно обратился к Рузвельту за помощью. Враг подходит к воротам Парижа, говорилось в обращении к Рузвельту: „Мы будем воевать на подступах к Парижу; мы будем воевать за Парижем; мы закрепимся в одной из наших провинций для того, чтобы продолжать борьбу; и если мы будем вытеснены оттуда, то будем воевать из Северной Америки, а если понадобится, то сумеем обосноваться и в наших американских владениях“. Рейно в заключение просил Рузвельта обод-

рить французский народ и публично объявить, пока не поздно, что „Соединенные Штаты окажут союзникам всевозможную помощь и материальную поддержку, исключая посылку экспедиционных сил“.

Однако Петэн и Вейган были другого мнения. Они в это время уже решили капитулировать перед Германией. 11 и 12 июня происходило в Туре совещание Рейно с Петэном и Вейганом, с одной стороны, и совещание их с Черчиллем, Иденом и генералом Дилл — с другой. В результате этих совещаний вполне выявились разногласия между союзниками.

На происходившем в тот же день заседании французского совета министров в окрестностях Тура, в замке де-Канже, Вейган назвал военное положение безнадежным и заявил, что необходимо обратиться к немцам с предложением о перемирии. Он потребовал немедленного заключения мира, чтобы помешать революции. Он сообщил, что, по полученным только что сведениям, коммунисты уже заняли в Париже дворец президента республики. Эта была провокационная ложь, выдуманная нарочито, с целью оказания давления на правительство. Проделка Вейгана была тут же разоблачена. Министр внутренних дел Мандель связался по телефону с парижским префектом Ланжероном, который заверил министра о полном спокойствии в Париже.

Правительство решило просить у Гитлера перемирия, но предварительно обратилось к Англии с просьбой — освободить Францию от договорного обязательства не заключать сепаратного мира. Английское правительство отказало в разрешении. На состоявшемся 13 июня совещании Рейно с Черчиллем было решено, что Рейно еще раз обратится к Рузвельту и, в случае неудовлетворительного ответа, они еще раз встретятся „для принятия решения в свете новых факторов“. В новом обращении к Америке Рейно просил направить через Атлантический океан „тучи военных самолетов“.

Поздно ночью английское правительство отправило французскому правительству телеграмму, в которой говорилось о „неразрывном союзе между обоими народами и обеими империями“. Телеграмма выражала восхищение героизмом французских солдат и заверяла Францию, что Англия будет драться до тех пор, пока Франция не будет свободной. „Мы не можем, — говорилось в телеграмме, — определить различные формы бедствий, которые выпадут на долю наших народов в ближайшем будущем. Мы уверены в том,

что испытание огнем лишь сплотит их вместе в одно непобедимое целое. Мы вновь повторяем нашу клятву Французской республике и заявляем о решимости продолжать борьбу любой ценой во Франции, на нашем острове, на морях и в воздухе, везде, куда борьба нас может повести, используя при этом все наши ресурсы до крайнего предела и деля между собой бремя, связанное с восстановлением разрушений, причиненных войной. Мы никогда не выйдем из конфликта, пока Франция не будет находиться в безопасности".

14 июня немцы вошли в Париж, который французское командование отказалась оборонять, не желая якобы подвергать город разрушению. Действительная же причина состояла в том, что французское правительство не хотело защищать Париж, который можно было отстоять. На худой конец сопротивление Парижа могло надолго задержать большие силы немцев. Отстоять Париж могло его население — сотни тысяч парижских пролетариев и горожан, организованных по военному и руководимых военными специалистами.

Но французское правительство боялось доверить оборону столицы народным массам: оно предпочло сдать ее Гитлеру. „К несчастью, — писал один буржуазный журналист, — у Франции были руководители, которые боялись народного движения больше, чем победы Гитлера. Такие люди, как Вейган, Петэн и многие другие министры, были одержимы страхом перед коммунистическим восстанием. Правительство не хотело, чтобы рабочие завода Рено и вообще граждане Парижа сражались с противником. Оно даже отдало полиции распоряжение расстреливать их, если они сделают хоть малейшую попытку организовать оборону столицы".

В день сдачи Парижа правительство переехало из Тура в Бордо.

Быстрое продвижение немцев в Шампани создало угрозу линии Мажино, так как ее пушки не могли стрелять против атакующих их с тыла немцев. 15 июня пал без сопротивления Верден — этот символ неувядаемого патриотизма, героизма и стойкости французского солдата и несокрушимости обороноспособности Франции в первой мировой войне.

Итальянская армия начала наступление севернее Ниццы и через альпийские проходы на Савойю, но нигде не добилась сколько-нибудь значительных успехов.

В ответ на обращение Рейно Рузвельт заявил после

совещания с английским и французским послами в Вашингтоне, что США будут оказывать моральную и материальную помощь союзникам до тех пор, „пока правительства союзников будут оказывать сопротивление". Рузвельт телеграфировал французскому и английскому правительствам: „Я считаю возможным заявить, что с каждой неделей будут увеличиваться поставки материалов в союзные страны... Я знаю, что вы поймете, что эти заявления не означают каких-либо военных обязательств. Только конгресс может взять на себя такие обязательства".

Этот ответ не удовлетворил французское правительство, которое весь день 16 июня заседало в Бордо. Рейно потребовал в этот день вторично у английского правительства освобождения Франции от взятого обязательства — не заключать сепаратного мира. Черчилль ответил, что, принимая во внимание положение Франции, Англия даст разрешение на вступление в переговоры о заключении сепаратного мира при условии, что французский флот будет предварительно отправлен в английские порты и останется там до конца переговоров. Англия будет при всех условиях продолжать войну и отвергает поэтому всякое участие в переговорах.

В 5 часов пополудни английское правительство сделало правительству Рейно официальное предложение объединить Францию и Англию в одно союзное государство. „Акт объединения" предусматривал немедленное образование „неразрывного союза" между Францией и Великобританией на основе конституции, предусматривающей образование объединенных органов обороны, внешней, экономической и финансовой политики. „Каждый гражданин Франции немедленно же приобретает гражданство Великобритании, и каждый английский подданный становится гражданином Франции". Английский и французский парламенты объединяются. На время войны создается один военный кабинет, который руководит всеми силами и распоряжается всеми ресурсами обеих империй. „Союз сконцентрирует всю свою энергию против мощи противника, независимо от того, где бы ни происходила борьба".

При обсуждении французским советом министров положения на фронте и английского предложения голоса разделились. Тринадцать министров — среди них Рейно, Мандель, Марен, Дельбос, Дотри, Моннэ, Анри Кейль, Лоран-Эйнак и др. — голосовали за продолжение войны.

Их поддерживали председатель палаты депутатов Эррио и председатель сената Жанненэ. Одиннадцать министров — Петэн, Шотан, Жан Прувo, Ибарнегаре, Шарль Помарэ и др. — голосовали за капитуляцию. Капитулянтов поддерживал президент республики Лебрен и вне кабинета Пьер Лаваль, который уже успел связаться с испанским послом по вопросу о посредничестве между Петэном и Гитлером.

На третьем заседании совета министров вечером того же дня соотношение сил изменилось. Три министра — Лоран-Эйнак, Кейль и один социалист — переметнулись на сторону капитулянтов. Петэн и Вейган опять пугали коммунистической опасностью и мотивировали необходимость поспешного обращения к Гитлеру с просьбой о перемирии тем, что такая участь ждет также и Англию, которая „должна быть побеждена". Английское предложение о слиянии обоих государств было отклонено большинством четырех голосов. За капитуляцию высказалось 14, а за продолжение борьбы на море и из колоний—10.

Рейно подал в отставку, а Петэн возглавил новое правительство, куда вошли Вейган в качестве министра обороны, Бодуэн — министра иностранных дел, генерал Кольсон — военного министра, адмирал Дарлан — министра военного и торгового флота, фашист Ибарнегаре — министра социального обеспечения. Когда объявили ожидавшим журналистам об отставке Рейно и образовании кабинета Петэна, кто-то заметил: „Видно, такова уж судьба старых маршалов — вручать свою родину Гитлеру. Гинденбург — в Германии, Петэн — во Франции". В тот же вечер Петэн обратился через испанское правительство к Гитлеру с предложением о перемирии.

Генерал де Голль, который находился со специальным поручением в Англии, 18 июня из Лондона по радио призывал французский народ продолжать борьбу.

Между тем борьба на фронте не прекращалась. Французские войска оказывали сильное сопротивление, но всюду принуждены были уступать численному и техническому превосходству немцев. 20 июня немцы захватили Брест, перешли Луару между Нантом и Туром, достигли верховьев Роны, заняли Лион и быстро продвигались вперед во всех направлениях. Французские войска, обойденные со всех сторон, все еще продолжали ожесточенную борьбу на линии Мажино.

Германское правительство известило Петэна, что, по получении им извещения о назначении полномочной ко-

миссии по перемирию, оно назначит место и время для встречи обеих комиссий.

20 июня Петэн обратился с речью по радио к французскому народу, в которой он объяснил причины, заставившие Францию капитулировать. Петэн между прочим сказал: „Я обратился к противнику с просьбой — прекратить военные действия. Вчера правительство назначило полномочных представителей, которые должны будут получить условия противника. Я принял это решение с твердым сердцем воина, потому что военная обстановка заставила нас пойти на это. Мы надеялись оказать сопротивление на линии Сомма — Эн. Генерал Вейган перегруппировал наши силы, и одно его имя предвещало победу. Эта линия, однако, подалась под натиском врага, и наши войска вынуждены были отступить. С 13 июня просьба о перемирии стала неизбежной. Удар поразил нас, и, вспоминая 1914 — 1918 гг., вы ищете причины поражения. Я объясню их вам. 1 мая 1917 г. мы все еще имели 3280 тысяч человек под ружьем, несмотря на трехлетнюю кровопролитную борьбу. Накануне нынешней войны у нас было на 500 тысяч меньше. В мае 1918 г. у нас было 85 английских дивизий; в мае 1940 г. их было только 10. В 1918 г. с нами были 58 итальянских и 42 американских дивизии. В области материальной части мы в нынешней войне уступали врагу еще больше, чем в части личного состава. Французская авиация боролась в пропорции 1: 6. Не будучи столь сильными, как 22 года назад, мы к тому же имели меньше друзей, слишком мало людей, слишком мало оружия, слишком мало союзников. В этом причина нашего поражения“.

Франция имела меньше обученных войск в 1940 г., чем в 1914 г., меньше вооружения и во много раз меньше самолетов, танков и тяжелых орудий, чем немцы. Но во всем этом виноваты бы и само французское правительство, генеральный штаб и в первую очередь маршал Петэн, принимавший с 1926 г. участие в разных правительствах и в совете обороны. Франция не была вооружена потому, что генеральный штаб не требовал достаточно кредитов для вооружения, а французские капиталисты отказывали в средствах и на те скромные требования, которые он предъявлял. Англия имела в мае 1940 г. всего 10 дивизий во Франции, но обязанность французского правительства и генерального штаба состояла в том, чтобы задолго до войны добиться у Ан-

для отправки во Францию не 10, а 50 дивизий к началу войны и 100 дивизий через полгода после объявления войны. Вместо использования восьмимесячной передышки для исправления прорех в обороне, французское правительство занималось снаряжением экспедиционного корпуса на помощь белофиннам против СССР. Грехи довоенной политики Франции привели к тому, что ей не на кого было опереться во время войны. Она растеряла и предала своих друзей и не могла поэтому приобрести новых.

Обращение Петэна было страшным ударом для тех войск, которые мужественно боролись и продолжали бороться с превосходящими силами противника. Оно означало разоружение еще оставшейся армии и сдачу без всяких условий на милость победителя.

21 июня состоялась при театральной обстановке встреча германской и французской делегаций в Компьенском лесу. Гитлер специально приехал на станцию Ротонд и принял французскую делегацию в том самом историческом салон-вагоне, в котором маршал Фош 11 ноября 1918 г. продиктовал условия капитуляции германской делегации. После вручения французам условий перемирия Гитлер уехал из Компьенского леса. „Позор, — как выразился месяц спустя Гитлер, — которому было положено начало 22 года тому назад в Компьенском лесу, навсегда стерт“.

В 6 часов 30 минут 22 июня были подписаны условия капитуляции с Германией, которые в основном сводились к следующему: 1) наступление германских и итальянских армий не приостанавливается до подписания условий перемирия с Италией; 2) Франция прекращает военные действия на суше, на море и в воздухе, а французская армия складывает оружие; 3) около двух третей французской территории, включая все атлантическое побережье от бельгийской до испанской границы, оккупируется германскими войсками; 4) Франция передает Германии все вооружение, находящееся на территории, не подлежащей оккупации немцами; 5) численность остающихся в оккупированной Франции войск и вооружения определяется Германией и Италией; производство военных материалов на неоккупированной территории немедленно прекращается; 6) наземные и береговые укрепления с их планами передаются Германии в хорошем состоянии; 7) французский флот должен быть демобилизован под контролем Германии или Италии и собран в порты,

которые они укажут; часть кораблей остается в распоряжении Франции „для обеспечения французских интересов в колониальной империи“; Германия торжественно заявляла, что она не использует французского флота в собственных интересах до заключения общего мира и не предъявит притязаний на французские корабли при заключении мира; 8) французское правительство обязуется запретить своим гражданам вести борьбу против Германии и служить в странах, воюющих с Германией; нарушившие это запрещение будут рассматриваться Германией как мятежники; 9) французские аэродромы на оккупированной территории должны находиться под германским и итальянским контролем; полеты французских самолетов запрещаются; 10) Франция обязуется передать в полной сохранности и целости германским властям склады вооружения французской армии и всю ее материальную часть на оккупированной территории, все порты, доки и верфи, все средства сообщения и промышленные предприятия и, кроме того, предоставить оккупантам необходимые средства для обеспечения бесперебойной работы всех переданных предприятий и обеспечить все средства транспорта техническим персоналом и подвижным составом; 11) запрещаются всякие радиопередачи на неоккупированной территории; 12) разрешается свободный транзит товаров и материалов через неоккупированную Францию из Германии в Италию и обратно; 13) беженцы возвращаются на оккупированную территорию; 14) Франция оплачивает расходы по содержанию оккупационной армии; 15) все германские военнопленные, а также лица, арестованные и осужденные за государственные преступления в пользу „третьей империи“, немедленно передаются Германии, как и все германские эмигранты и все те граждане, проживающие во Франции и в ее колониях, протекторатах и подмандатных владениях, которых потребует германское правительство; все французские военнопленные остаются в Германии до заключения мира; 16) Франция отвечает за сохранность материальной части, переданной немцам по перемирию, и обязывается дать любую компенсацию за материальный ущерб, причиненный этой материальной части.

24 июня в 7 часов 15 минут было подписано в Риме итало-французское перемирие. Основные условия этого акта сходны с франко-германским актом о капитуляции. Специфические же условия, касавшиеся Италии, состояли в следующем: 1) итальянские войска остаются на том месте,

на котором их застанет приказ о приостановлении военных действий (итальянские войска за две недели боевых действий успели продвинуться лишь в некоторых местах вглубь французской территории на 3—8 километров); 2) срываются укрепления на прибрежной полосе Французского Сомали и вдоль алжирской и тунисской границы с Ливией; Италия использует порт Джибути и железнодорожную линию Джибути—Аддис-Абеба; 3) демилитаризуются на все время войны с Англией морские базы в Тулоне, Бизерте, Аяччо и Оране.

Согласно франко-германскому акту о капитуляции военные действия между Германией, Францией и Италией были прекращены 25 июня в 1 час 35 минут ночи. Одна из мировых держав временно была вычеркнута из списка самостоятельных государств. Великий народ, которому человечество многим обязано, по вине своих корыстолюбивых и реакционных правящих кругов был отдан в рабство гитлеровской Германии со связанными руками.

В знаменитой записке от 10 января 1919 г., в момент величайшего опьянения победой над Германией, французский маршал Фош писал, что Франция никогда не сможет одна защищаться против Германии. Западные союзники — Франция, Англия и Италия — устояли, а затем и победили в войне 1914—1918 гг. потому, что вместе с ними воевала Россия. Это помогло Франции удержать большую часть своей территории, которая послужила плацдармом для развертывания миллионных английских армий. Участие России в войне позволило Франции и Англии мобилизовать людские и материальные ресурсы в колониях и доминионах и доставить их во Францию, которая в течение всей войны сохраняла первенствующее значение как место сосредоточения главных сил союзников для борьбы с Германией.

Спасение Россией Франции, Англии и Италии в 1914—1916 гг. от разгрома оказалось благодетельным для союзников и после выхода России из войны, так как благодаря этому миллионная армия США смогла высадиться без всяких потерь во Франции. Борьба Советской России с немецкими и австро-венгерскими захватчиками в 1918 г. заставила центральные державы держать на Востоке больше 800 тысяч войск, которые нужны были им на западном, итальянском и балканском фронтах.

Исключительно благоприятные условия спасли Францию от поглощения ее Германией, писал Фош в указан-

ной записке. Но положение резко изменилось к худшему после войны, как констатировал Фош. Советская Россия — не союзник Франции, а население Германии в 1919 г. превышало население Франции больше чем на 20 миллионов. Это относилось в равной степени и к Англии.

Но реакционер и ненавистник Советской России Фош видел будущую угрозу Франции не в доброжелательной политике по отношению к Советской России, а в ее ослаблении и расчленении. Этой губительной политике следовали почти все реакционные французские и английские правительства после первой мировой войны. Только тесный союз Франции с Англией, здоровая и доброжелательная политика по отношению к СССР, серьезная и постоянная военная подготовка, подготовка миллионной армии в Англии и активная политика коллективной защиты безопасности против агрессоров были достаточной гарантией против гитлеровской Германии.

Однако реакционные французские и английские правящие круги не сделали нужных выводов из политической обстановки и тогда, когда война приближалась семимильными шагами. Они совсем запустили военное дело. Они позволили Германии добиться превосходства над ними в воздухе и в танках. Англия вернулась после 1919 г. к небольшой наемной армии, растеряла свои великолепные боевые кадры и не создала новых. Имея опыт первой мировой войны 1914—1918 гг., Англия тем не менее не располагала к началу второй мировой войны большей сухопутной армией, чем в 1914 г.

Полной военной неподготовленности соответствовала такая же неподготовленность Англии и Франции в дипломатическом отношении. Политика „умиротворения" после прихода к власти Гитлера вскоре уступила место политике удовлетворения Гитлера за счет своих друзей и союзников, политике самоизоляции и поощрения блока агрессивных держав к новым захватам, что подготовило сначала победу фашистской Германии над Польшей, а затем и над Францией, Бельгией, Голландией, Данией и Норвегией.

Военная и политическая подготовка Гитлера к завоеванию Англии и окружение Советского Союза

Капитуляция Франции не сломила воли английского народа к сопротивлению; она еще больше закалила его решимость не только отстаивать родные острова, но вы-

держать до наступления момента, когда возможно будет перенести войну на территорию Германии и ее вассала — Италии.

В это тяжелое для Англии время правительство Черчилля, опираясь на могучий морской флот и на истребительную авиацию, зорко оберегавших британские острова от вторжения врага, проявило необычайную энергию. В короткий срок была реорганизована и пополнена вывезенная из Дюнкерка армия и сильно укреплено побережье. Все было сделано для того, чтобы предотвратить, а если это не удастся, то уничтожить в зародыше высадку германского десанта на островах.

Положение, однако, осложнялось тем, что французский флот должен был по условиям перемирия фактически перейти в руки держав оси, чем затруднилась бы оборона островов, борьба на морских просторах и ухудшилась бы военно-стратегическая обстановка в Средиземном море.

В ожидании перехода французского флота в их руки, Гитлер и Муссолини раструбили через печать на весь мир, что они скоро блокируют Англию, перережут имперские коммуникации и разгромят ее на островах и на имперских территориях. Итальянская официальная печать писала, что „Италия попытается сковать английский средиземноморский флот, произвести нападение на английское судоходство в Красном море, в Атлантическом и Индийском океанах. Италия предпримет нападение на Египет из Киренаики, на Англо-Египетский Судан из Восточной Африки, а также на Кению и Английское Сомали".

В этой обстановке английское правительство решило действовать без замедления и не допустить передачи французского флота Германии и Италии. Всем командирам французских эскадр, стоявших в английских портах—Плимуте, Портсмуте и др.,—в Оране, Дакаре и Александрии, было ультимативно предложено на выбор: 1) драться вместе с английским флотом против общего врага; 2) отправить корабли с уменьшенной командой под конвоем английской эскадры в один из английских портов; 3) отправить те же корабли в один из французских портов Вест-Индии. Во всех этих случаях английское правительство гарантировало возвращение французских кораблей после войны Франции.

Все корабли, находящиеся в английских портах, почти без инцидентов были переданы командами Англии. Один линкор, три эсминца и несколько небольших кораблей были разоружены в Александрии. В результате проис-

шедших 3 и 8 июня сражений между английской эскадрой и французскими кораблями в Дакаре и Оране один французский линкор был потоплен, один выбросился на берег и один был сильно поврежден. Были также выведены из строя несколько крейсеров и эсминцев. Этими операциями была предотвращена передача французского флота в руки немцев. Значительная часть французского флота — три из восьми линкоров, несколько крейсеров, много эсминцев и подводных лодок, около 200 мелких кораблей — была включена в ряды борющихся против держав оси кораблей, остальная часть была приведена в негодное состояние и не могла больше представлять угрозы для Англии. Этими смелыми и быстрыми действиями английское правительство обеспечило за собой не только господство на море, но и не выпустило из своих рук морского превосходства в Средиземном море. Это оказало очень большое влияние на военные операции в Средиземном море в Африке и в Атлантическом океане и несомненно должно было оказать известное влияние и на окончательный исход войны.

Объясняя причины, приведшие к сражениям в Дакаре и Оране, Черчилль выразил в речи по радио 14 июля 1940 г. сожаление о том, что на долю английского флота, помимо борьбы с германскими и итальянскими морскими силами, выпала „печальная задача — вывести из действия на время войны линейные корабли французского флота, которые по условиям перемирия должны были перейти в руки Германии. Передача этих кораблей Германии подвергла бы серьезной опасности не только Англию, но и США. Поэтому мы не имели другого выбора, кроме как действовать так, как мы действовали, и при этом действовать немедленно“. Тогда же Черчилль выразил твердую уверенность в том, что в будущем „Франция возродится“.

Говоря о ближайших перспективах борьбы, Черчилль заявил: „Война будет длительной и упорной, и невозможно сказать, куда она распространится. Вторжение в Англию может произойти в самый ближайший момент, но может и никогда не произойти. Но тем не менее мы должны быть готовы встретить молниеносный удар или, — что будет более тяжелым испытанием, — выдержать продолжительную осаду. Будет ли испытание кратким или длительным, — Англия не будет стремиться заключить соглашение и не будет вести никаких переговоров. Мы можем быть уверенными, что у Гитлера имеются планы,

разработанные в течение ряда лет и предусматривающие уничтожение Англии. Я могу сказать, что план вторжения в Англию, который Гитлер разработал два месяца тому назад, сейчас должен быть коренным образом переработан, с учетом нашего нового положения".

„Если враг вторгнется в Англию,—продолжал Черчилль,—то он не встретит там пассивного населения, он не встретит подчинения, как это имело место в других странах. Мы будем защищать каждую деревню, каждый маленький и большой город. В результате обороны самого Лондона можно будет уничтожить целую армию врага. Мы скорее предпочтем, чтобы Лондон оказался в развалинах и представлял бы собою груды пепла, чем смиренно передать его противнику. Я обязан заявить об этих фактах, ибо необходимо информировать наш народ о наших намерениях".

19 июля Гитлер выступил с речью в рейхстаге, в которой он лицемерно заявил, что он войны не хотел, не желает гибели Великобритании и ее империи и даже готов гарантировать целостность ее, что Германия принесла в недавнем прошлом много жертв для сохранения мира, но все ее старания были напрасны, так как еврейско-франко-английская плутократия не хотела мира и навязала ему войну. Ему и в голову не приходило нападать на Норвегию, Бельгию и Голландию, цинично лгал Гитлер, но ему будто бы было точно известно, что Англия и Франция собирались занять эти страны, и он был вынужден предупредить готовившееся злодеяние. Возвещая о предстоящем воздушном наступлении на Англию в виде вынужденного якобы ответа на воздушную бомбардировку англичанами незащищенного города Фрейбурга, Гитлер предупреждал, что германский ответ принесет гибель Великобритании. Гитлер еще раз предложил Англии отказаться от дальнейшей борьбы.

В речи по радио Галифакс 22 июля отклонил от имени правительства „мирное" предложение Гитлера и заявил: „Мы понимаем, что борьба может нам стоить всего. Но мы не прекратим борьбы до тех пор, пока не победим".

Германское правительство официально заявило по поводу английского ответа на предложение Гитлера: „Из речи Галифакса Германия сделала вывод, что английское правительство, а следовательно и английский народ, сказали свое „нет". На это „нет" есть лишь один ответ, и он будет дан не в письменной форме и не словами".

Гитлер был уверен, что Англия сделается его добычей, как и другие западные страны. Гитлеровская пропаганда трубила по всем странам, что все подготовлено для вторжения и, следовательно, для покорения Англии. Подводя итоги первого года войны, германское командование сделало многозначительный вывод, который звучал как напоминание и предупреждение: „В течение 12 месяцев войны были уничтожены или вынуждены сложить оружие вооруженные силы Польши, Норвегии, Голландии, Бельгии, Франции. В настоящее время германские вооруженные силы занимают фронт против Англии, идущий от Нарвика до Пиренеев. Германские вооруженные силы за последнее время подготовляют окончательное поражение последнему противнику—Англии. Общий ход событий в течение первого года войны свидетельствует о благоприятных перспективах для Германии".

Одновременно с военной и политической подготовкой к завоеванию Англии Гитлер приступил к политическому окружению СССР, публично заявляя, что он свято будет выполнять советско-германской договор.

Несмотря на великодушие Советского Союза, нашедшее свое выражение в советско-финляндском мирном договоре и в помощи Финляндии продовольствием, белофинское правительство уже весной 1940 г. связало судьбу страны с Германией и сделалось послушным орудием Гитлера в выполнении антисоветских планов. Финляндия разрешила Германии пользоваться ее территорией для перевозки войск в Норвегию и обратно, что было лишь прикрытием для оккупации самой Финляндии Германией и превращения ее в плацдарм для нападения на Советский Союз. После капитуляции Франции Гитлер начал превращать также и Румынию в военный форпост против нашей страны.

Советско-германская граница от Балтийского моря до Карпат удлинилась в обе стороны и растянулась от Белого до Черного моря. Изменившаяся обстановка вынудила Советское правительство принять меры к обороне юго-западных границ страны. Оно предложило 26 июня 1940 г. румынскому правительству вернуть захваченную в 1918 г. Бессарабию, населенную главным образом украинцами, и восстановить „нарушенное единство Бессарабии... с Украинской советской республикой". В переданной румынскому правительству ноте подчеркивалось, что „Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правитель-

ство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром", и что „создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить наконец основы прочного мира между странами".

Перенесение границ Германии в Карпаты и передача Карпатской Украины Венгрии, где расположилась та же Германия, создало Западной Украине угрозу, которую Советское правительство обязано было устранить или хотя бы отдалить. В ноте Румынии говорилось: „Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава. Такой акт был бы тем более справедлив, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить,— правда лишь в незначительной степени,— средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии".

Румынское правительство удовлетворило требования Советского Союза, и советско-румынский конфликт был разрешен мирный путем.

В это время между Румынией, с одной стороны, и Венгрией и Болгарией,—с другой, назревал военный конфликт. Венгрия и Болгария потребовали возвращения захваченных Румынией у Венгрии Трансильвании и у Болгарии — Добруджи. Гитлер и Муссолини выступили арбитрами и „присудили"—удовлетворить значительную часть болгарских и венгерских требований. В „награду" за предотвращение вооруженного конфликта гитлеровская Германия подчинила целиком все три соперничающие между собой дунайские страны своему военному и политическому влиянию и превратила их фактически в вассальные страны.

Битва за Англию

Подготовка к битве за Англию была закончена к началу августа 1940 г. Германская авиация и военно-морской флот должны были уничтожить английские береговые укрепления, аэродромы и морские порты, уничтожить

английскую авиацию, а на подводные лодки и рейдеры возлагалась задача отрезать Англию от внешнего мира и лишить ее возможности подвозить из США вооружение, а из доминионов и колоний стратегическое сырье и продовольствие. Выполнение этих задач должно было открыть путь германской армии для вторжения на Британские острова. В начале битвы за Англию Геббельс писал, что германский воздушный флот „подготовил покорение последнего врага — Англии".

Начатая 8 августа в воздухе битва за Англию продолжалась до 31 октября и окончилась полной неудачей для Германии. Ни одна из намеченных целей не была достигнута. Английский воздушный флот не только отбил атаки, но и не прекращал налетов на Германию. В первые 10 дней германская авиация потеряла 700, а английская 200 самолетов. Бывали такие дни, когда немецкие потери над Ла-Маншем и Англией достигали 180 машин. Беспрерывные налеты днем и ночью на Англию причинили колоссальные разрушения, но не сломили решимости английского народа продолжать борьбу.

Английский военно-морской флот сохранил господство на море и обеспечил доставку в Англию вооружения, сырья и продовольствия в нужных размерах. Разрушения в портах не достигли таких размеров, которые явились бы препятствием к разгрузке сотен и тысяч прибывающих с грузом судов. Береговая оборона не только не была разрушена за три месяца налетов, но была значительно усилена.

Английская авиация не была уничтожена. Она в свою очередь нанесла такие удары германской авиации, что Гитлеру пришлось прекратить битву за Англию. С 8 августа по 31 октября немцы потеряли 2375 самолетов. К началу ноября английская авиация была сильнее, чем в начале августа. Убеждение фашистских головорезов, что они имеют абсолютное господство в воздухе и способны посредством авиации обеспечить вторжение сухопутной армии на Британские острова, было построено на песке. С ноября немцы начали практиковать преимущественно ночные налеты на Англию, которые окончились так же неудачно, как и дневные налеты.

Воздушная битва за Англию не привела ни к завоеванию, ни к разрушению обороны и промышленности, ни к разрыву связей между частями Британской империи. Она выявила замечательные боевые качества английской штурмовой и истребительной авиации и слабость гер-

манской авиации, несмотря на ее численное превосходство. Она показала воочию народам Англии и США, что морские просторы уже не являются абсолютной гарантией их безопасности. Это еще больше сблизило и укрепило связи между двумя великими англо-саксонскими странами.

Неудача трехмесячной войны в воздухе отсрочила, но не устранила опасности вторжения в Англию. Английский народ получил передышку для мобилизации сил, для укрепления обороны и для подготовки к переходу от обороны к наступлению на Германию и Италию. Англия устояла под ударами Германии с воздуха.

На море Гитлер и его вассал Муссолини были бессильны нанести смертельный удар „владычице морей", которая держала морской трезубец в своих руках. Германские и итальянские подводные лодки пускали еженедельно на дно морское десятки торговых судов и танкеров, направлявшихся в Соединенное королевство. Это причиняло большие материальные потери, но не нарушило связей между империей и метрополией и не расстроило экономической жизни в королевстве. Промышленный аппарат Англии расширялся, военная продукция увеличивалась, а убыль в судах покрывалась постройкой новых судов на собственных верфях, а также в США и Канаде.

Англия устояла. Это означало, что можно подготовить разгром и разрушение гитлеровской „третьей империи". Неудача Гитлера над Ла-Маншем и над Англией вдохновила все свободолюбивые народы к борьбе.

Почти одновременно с воздушным наступлением Германии на Англию Муссолини закончил, с одной стороны, приготовления к большому наступлению в Ливии на Египет и Суэцкий канал, и с другой, в Абиссинии и Эритрее — на Англо-Египетский Судан, Кению и Английское Сомали.

Италия сконцентрировала в Киренаике около 500 тысяч солдат, 800 танков, 2000 пушек, 15 тысяч пулеметов, 1000 самолетов. Она вторглась в конце августа на глубину в 100 километров в Египет и заняла Сиди-Баррани. Английские войска отошли к Мерса-Матрух и остановили дальнейшее продвижение итальянской армии. Во время наступления на Египет усилились воздушные налеты на Мальту, Александрию и Суэц, но они окончились так же неудачно для Италии, как битва за Англию для Германии. Стратегическая цель наступления на Египет не была достигнута: Египет и Суэцкий канал — этот стратегиче-

ский ключ к восточной части Средиземного моря — остались в руках англичан. В их же руках остались и морские базы Александрии и Мальта.

Из Эритреи, Абиссинии и Итальянского Сомали, где итальянцы сосредоточили больше 300 тысяч солдат, несколько танковых колонн и эскадрилий, было предпринято наступление на Англо-Египетский Судан, Кению и Английское Сомали. Здесь итальянцы добились крупных местных успехов: они заняли в Судане Кассалу и Галабат, но не смогли оттуда продолжать наступление на Хартум. Они овладели Английским Сомали и заняли пограничные районы Кении. Распылив свои силы, они и здесь не добились стратегической цели. Итальянская эскадра не смогла „закрыть", как бахвалился Муссолини, для англичан Красное море, через которое они перевезли войска из Австралии, Новой Зеландии и Индии в Египет и другие места, откуда готовили разгром итальянских армий в Восточной Африке и Киренаике.

В самый разгром битвы за Англию державы „оси" заключили союзный договор о разделе всего мира на сферы влияния. 27 сентября 1940 г. был подписан в Берлине пакт между Германией, Италией и Японией, в основу которого был положен принцип, согласно которому каждая из трех союзных держав и все вместе должны добиваться получения необходимого им пространства и установления и поддержания нового порядка „в великом восточно-азиатском пространстве и в Европе". По первой статье пакта Япония признала за Германией и Италией „руководство в деле создания нового порядка в Европе". Германия и Италия признали, в свою очередь, за Японией „руководство в деле создания нового порядка в великом восточно-азиатском пространстве".

Оценивая значение Берлинского пакта, „Правда" писала 30 сентября 1940 г.: „Следует прежде всего отметить, что он знаменует собою вступление в новую фазу войны, более широкую, чем до заключения пакта. Если до последнего времени война ограничилась сферой Европы и Северной Африки — на Западе, и сферой Китая — на Востоке, причем эти две сферы были оторваны друг от друга, то теперь этой оторванности кладется конец, ибо отныне Япония отказывается от политики невмешательства в европейские дела, а Германия и Италия, в свою очередь, отказываются от политики невмешательства в дальневосточные дела".

К Берлинскому пакту присоединились в ноябре того

же года Румыния и Словакия, а позднее Венгрия и Болгария.

Берлинский тройственный союз был оценен во всем мире по достоинству. Все миролюбивые и свободолюбивые страны увидели, что и над их головами нависла смертельная угроза. В речи по радио Рузвельт заявил, что США не допустят установления господства Германии над миром. Они не могут допустить исчезновения Англии и соседства с ними держав „оси“ в Атлантическом океане. Поэтому США обязаны выполнить чрезвычайно важную задачу и быть готовыми к жертвам, как если бы они сами находились в войне.

Определяя политику США в новой международной обстановке, Рузвельт заявил в новогоднем послании конгрессу: „Наша политика заключается в следующем: 1) мы должны посвятить себя делу всестороннего укрепления нашей национальной обороны; 2) мы обязаны оказывать полную поддержку тем народам, которые ведут сейчас борьбу и тем самым ограждают наше полушарие от войны; 3) соображения нашей собственной безопасности и принципы морали никогда не позволят нам согласиться на мир, одобренный умиротворителями и продиктованный агрессорами“. США должны превратиться в арсенал для стран, ведущих войну за свою свободу и самостоятельность, сказал Рузвельт и потребовал у конгресса предоставления ему права и средств для производства вооружения и материалов как для собственных нужд, так и „для передачи их странам, ведущим войну против агрессивных государств“, так как американский народ не может допустить их капитуляции лишь потому, что у них нет денег для уплаты за вооружение. Все такие поставки должны быть включены в американскую программу вооружений и оплачены из ассигнований конгресса на американскую оборону. „Мы должны, — говорил Рузвельт, — посылать этим странам во все возрастающих количествах суда, самолеты, танки, орудия“, за которые будет заплачено некоторое время спустя после окончания войны.

Так родился закон от 11 марта 1941 г. о сдаче в аренду или взаймы американского оружия „правительству любой страны, оборона которой, по мнению президента, имеет жизненно важное значение для обороны США“.

Неудача в битве за Англию осложнила внутреннеполитическое положение Германии. Она рассеяла всякие необоснованные надежды на скорое окончание войны, которая

сделалась затяжной и ничего хорошего не сулила. Готовность США оказать неограниченную помощь Англии и всем державам, которые ведут войну с державами „оси“, отнимала всякую надежду на победоносное окончание войны.

Фашистская Германия решила нанести смертельный удар Англии в другом уязвимом месте, для чего она могла использовать силы Италии и других вассалов. Проигранная битва за Англию породила новый стратегический план. Надо было начинать битву за Средиземное море.

Но раньше надо было подготовить плацдарм. Таковым являются Балканский полуостров и многочисленные острова в восточной части Средиземного моря. Поэтому было решено перенести военные действия на Балканский полуостров. Помимо своего стратегического значения, этот полуостров привлекал жадные взоры германских фашистов и своими продовольственными ресурсами и людскими резервами. Захват Балканского полуострова поможет, рассуждали гитлеровские насильники, обеспечить выгодные позиции в битве за Средиземное море, даст много продовольствия и предотвратит переход балканских государств в лагерь врагов.

Перенесение войны на Балканский полуостров. Борьба Советского Союза против расширения войны

К октябрю 1940 г. Муссолини закончил военные приготовления в Албании, где он сосредоточил 200 тысяч солдат, 250 танков, 700 полевых орудий и несколько воздушных эскадрилий. 18 октября Италия ультимативно потребовала от Греции разрешения на занятие своими войсками всех важных сухопутных и морских стратегических пунктов „на все время войны с Англией“. Греческое правительство ответило отказом. Через час итальянская армия вторглась на греческую территорию. Война была перенесена на Балканский полуостров.

В первое время Италия имела успех. Начало битвы за Средиземное море таким образом совпало с успехами итальянцев в Египте и в Восточной Африке. Итальянским и германским фашистам уже казалось, что, действуя с двух сторон, план овладения восточной частью бассейна Средиземного моря и Египтом близок к осуществлению.

Этот план был расстроен мужественным сопротивлением греческой армии, с одной стороны, и разгромом

англичанами итальянской армии в Африке, — с другой. Через несколько недель после нападения Италии греки перешли в контрнаступление, выбросили захватчиков из пределов своей страны и перенесли военные действия в Албанию, значительная часть которой была ими занята. Положение итальянской армии в Албании сделалось безнадежным после разгрома итальянцев в январе-марте 1941 г. в Кении, Абиссинии и Ливийской пустыне. Вся Абиссиния, Эритрея, Итальянское Сомали и Киренаика оказались в руках англичан. Около 250 тысяч итальянцев и 73 генерала сдались англичанам. Все вооружение, боеприпасы и инженерное имущество сделалось добычей победителей. Часть итальянских колониальных войск — около 60 тысяч — сдалась англичанам, остальные присоединились к абиссинским партизанам. В Албании Италия потеряла больше 100 тысяч убитыми, ранеными и пленными и большую часть вооружения.

Немцам пришлось поспешить на помощь итальянцам. Хотя двум державам „оси“ удалось к лету 1941 г. вновь оттеснить англичан из Ливии к египетской границе, но все восточно-африканские колонии Италии — Эритрея, Абиссиния и Сомали — были потеряны безвозвратно. Это изменило обстановку в Средиземном и Красном морях. Англия сделалась полным хозяином в Красном море и в Восточной Африке. От Капштадта до Александрии простираются непосредственно подчиненные ей территории или же территории ее союзников (Египет).

Война все больше затягивалась. Борьба за Атлантику, борьба за блокаду Англии становилась ожесточеннее, а общие результаты приводили к безрадостным для держав „оси“ выводам. Битва за Атлантику была проиграна с того момента, когда правительство США выразило несгибаемую решимость оказать Англии помощь военными кораблями (передача Англии 50 эсминцев) и предоставлением военной охраны караванам судов, направляющимся из США в Англию.

В этих условиях балканский театр войны приобретал особое значение. Завладеть Балканами, водвориться на греческих островах — значило приблизиться к Турции, получить возможность поднять против Англии Ирак и Иран, где уже давно вели подрывную работу итальянские и германские агенты. Это означало иметь возможность угрожать Суэцкому каналу и Египту с противоположной стороны. В случае удачи это означало вытеснение Англии из Средиземного моря и нанесение ей решающего

удара на подступах к Индии. Эта новая операция вызывалась еще и тем, что надо было спешно оказать помощь „союзнице" Италии, которая была накануне того, что остатки ее армий будут взяты в Албании и Ливии в плен, или их сбросят в море.

Подготовку к завоеванию Балканского полуострова Германия начала уже в конце 1940 г., когда она стала перебрасывать бронетанковые части и мотомеханизированные дивизии в Румынию и Венгрию и окружать Югославию с севера и востока.

Окружение Югославии было завершено, когда 1 марта 1941 г. болгарское правительство подписало протокол о своем присоединении к пакту трех фашистских держав и одновременно было опубликовано официальное сообщение о вступлении германских войск в Болгарию.

Болгарское правительство довело об этом до сведения Советского правительства, мотивируя разрешение на ввод германских войск в Болгарию „заботой" о сохранении мира на Балканах, и выразило надежду, что Советский Союз одобрит это решение. Советское правительство ответило, что оно не может разделить мнения болгарского правительства в данном вопросе, так как эта позиция, независимо от желания болгарского правительства, ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и втягиванию в нее Болгарии. Оно далее заявило, что, оставаясь верным политике мира, оно „не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики"[1].

После завершения окружения Югославии Германия потребовала от дружественно расположенного к державам „оси" правительства Цветковича отказа от нейтралитета и предоставления территории Югославии для создания плацдарма против Англии, что означало добровольный отказ от самостоятельности. Профашистски настроенный регент принц Павел решил вместе с правительством Цветковича капитулировать. Народные массы выступили на защиту независимости страны и потребовали решительного отпора фашистской Германии. Под давлением масс пять министров из состава правительства Цветковича вышли в отставку и присоединились к общему движению за независимость. Цветкович все же подписал 25 марта протокол о присоединении Югославии к пакту трех фашистских держав.

[1] „Правда" от 4 марта 1941 г.

Через два дня народная волна смела правительство Цветковича. Принц Павел бежал. Молодой король Петр стал на сторону народа. Новое правительство Симовича, опиравшееся на волю народных масс, стремилось к сохранению мира и защите независимости страны. В этом оно нашло поддержку Советского правительства, которое, проводя политику укрепления мира, заключило 5 апреля 1941 г. с Югославией договор о дружбе и ненападении. Оба государства обязались, согласно Московскому договору, воздержаться от нападения друг на друга и уважать территориальную целостность и независимость друг друга. Если одна из сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, то другая сторона обязывалась „соблюдать политику дружественных отношений к ней".

Комментируя значение этого договора, „Правда" писала 6 апреля 1941 г.: „Дата подписания договора о дружбе и ненападении между СССР и Югославией не только явится знаменательной вехой для развития дружественных отношений между обоими государствами, но и отметит совместные усилия правительств СССР и Югославии, направленные к укреплению мира и предотвращению распространения войны".

13 апреля в Москве был подписан пакт о нейтралитете с Японией. Оба государства обязались „поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны". В случае же нападения на одну из договаривающихся сторон одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона „будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта". Одновременно с пактом о нейтралитете была подписана декларация, согласно которой оба правительства, желая обеспечить мирные и дружественные отношения между обеими странами, торжественно заявили, что „СССР обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Манчжоу-Го, а Япония обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Монгольской Народной Республики". Оба эти документа поставили на прочную базу взаимоотношения между СССР и Японией и ликвидировали ряд мелких претензий, которые создавали почву для конфликтов и вооруженных столкновений на советско-манчжурской и монгольско-манчжурской границах.

В официальном заявлении японского премьер-министра

принца Коноэ по поводу заключения пакта о нейтралитете между СССР и Японией, опубликованном в печати 13 апреля 1941 г., между прочим, говорилось: „Я убежден в том, что нынешний пакт имеет историческое значение для японо-советских отношений, а также в том, что он будет в значительной степени содействовать установлению мира во всем мире. У меня нет никаких сомнений в том, что этот пакт явится базой для быстрого и конкретного разрешения различных неурегулированных вопросов, существующих между обеими странами“ [1].

6 апреля, на следующий день после подписания советско-югославского договора, десятки германских и итальянских дивизий вторглись в пределы Югославии. Германские дивизии ворвались из Болгарии в Грецию. Весь Балканский полуостров оказался объятым пламенем войны. Венгерское правительство, лишь в конце 1940 г. заключившее с Югославией „договор о вечной дружбе“, почуяло легкую добычу и также ввело свои войска в Югославию. Оно имело при этом наглость выразить в официальном заявлении надежду, что его воровские и разбойничьи действия „будут признаны Советским правительством справедливыми“.

На это заместитель Народного комиссара иностранных дел 12 апреля ответил венгерскому посланнику в Москве: „Если это заявление делается для того, чтобы Советское правительство высказало свое мнение, то я должен заявить, что Советское правительство не может одобрить подобный шаг Венгрии. На Советское правительство производит особенно плохое впечатление то обстоятельство, что Венгрия начала войну против Югославии всего через 4 месяца после того, как она заключила с ней пакт о вечной дружбе. Нетрудно понять, в каком положении оказалась бы Венгрия, если бы она сама попала в беду и ее стали бы рвать на части, так как известно, что в Венгрии также имеются национальные меньшинства“ [2].

Неравная борьба между Югославией и Грецией, с одной стороны, и Германией, Италией, Венгрией, Румынией и Болгарией, — с другой, закончилась к началу мая захватом Греции и Югославии. Территория Югославии была разделена по заранее составленному плану между Германией, Италией и их вассалами. Германия начала подготовку к битве за Средиземное море.

---

[1] „Правда“ от 15 апреля 1941 г.
[2] „Правда“ от 13 апреля 1941 г.

12 апреля была провозглашена „независимость“ Хорватии, в состав которой вошли Хорватия, Южная Далмация, Босния и Герцеговина.

Во главе хорватского „правительства“ был поставлен руководитель хорватской фашистской террористической организации „Усташи“ Павеле Антич, живший в Риме после организации им убийства в 1934 г. в Марселе югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту. На престол новоиспеченного королевства был посажен отпрыск итальянской династии, савойский принц Сполето. Свое „суверенное“ и „независимое“ существование Хорватия начала присоединением к пакту трех фашистских держав.

Наиболее ценные, после Хорватии, территории Югославии аннексировали Германия и Италия, остальная территория была поделена между Венгрией, Болгарией и Румынией. Собственно Сербия, т. е. области, заселенные сербами, — оккупировалась немцами. Цветущая, свободолюбивая страна была поделена на части.

„После устройства немецко-фашистского „порядка на Балканах“ Германия, Италия, Венгрия, Румыния и Болгария приумножили свои территории и население за счет Югославии.

	Площадь в *кв. км*	Население в тысячах
Германия аннексировала:		
Северную Словению	6 400	585
Сербию	39 200	3 100
Германия оккупировала:		
Западный Банат	9 588	588
Всего	55 188	4 273
Италия аннексировала:		
Южную Словению	9 500	600
Северную Далмацию	6 000	450
Черногорию	9 668	250
Косово (в Албании)	8 000	400
Всего	33 168	1 700
Хорватия образовалась из Хорватии, Южной Далмации, Боснии, Герцеговины	115 133	6 977
Венгрии переданы:		
часть Воеводины (Бачка Вранья) и Мура	11 053	1 000
Болгарии передана:		
часть Македонии	33 000	1 750
Итого	247 542	~ 15 700

Но и после раздела Югославии сербский, хорватский и словенский народы, героически боровшиеся целые века против турецких, немецких и итальянских угнетателей и добившиеся свободы объединения в одно государство, не прекратили борьбы против фашистских поработителей. Югославия представляет собой кипящий котел, где партизаны-патриоты массами уничтожают оккупантов и удерживают в своих руках целые области.

Битва за Средиземное море

Балканский полуостров, помимо своей огромной экономической и стратегической ценности для Германии и Италии, рассматривался ими как трамплин для прыжка на Ближний Восток и в Египет. К этому фашистский зверь уже давно готовился. 2 мая 1941 г. Гитлер начал битву за Средиземное море высадкой воздушных десантов на острове Крит. Одновременно правительство Али Рашид Гайлани, которое уже давно находилось в тесной связи с немецким и итальянским фашизмом, открыло военные действия против английских гарнизонов в Ираке, с целью захвата всех английских аэродромов.

Военные действия на территории Ирака вскоре были перенесены на территорию Сирии. Германия и Италия использовали предоставленные им правительством Виши аэродромы в Сирии с целью превращения этой страны в военный плацдарм против Англии и для оказания помощи правительству Али Рашид Гайлани.

События вначале развивались удачно для держав „оси“. Крит был захвачен, английские аэродромы в Ираке были блокированы, французскими аэродромами в Сирии распоряжались немцы и итальянцы. Они были уверены, что Сирия и Ирак уже не ускользнут из их рук, а затем они надеялись утвердиться и в Иране, где немецкие и итальянские агенты вели уже несколько лет подрывную работу и подготовляли почву для его присоединения к державам „оси“.

Если бы этот план удался, германские войска могли бы одновременно оказаться на границах Турции, Индии, советского Закавказья и советской Средней Азии. Утвердившись в Сирии, Ираке и Иране, расположенных между Средиземным морем, Персидским заливом, Турцией и советскими среднеазиатскими республиками, Германия смогла бы окружить и изолировать Турцию и попытаться перетянуть ее на свою сторону, угрожать Индии и далекому советскому тылу.

Эти дерзкие планы были, однако, разрушены энергичными действиями англичан в Ираке и Сирии. 31 мая английские войска заняли Багдад. Правительство Али Рашид Гайлани бежало в Турцию. Весь Ирак был занят англичанами. Новое правительство Ирака вступило на путь дружественной по отношению к Англии политики. К середие июня английскими войсками и частями де Голля была также занята Сирия. Битва за Средиземное море была проиграна. Англия оказалась недосягаемой для Германии и с этой стороны.

Но и Германия оставалась недосягаемой для Англии. Тем не менее это означало неминуемое поражение Германии в будущем. Все одержанные легкие победы не дали Германии самого главного — мира, закрепления достигнутых результатов в мирном договоре. После всех успехов положение Германии было, по выражению Черчилля, „блестящим, но безнадежным".

Но у Гитлера был еще один неразыгранный „козырь". У него было несколько миллионов „безработных" солдат, которые, думал он, могут покорить любую континентальную державу. Если нельзя, за неимением военно-морского флота, добраться через канал до Британских островов, если нельзя добраться до английских доминионов и колониальных владений, то Советский Союз находится в непосредственном соседстве. Сюда он решил бросить свои бездействующие армии и добиться быстрого окончания войны в Европе. Если для завоевания Польши понадобилось 17 дней, если для завоевания Голландии, Бельгии и Франции и пленения нескольких миллионов лучших солдат в мире понадобилось 45 дней, то для завоевания Советского Союза,— полагали Гитлер и его генеральный штаб,— понадобится 2—3 месяца. Нападение на Советский Союз и его молниеносное завоевание должны были убедить Англию и США в безнадежности и бесперспективности продолжения борьбы против Германии. Овладев богатствами Советского Союза, Германия получила бы возможность выдержать любую блокаду и любой длительности войну.

У Гитлера была, кроме того, тайная надежда, что ему и впредь удастся продолжать политику разъединения своих противников и разгрома их поодиночке. Он был уверен, что нападение на Советский Союз послужит сигналом для объединения под руководством Германии ее противников для „крестового похода" против нашей родины.

К завоеванию Советского Союза и порабощению его народов гитлеровская Германия готовилась уже давно. После окончания военных действий во Франции и поражения в битве за Англию основная масса германской армии была перевезена на Советскую границу. Туда же были переброшены немецкие танковые и пехотные дивизии после окончания операций на Балканском полуострове. Сосредоточивая все основные массы своих войск на Советской границе, Гитлер довел до сведения Англии, что он готов броситься на Советский Союз, если Англия согласится заключить на выгодных для себя условиях мир с Германией и образовать коалицию против большевизма.

В этом направлении гитлеровская дипломатия активно работала давно. Гитлер несколько раз за время войны публично (6 октября 1939 г. и 19 июля 1940 г.) и через своих агентов делал мирные предложения Англии, но каждый раз получал отказ. Он сам понимал, что кроме отказа он ничего получить не мог, так как делал свои „мирные" предложения как „победитель". Он пытался договориться с Англией и США за счет СССР, но также получил отказ. Не удалось Гитлеру „нейтрализовать" и США, несмотря на помощь, оказанную ему американскими изоляционистами и „умиротворителями".

„Загадочный" полет Рудольфа Гесса в мае 1941 г. преследовал ту же цель мира. Заместитель Гитлера по руководству национал-социалистской партией привез в Англию новые предложения. Гесс предложил английскому правительству покончить с войной против Германии, так как она намерена начать войну против СССР — „настоящего врага всей Европы". Германия не имеет никаких злых намерений против Англии и ее мировой империи, говорил Гесс, и Гитлер готов представить гарантии неприкосновенности английской метрополии и всей Британской империи. Действительными противниками Германии, говорил Гесс, являются Франция и СССР. Франция уже разгромлена. Разгромив СССР, гитлеровская Германия будет жить в мире с Англией. Таковы якобы истинные намерения Гитлера.

Правительство Черчилля не пошло в эту западню. Оно прекрасно знало цену заверениям и обязательствам Гитлера, который никогда их не выполнял. Оно прекрасно знало, что произойдет с Англией, если она прекратит борьбу и этим самым способствует победе Германии над Советским Союзом. Вместо триумфального возвращения

в Берлин Гесс остался в качестве заложника в Англии, и Гитлер не получил никакого ответа на свои предложения.

Одновременно Гитлер и его дипломатия действовали и другими путями. Подготовляя вероломное нападение на Советский Союз, Гитлер был уверен, что размещение главных сил германской армии на восточной границе должно подействовать на английское правительство и послужить доказательством искренности его предложений. А если это не подействует на расположенную за каналом Англию, то наличие более 170 дивизий со всем танковым парком на Советской границе должно устрашить Советский Союз и сделать его послушным, робким и покорным.

Гитлер пытался также привлечь Советское правительство на сторону Германии против Англии и США. Фашистская печать советовала Советскому правительству присоединиться к тройственному союзу держав „оси". В возмездие за это предлагалось расширить пределы СССР за счет Ирана и Индии. Советское правительство не дало себя втянуть ни в какие коалиции и продолжало политику мира и укрепления своей обороны.

После провала всех „мирных" попыток и неудачного исхода битвы за Средиземное море Гитлер не мог допустить „затишья" на фронте, так как это могло раскрыть глаза германскому народу на то, что война проиграна. Гитлер не дал германскому народу времени для раздумья. Он хотел его оглушить новыми „победами".

Нападая на Советский Союз, Гитлер и его генералитет были уверены, что Красная Армия не представляет собой серьезного противника для „непобедимой" немецко-фашистской армии и будет разбита и уничтожена в первых крупных сражениях. Гитлер рассчитывал, что после нанесения решающего удара Красной Армии развалится вся система советского строя и весь Советский Союз станет добычей „победителя". Завоевание Советского Союза сделает Германию „неуязвимой". Она получит неограниченное количество продовольствия и сырья и сможет вести войну до бесконечности,— до тех пор, пока не завоюет мирового господства.

В расчете на легкую победу Гитлер двинул 22 июня 1941 г. на рассвете свои полчища на советские земли. „Это неслыханное нападение на нашу страну,—сказал т. Молотов в выступлении по радио 22 июня,—является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен

договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора"[1].

Вероломное нападение Германии обеспечило ей временный успех в военном отношении. Однако в длительной войне, каковой только и могла быть советско-германская война, временные военные успехи решающего значения не имеют. Вероломным нападением на нашу родину Гитлер обеспечил политический выигрыш Советскому Союзу. Этим нападением германский фашизм разоблачил себя перед всем миром как кровавый захватчик. Весь мир увидел, что Советский Союз ведет войну за свою свободу и независимость и за свободу и независимость других, порабощенных Германией, народов, и это обеспечило ему симпатии всех честных людей, что в процессе длительной войны превращается в существенный фактор победы.

„Не может быть сомнения,— говорил товарищ Сталин,— что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией"[2].

Развитие военных и политических событий в ходе Отечественной войны оправдало в полной мере слова товарища Сталина.

22 июня 1941 г. стало поворотным пунктом второй мировой войны. В эту ночь Гитлер подписал смертный приговор „третьей империи".

Разрушение планов Германии и Италии на Ближнем и Среднем Востоке

Проиграв битву за Средиземное море и Ближний Восток, Гитлер и Муссолини не прекратили борьбы за вовлечение в войну Болгарии и за подчинение своему пол-

---

[1] „Правда" от 23 июня 1941 г.

[2] *Сталин*, О великой отечественной войне Советского Союза, стр. 9.

ному политическому влиянию Турции, Ирана и Афганистана, с целью окружения Советского Союза с юго-востока и превращения в военный плацдарм для нападения на СССР и Индию Ирана и Афганистана, где они уже давно подготовили кадры диверсантов и комплектовали банды для отправки в закавказские и среднеазиатские советские республики; из Ирана и Афганистана они намеревались также производить налеты на нефтяные источники Баку, производить разрушения нефтепроводов, захватить иранскую нефть и лишить СССР и Великобританию жидкого горючего. Захват немцами этих двух стран, в какой бы форме он ни произошел, позволил бы державам „оси“ перерезать наиболее безопасные коммуникации между СССР, британскими доминионами и США и, при благоприятных для фашистских держав военных условиях, создать серьезную угрозу далекому советскому тылу и Индии.

В соответствии с этими планами, гитлеровская Германия и Италия тотчас же после нападения на Советский Союз усилили подрывную и диверсионную работу в Болгарии, Турции, Иране и Афганистане. Успех они имели только в Болгарии, а в Турции, Иране и Афганистане им не удалось осуществить своих намерений. Подрывные планы Германии в Иране были сорваны энергичными действиями Советского правительства на основании советско-иранского договора 1921 г.

Как во время первой мировой войны, в 1914—1915 гг., продажное болгарское правительство, с королем-немцем во главе, предоставило территорию страны Германии и Австро-Венгрии для совместного с ними нападения на Сербию, так оно и в 1941 г. дало возможность Германии и Италии с территории Болгарии напасть на Югославию и Грецию.

После вероломного нападения Германии и Италии, а также Румынии и Финляндии на Советский Союз, болгарское правительство предоставило им территорию, порты, водные пути сообщения, железные дороги, речной и морской флот и аэродромы Болгарии для подготовки военных операций против СССР. В Болгарии собирались германские и итальянские дивизии, предназначенные для десантных действий в Крыму, Одессе и других местах советского Черноморья. С болгарских аэродромов германские воздушные эскадрильи делали налеты на Черноморское побережье. Болгарские черноморские порты—Варна и Бургас—и Рущук на Дунае были превращены в базы для гер-

манских подводных лодок и мелких кораблей, спущенных по Дунаю для операций против Советского Союза.

Болгарское правительство допустило разнузданную антисоветскую пропаганду в болгарской печати и вело открытую линию на смыкание интересов Болгарии с интересами гитлеровской Германии в советско-германской войне. Дипломатические миссии Болгарии за границей превратились в информационные органы Германии и Италии. Болгарские газеты печатали заготовленные в Берлине и в германской миссии в Софии сообщения о „непобедимости“ Германии и уверяли своих читателей, что лживые сообщения германской пропаганды о полном разгроме Красной Армии, советской авиации и военно-морского флота соответствуют действительности.

Болгарское правительство не останавливалось перед явными провокациями, желая вызвать Советское правительство на ответные действия. В Софии средь белого дня было совершено покушение на помощника советского военного атташе. Болгарское правительство заявляло Советскому правительству нелепые „протесты“ по поводу якобы спустившихся на болгарскую территорию трех загадочных советских парашютистов, фамилии и местопребывание которых оно даже не сумело назвать. Оно не брезгало никакими средствами, полагая, что Советское правительство поддастся на провокацию и объявит войну Болгарии, что задним числом оправдало бы образ действий правительства перед болгарским народом, который всячески проявлял свои симпатии советскому народу и ненависть к фашистским агрессорам.

Резко порицая занятую правительством профашистскую позицию, народные массы Болгарии направили тысячи писем царю, министрам, депутатам, в редакции газет и журналов с требованием изменения политики по отношению к Советскому Союзу. В этой своеобразной форме протеста принимали участие всевозможные социальные слои: рабочие, крестьяне, торговцы, кустари, учителя, адвокаты, студенты, солдаты. Все они клеймили позором действия болгарского правительства, выражали свою лютую ненависть к фашистам и горячую любовь к советскому народу.

Советская дипломатическая миссия в Софии получила несколько тысяч писем с выражением любви и преданности Советскому Союзу. Так, например, группа студентов писала, обращаясь к советскому народу: „Мы с вами до полной победы фашизма!“ Группа рабочих заявила:

Наши правители готовятся нас бросить в войну против вас. Если это произойдет, то будьте уверены, что ни одна пуля не будет пущена против братьев-славян и Красной Армии". Группа крестьян, в свою очередь, сообщила: „Мы, группа крестьян, полностью одобряем принятые вашим правительством меры к разгрому германского фашизма. Мы знаем, что борьба, которую ведет советский народ, является борьбой за справедливость и правду во всем мире, за счастье всего передового человечества. Поэтому мы поддержим вас в этой борьбе, хотя бы это и стоило нам жизни". Интеллигенты, кустари, торговцы клеймили преступную политику болгарского правительства, натравливающего болгарский народ на Советский Союз, и клялись вести борьбу против этой провокационной деятельности и „никогда не поднимать руки против своих братьев-славян и освободителей".

Болгарский народ объявил бойкот тем болгарским газетам, которые выступали за гитлеровскую Германию. В короткий срок эти газеты потеряли половину своих читателей. Одна болгарская девушка писала: „Народ верит в победу Советского Союза, и его не переубедишь. Советские товарищи, в этот великий исторический момент знайте, что мы с вами и в случае необходимости поможем вам любой ценой". В советской миссии было получено следующее письмо за подписью „Три девушки": „Что в сущности мы хотим сказать? Мы хотим, чтобы вы знали, что мы страстно ненавидим фашистских агрессоров и горячо любим братский советский народ... Будьте уверены и передайте вашему народу, что, вопреки огромным усилиям наших правителей ввергнуть нас в войну против вас, мы не поддадимся на провокацию и не поднимем руки против страны свободы". Группа болгарских солдат сообщала: „Мы, болгарские солдаты, зорко стоим на своем посту и ждем момента, когда можно будет двинуть наши полки и дивизии против фашизма. Примите поздравления от болгарских солдат. Жмем ваши руки".

Симпатии болгарского народа к советскому народу и ненависть его к фашистским разбойникам вынуждали Болгарию воздержаться от открытого вступления в братоубийственную войну, но занятая правящими кругами Болгарии позиция по отношению к воюющим странам не изменилась.

Советское правительство неоднократно обращало внимание болгарского правительства на его враждебный и

нелойяльный образ действий по отношению к Советскому Союзу. В официальном представлении от 19 сентября 1941 г. Советское правительство обратило внимание болгарского правительства на его недружелюбный образ действий, не соответствующий „позиции и действиям государства, находящегося в нормальных отношениях с СССР, что является, по глубокому убеждению Советского правительства, в равной мере не соответствующим интересам самой Болгарии и болгарского народа". Предостережение не оказало никакого влияния на правящие круги Болгарии.

Совсем иначе гитлеровская Германия действовала в Турции. Там гитлеровцы распространяли нелепые басни о намерении Советского Союза присоединить в результате войны турецкие проливы. Этими и подобными лживыми россказнями гитлеровская пропаганда в Турции и на Ближнем Востоке пыталась посеять недоверие и вражду между двумя дружественными соседними странами и побудить Турцию занять враждебную по отношению к СССР и Англии позицию. Эта попытка, однако, не имела успеха. Неопровержимыми документами было доказано, что приписываемые Советскому Союзу планы и намерения питает сама фашистская Германия и что она к их осуществлению уже давно готовилась.

Желая лишить германскую пропаганду всякой почвы для распространения недружелюбных по отношению к СССР и Англии слухов и клеветнических измышлений, послы обеих союзных стран сделали 10 августа 1941 г., по поручению своих правительств, официальное заявление турецкому правительству, в котором была подтверждена верность Советского Союза и Англии конвенции о проливах в Монтре. Советское правительство заверило турецкое правительство, что оно не имеет никаких агрессивных намерений по отношению к проливам, а английское правительство, в свою очередь, заверило его, что оно намерено добросовестно уважать территориальную целостность Турции. „Вполне понимая желание турецкого правительства не быть вовлеченным в войну,— говорилось в конце заявления,— Советское правительство, как и Британское правительство, тем не менее были бы готовы оказать Турции всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы"[1].

---

[1] „Правда" от 13 августа 1941 г.

В дальнейшем ходе войны взаимоотношения между Турцией, СССР и Англией оставались лойяльными и добрососедскими. В начале декабря 1941 г. правительство США распространило на Турцию закон о передаче взаймы или в аренду оружия.

Более благоприятные условия для враждебной Советскому Союзу и Великобритании деятельности, чем в Турции, фашистские поджигатели войны нашли в Иране, где правительство Реза-шаха оказывало им покровительство.

Германии удалось уже задолго до второй мировой войны занять довольно сильные экономические позиции в Иране и продвинуть своих агентов во многие министерства, промышленные предприятия и военные учреждения на руководящие должности в качестве „специалистов". Десятки германских промышленных и торговых фирм имели свои многолюдные представительства, агентства, магазины в Тегеране, Тебризе, Мешхеде, Исфахане и в других крупных городах.

Германские капиталисты проявили особую любовь к путям сообщения Ирана. Германские фирмы пустили глубокие корни на иранских железных дорогах и захватили в свои руки воздушные линии Ирана. „Юнкерс" контролировал воздушные пути сообщения, а „Люфтганза" монопольно контролировала авиалинию Берлин — Родос — Дамаск — Багдад — Тегеран — Кабул. Пароходное общество „Ганза" поддерживало регулярные морские рейсы между германскими и иранскими портами. Этим путем немцы фактически контролировали иранские аэродромы и порты и распоряжались ими.

Пользуясь покровительством правительства Реза-шаха, гитлеровская Германия устроила своих агентов на руководящие посты в министерства почт и телеграфов, финансов, промышленности, военное и др. В тегеранском и других муниципалитетах сидели под видом „технических специалистов" немецкие диверсанты, разведчики и фашистские пропагандисты.

Большую деятельность развили во всех уголках страны немецкие „археологи" и „геологи". Под видом „научных" экспедиций шпионские и диверсионные группы проникали в самые заброшенные углы страны, устанавливали связи с вождями племен и вербовали банды для антисоветской и антибританской подрывной работы в пограничных районах.

Выполняя заказы на железнодорожный транспорт и на

новостроящиеся промышленные предприятия, немецкие фирмы засылали под видом „монтеров" матерых шпионов, которые разъезжали по стране и делали свое черное дело. Немецкие инженеры-разведчики фактически руководили пороховым и капсюльным заводами, военным арсеналом, авиасборочным заводом „Шахбаз". В иранской армии служили немецкие инструкторы. Немцы пролезли во все поры политического и хозяйственного аппарата страны.

В последние годы Иран посещали многие высокопоставленные гитлеровские путешественники, спортивные делегации и всякие представители „культурных" организаций.

Все эти представители „частных" фирм и „научных" организаций делали одно общее в Иране дело — они создавали на местах очаги подрывной работы как против самого иранского народа, так и против соседних стран.

Наряду с выполнением этих специальных заданий, гитлеровская Германия постепенно подчиняла себе Иран также и экономически, прибегая при этом к самым откровенным методам грабежа. Так, например, в 1940 г. Германия вывезла из Ирана продовольствия, сырья, жиров, фруктов и других товаров на 230 млн. риалов больше, чем сама ввезла в страну товаров, но остатка не покрыла валютой.

Все немцы, проживавшие в Иране, были организованы на военный лад и входили в „германский легион", которым командовал офицер генерального штаба майор Фрийс. „Германский легион" имел в своем составе пехотную, кавалерийскую и самокатную части, производил регулярные военные занятия, устраивал под видом „охоты" учебные стрельбы и располагал крупными запасами огнестрельного оружия, складами взрывчатых веществ и боеприпасов, далеко превосходившими потребности „спортивной" организации, как называл себя „германский легион".

После нападения Германии на Советский Союз германские резиденты в Иране приступили к организации диверсионных банд из местного сброда под руководством немецких офицеров для переброски их через границу в Закавказье и в советские республики Средней Азии. На виду у иранского правительства „германский легион" стал готовиться на территории Ирана к борьбе против Советского Союза. В страну стали ввозить в разобранном виде пушки, пулеметы, самолеты и даже танки.

Советское правительство делало неоднократные пред-

ставления правительству Реза-шаха и требовало прекращения враждебной Советскому Союзу деятельности германских банд на территории Ирана. 26 июня 1941 г. Советское правительство известило шаха, что оно имеет в своем распоряжении серьезные сведения о готовящемся немцами перевороте в Иране. 19 июля Советское и британское правительства сделали шахскому правительству совместное представление о том, что немцы ведут на территории Ирана враждебные действия, угрожающие интересам Советского Союза, Англии и самого Ирана, и требовали высылки из страны немцев, „пребывание которых в Иране несовместимо с интересами самого Ирана, а также с интересами Советского Союза и Великобритании". 16 августа оба союзных правительства в третий раз потребовали принятия срочных мер к прекращению враждебной деятельности немцев в Иране против интересов СССР и Великобритании и безотлагательной высылки их из страны.

Правительство Реза-шаха, однако, не обращало внимания на эти предупреждения и ничего не сделало для прекращения деятельности фашистских диверсантов, находившейся в прямом противоречии с советско-иранскими договорами и с официальным нейтралитетом Ирана в советско-германской и англо-германской войне.

Бездействие и явное попустительство со стороны шахского правительства, крупных чиновников и офицеров по отношению к враждебной Советскому Союзу и Великобритании деятельности немецко-фашистских агентов на территории Ирана заставили СССР и Англию принять решительные меры к обеспечению своих интересов.

Советское правительство при этом действовало в полном соответствии с теми правами, которые ему предоставляет советско-иранский договор от 26 февраля 1921 г. По статье 6 этого договора оба правительства согласились, что в случае попыток со стороны третьей державы превратить Иран в базу для военного выступления против Советской России и если эти попытки будут угрожать безопасности границ СССР и ее союзников, то Советское правительство должно предупредить иранское правительство об этом и потребовать прекращения таких попыток. Если же иранское правительство и после предупреждения не окажется в силах положить конец этой опасности, то „Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры. По устра-

нении данной опасности, Советское правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии".

Нелойяльный образ действий правительства Реза-шаха вынудил Советское правительство позаботиться о прекращении подготовки агентами держав „оси" нападения на Советский Союз со стороны Ирана. 25 августа 1941 г. Советское правительство вручило ноту иранскому правительству, в которой была изложена фактическая и юридическая сторона вопроса. Нота ставила в известность шахское правительство, что Советское правительство решило ввести свои войска в Иран. В ноте говорилось: „Иранское правительство отказалось, к сожалению, принять меры, которые положили бы конец затеваемым германскими агентами на территории Ирана смуте и беспорядкам, тем самым поощряя этих агентов Германии в их преступной работе. Вследствие этого Советское правительство оказалось вынужденным принять необходимые меры и немедленно же осуществить принадлежащее Советскому Союзу, в силу статьи 6 договора 1921 г., право — ввести временно в целях самообороны на территорию Ирана свои войска". В ноте подчеркивалось, что ввод советских войск является временным, что „военные меры направлены исключительно только против опасности, созданной враждебной деятельностью немцев в Иране", и что советские войска будут выведены из Ирана, как только „опасность, угрожающая интересам Ирана и СССР, будет устранена".

В тот же день английское правительство также вручило иранскому правительству ноту, в которой изложило причины, заставившие его ввести свои войска в Южный Иран.

Иранское правительство полностью приняло требования Советского и английского правительств. Совместно были выработаны мероприятия по удалению из Ирана немецких агентов, дипломатических миссий и консульств Германии, Италии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии, которые служили организационными центрами враждебной деятельности против союзных государств.

Шахское правительство, однако, проявило такую недопустимую медлительность при осуществлении намеченных мероприятий, что это дало возможность многим немецким агентам скрыться и продолжать враждебную деятельность на территории Ирана. Выдворение враждебных союзным государствам дипломатических миссий откладывалось.

Предложения СССР и Англии, направленные к укреплению дружбы между союзными странами и Ираном, встретили скрытое противодействие со стороны весьма высокопоставленных лиц. 10 сентября 1941 г. была напечатана в тегеранской газете „Эттелаат“ статья, в которой выражалось недовольство и сожаление по поводу закрытий дипломатических миссий держав „оси“.

Двойственная политика Реза-шаха вызывала недовольство народных масс. За день до вступления советских войск в Тегеран, 16 сентября, Реза-шах отрекся от престола в пользу своего сына.

После падения деспотического режима Реза-шаха новое правительство Форуги изгнало всех германских агентов из страны и освободило всех политических заключенных. Страна зажила новой политической жизнью.

Ввод советских и английских войск в Иран не преследует никаких целей, направленных против иранского народа. Оба союзные государства не могли допустить, чтобы враждебные им государства подготовляли нападение против них в глубоком тылу и зажгли пожар войны также и в Средней Азии. Правительство Реза-шаха было тесно связано с гитлеровской Германией и не могло и не хотело обеспечить действительный нейтралитет Ирана. Заботу об обеспечении спокойствия в своем тылу принуждены были взять на себя оба союзные государства.

Размещение союзных войск в Иране разрешило и другую важную задачу: оно обеспечило использование путей сообщения Ирана для перевозки грузов из одной союзной страны в другую. Ввиду невозможности использовать во время войны Балтийское и Средиземное море для транспортных целей союзников Иран приобрел исключительное значение как наиболее безопасный путь общения между ними и между СССР и США. Советские и английские войска в Иране заняты исключительно поддержанием порядка и охраной безопасности всех видов путей сообщения и во внутренние дела страны не вмешиваются.

В результате изменения политического режима в Иране были установлены между тремя странами совершенно новые отношения, которые регулируются англо-советско-иранским союзным договором от 29 января 1942 г. Этот договор установил союз между СССР, Великобританией и Ираном на время войны с Германией и ее соучастниками.

Советский Союз и Англия обязались совместно и раз-

дельно уважать суверенитет, политическую независимость и территориальную целостность Ирана. Они далее обязались „защищать Иран всеми имеющимися в их распоряжении средствами против всякой агрессии со стороны Германии или любой другой державы“.

Иран обязался сотрудничать со своими двумя союзниками и всячески содействовать выполнению взятых ими на себя обязательств. Иран освобожден от обязательства давать войска в помощь союзникам. „Союзные государства не потребуют от Ирана участия его вооруженных сил в какой бы то ни было войне или военных действиях против какого-либо государства или государств“. Иран обязался обеспечить своим союзникам перевозку войск и любых грузов из одного государства в другое по всем путям сообщения страны и пользование всеми портами, нефтепроводами, аэродромами и всеми телеграфными, телефонными и радиоустановками страны. Иран далее обязался предоставить рабочую силу и материалы для поддержания и улучшения собственных путей сообщения.

Статья 4 договора предоставила Советскому Союзу и Англии право держать в Иране неограниченное количество войск всех родов оружия. Наличие союзных войск на иранской территории, как подчеркивается в той же статье, „не представляет собой военной оккупации и будет возможно меньше затруднять нормальную работу администрации и органов безопасности Ирана, экономическую жизнь страны, обычное передвижение населения и применение иранских законов и постановлений“. Советский Союз и Англия должны вывести свои войска через 6 месяцев после прекращения военных действий между ними и Германией и ее соучастниками путем перемирия или перемирий или же непосредственно после заключения мира между ними.

Гитлеровская Германия пыталась также сделать пограничные районы Афганистана своими форпостами для снаряжения диверсионных банд в советские республики Средней Азии и в Индию. Там она действовала теми же методами, что и в Иране.

После первой мировой войны германские промышленные и торговые фирмы пустили довольно прочные корни и в Афганистане. Немецкие специалисты работали в качестве технических руководителей во многих отраслях хозяйства страны, в военном министерстве, в министерстве общественных работ, ведающем строительством дорог,

и в других ведомствах. Все эти „специалисты“ и сотрудники торгово-промышленных фирм были опытными агентами германской разведки и специалистами диверсионной работы. С момента нападения Германии на Советский Союз все эти купцы, коммивояжеры, инженеры, путешественники, геологи и археологи усердно принялись за организацию диверсионных банд и переброску их через советскую границу в Туркмению, Таджикистан и Узбекистан.

Враждебная деятельность германских агентов против СССР на территории Афганистана находилась в прямом противоречии с советско-афганским договором о нейтралитете и взаимном ненападении от 24 июня 1931 г., по которому обе договаривающиеся стороны обязались не допускать на своей территории организации деятельности группировок и отдельных лиц, направленной против одной из них. В соответствии с обязательствами этого договора Советское правительство сделало 11 октября 1941 г. дружеское представление афганскому правительству, в котором оно заверило его, что Советский Союз не имеет никаких агрессивных намерений по отношению к своему соседу, что он не желает посягнуть на его территориальную целостность и политический суверенитет и попрежнему стремится осуществлять политику дружбы с Афганистаном в интересах обеих стран.

В представлении далее указывалось, что наличие немцев в некоторых министерствах и учреждениях Афганистана и подрывная деятельность гитлеровских и итальянских агентов на афганской территории вызывают законное опасение Советского правительства в отношении дальнейшего развития дружественных и добрососедских отношений между Советским Союзом и Афганистаном, так как преступная деятельность германских и итальянских агентов и организуемых ими для переброски в советские республики Средней Азии банд не встречает должного отпора со стороны афганского правительства.

Основываясь на представленных афганскому правительству конкретных данных о враждебной, антисоветской деятельности немецких и итальянских агентов, Советское правительство рекомендовало афганскому правительству в кратчайший срок выслать всех членов немецкой и итальянской колоний из страны и учредить строгий надзор за деятельностью германской и итальянской дипломатических миссий, с целью воспрепятствования возможности проявления с их стороны каких-либо враждебных

действий как по отношению к Афганистану, так и к Советскому Союзу.

Представление Советского правительства было поддержано подобным же представлением со стороны Англии.

После рассмотрения этих представлений афганским правительством и парламентской комиссией афганский министр иностранных дел уведомил 16 октября 1941 г. советского посла в Кабуле, что правительство Афганистана, „исходя из дружественных отношений, существующих между Афганистаном и СССР, и желая еще раз показать Советскому правительству, что дружба Афганистана к его соседям и, в частности, к СССР является искренней, решило принять совет правительства СССР и удалить из Афганистана немцев и итальянцев". В конце октября началось выселение немцев и итальянцев из Афганистана.

Энергичные и продуманные дипломатические и военные мероприятия Советского и английского правительств в Иране и Афганистане имели огромное политическое, стратегическое и экономическое значение, которое уже оказывает и будет оказывать большое влияние на ход и исход войны по мере дальнейшего развития событий на фронтах.

Согласованная политика обоих союзников обеспечила мир Ирану и Афганистану и спокойствие закавказскому и среднеазиатскому тылу Советского Союза, а также Индии, и обеспечила охрану наиболее важных путей сообщения между союзными странами, бесперебойную работу иранских и бакинских нефтепромыслов, как основных источников питания военно-морского флота, боевой и транспортной авиации, танковых и мотомеханизированных парков союзных армий.

Развитие военных операций на советско-германском фронте и на Ближнем Востоке показало, насколько дальновидной была политика Советского и английского правительств на Среднем Востоке.

Создание коалиции свободолюбивых народов против фашистских варваров

После вступления Советского Союза в навязанную ему войну сама война приобрела другой характер. Фашистская Германия вызвала на бой такого противника, с каким до того ей еще не приходилось сталкиваться на поле брани. Нападение на СССР положило начало обра-

зованию мощного союза демократических держав против фашистских разбойников.

В выступлении по радио через несколько часов после открытия военных действий на советско-германской границе английский премьер Черчилль заявил, что Англия окажет Советскому Союзу любую помощь и будет совместно с ним биться до завоевания полной победы. Он заверил английский народ в том, что правительство полно решимости не допустить, чтобы Гитлер смог „повторить, но в еще больших масштабах, чем раньше, тот процесс уничтожения своих противников поодиночке, который так долго ему удавался". Это был ответ Гитлеру на переданное через Гесса мирное предложение.

Черчилль правильно оценил новое преступление гитлеровской Германии как подготовку к завоеванию 850 миллионов населения Китая и Индии и как прелюдию к попытке вторжения на Британские острова, для чего Гитлеру необходимо ранее покорить Советский Союз. „Он, несомненно, надеется,— говорил Черчилль,— что это может быть выполнено еще до наступления зимы и что он сможет завоевать Великобританию до того, как флот и военно-воздушные силы Соединенных Штатов смогут вмешаться в борьбу". Если Гитлеру удастся разбить Советский Союз и покорить Великобританию, то он будет добиваться подчинения Западного полушария. „Следовательно,— продолжал Черчилль,— опасность для России является нашей опасностью и опасностью США, так же, как дело каждого русского, борющегося за свою землю и дом, является делом свободных людей и свободных народов в любой части земного шара"[1].

В тот же день английское правительство предложило по собственной инициативе Советскому правительству любую техническую и экономическую помощь, которую Англия в состоянии будет оказать.

Через два дня президент США Рузвельт, также по собственной инициативе, объявил, что США окажут Советскому Союзу всестороннюю помощь в его борьбе против фашистской Германии.

Надежда Гитлера, что его вероломное нападение на Советский Союз послужит началом для объединения демократических стран вокруг фашистской Германии для „крестового похода" против СССР, провалилась.

Английский министр иностранных дел Иден вскрыл в

---

[1] „Правда" от 23 июня 1941 г.

речи на заседании палаты общин 25 июня истинные намерения Гитлера и дал им надлежащую оценку, заявив: „Путем нападения на Россию Гитлер стремится к тому, чтобы освободить себя от всякой тревоги сейчас или в будущем за свою восточную границу, когда он вступит в единоборство с Англией. Германская политика по отношению к России вернулась к линии, изложенной в гитлеровской книге „Мейн кампф". Человечество не должно ни на один момент забывать основного мотива этого насыщенного документа, свидетельствующего о безграничном честолюбивом стремлении к мировому господству. Все договоры, все пакты, все соглашения служат Гитлеру лишь прикрытием для новых актов агрессии"[1].

Противоположные политические системы СССР и Англии не явились препятствием к совместным действиям против общего врага, угрожающего жизненным интересам обеих стран и всем свободолюбивым народам мира.

Беспричинное нападение на Советский Союз явилось не только поворотным пунктом войны — оно было поворотным пунктом в сознании людей, повернуло симпатии всего свободолюбивого человечества в сторону Советской страны. Уже первые дни титанической борьбы Красной Армии с „непобедимой" гитлеровской армией вселили в сердца всех врагов фашистской тирании уверенность, что отныне обеспечен окончательный разгром Германии.

„Пришло время,— заявил морской министр США Нокс сейчас же после вероломного нападения на СССР,— использовать наш флот для того, чтобы освободить Атлантический океан от германской угрозы. Впервые с тех пор, как Гитлер развязал войну против всего мира, мы получили возможность решить исход этой мировой борьбы. Сейчас наступило время привести в движение всю огромную машину, которую мы строим с момента начала войны".

Мировая война после 22 июня 1941 г. уже не походила на войну предыдущих 23 месяцев. „Войну с фашистской Германией,— подчеркнул товарищ Сталин в своей исторической речи по радио 3 июля 1941 г.,— нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против

[1] „Правда" от 26 июня 1941 г.

фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера"[1].

12 июля в Москве было заключено соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии, которое гласило:

„1. Оба правительства взаимно обязуются оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии.

2. Они далее обязуются, что в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия"[2].

Этим соглашением была заложена юридическая основа для плодотворного развития союзных отношений между двумя великими державами. Оно положило начало созданию целой системы союзных договоров между всеми государствами, борющимися против гитлеровской Германии. 18 июля в Лондоне было подписано соглашение между СССР и Чехословакией, а 30 июля соглашение между СССР и Польшей.

2 августа 1941 г. в Вашингтоне состоялся обмен нотами между исполняющим обязанности государственного секретаря США Сомнером Уэллесом и послом СССР в США К. А. Уманским, что послужило первым кирпичом в фундаменте боевой дружбы между советским народом и народом США в их общей борьбе против гитлеровской Германии. В ноте советскому послу правительство США ставило Советское правительство в известность о том, что оно „решило оказать все осуществимое экономиче-

[1] *Сталин*, О великой отечественной войне Советского Союза, стр. 13.

[2] „Правда" от 14 июля 1941 г.

ское содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии"[1]. Такое решение правительства США, говорилось далее в ноте, было продиктовано убеждением, что сопротивление Советского Союза разбойничьему нападению гитлеровской Германии отвечает интересам государственной обороны заатлантической республики. В соответствии с этим правительство США обещало принять меры к быстрому выполнению советских заказов на всевозможные виды вооружения, товары и материалы, которые необходимы для обороны Советского Союза, и позаботиться о доставке этих заказов на американском морском транспорте в советские порты.

Решение американского правительства было продиктовано реальными политическими и национальными интересами США. Это было продолжением той политики, которую заатлантическая республика проводила с самого начала возникновения войны в Европе и которую Рузвельт характеризовал следующим образом: „Наша политика основана на той коренной истине, что оборона каждой страны, сопротивляющейся Гитлеру или Японии, является, в конечном счете, обороной нашей страны".

В первой половине августа 1941 г. состоялась встреча Черчилля с Рузвельтом в Атлантическом океане, в результате которой оба правительства выработали основные принципы относительно ведения войны и будущего мира, известные под названием „Атлантической хартии". Оба правительства торжественно декларировали, что они сами „не стремятся к территориальным или другим приобретениям", а также не допустят никаких территориальных изменений, которые не будут находиться „в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов".

„Атлантическая хартия" признает неотъемлемое право всех народов устанавливать себе форму правления и обязывает оба правительства стремиться „к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем".

Оба правительства заявили, что их цель борьбы с фашистской тиранией состоит в создании после войны такого порядка вещей в международных отношениях, при котором все без исключения страны — великие или малые, победители или побежденные — получили бы свободный

---

[1] „Правда" от 6 августа 1941 г.

и равноправный доступ „к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран".

Последние три пункта „Атлантической хартии" посвящены основам будущего мира, который должен гарантировать всем народам и странам безопасность на своей территории и „обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды". Будущий мир, за который обе страны ведут борьбу, обеспечит всем народам и государствам свободное пользование морями и океанами. Правительства Великобритании и США, говорится в заключительном пункте декларации, считают, что настоящий мир не возможен до тех пор, пока все государства не откажутся от применения силы и покуда „государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями". Исходя из этого кардинального принципа, они также „считают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Англия и США будут также помогать и поощрять все другие осуществимые мероприятия, которые облегчат миролюбивым народам избавление от бремени вооружения"[1].

На совещании Черчилля с Рузвельтом было решено созвать в Москве конференцию трех великих демократических держав, с целью совместного обсуждения и установления „политики наиболее длительного периода" и наиболее разумного использования всех наличных ресурсов сырья, вооружения, транспортных средств и т. д., обеспечивающего полную победу, без которой все усилия и жертвы союзных стран были бы напрасны.

Черчилль и Рузвельт сообщили эти решения в личном послании к товарищу Сталину и известили его, что они уже приступили к отправке Советскому Союзу вооружения и боеприпасов, в которых Красная Армия нуждается. „Мы полностью сознаем, — говорится в заключительной части послания, — как жизненно важным для поражения гитлеризма является мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому мы чувствуем, что ни при каких обстоятельствах мы не должны упустить возможность действовать быстро и немедленно в вопросе

---

[1] „Правда" от 15 августа 1941 г.

о составлении плана распределения на будущее наших общих ресурсов"[1].

Послание Черчилля и Рузвельта установило фактические союзные отношения между США и Советским Союзом и знаменовало собой важный этап в развитии советско-американских отношений и боевой дружбы между обоими великими народами.

„Атлантической хартии" суждено было сделаться широкой принципиальной основой для установления крепких и неразрывных отношений между тремя великими свободолюбивыми державами на время войны с гитлеровской тиранией и на послевоенное время до обеспечения справедливого демократического мира.

Дальнейшим шагом на пути к созданию коалиции демократических народов и согласованию их практической деятельности в борьбе против гитлеровской тирании явились межсоюзная конференция в Лондоне и конференция в Москве в конце сентября 1941 г.

На открывшейся 24 сентября в Лондоне межсоюзной конференции советский посол И. М. Майский огласил декларацию Советского правительства, которая обращала внимание союзных стран на то, что советский народ и его вооруженные силы одни выносят на своих плечах „всю основную тяжесть борьбы против кровавого агрессора, угрожающего социальным и политическим завоеваниям свободолюбивых народов, угрожающего самым основам культуры и цивилизации"[2]. В декларации обращалось внимание всего мира на то, что задача союзных стран в борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками состоит в том, чтобы добиться наискорейшего и решительного их разгрома. Для разрешения этой трудной задачи народы антигитлеровской коалиции обязаны немедленно мобилизовать все ресурсы и выработать наиболее действенные способы одоления лютого врага всего человечества. „Эта задача объединяет в настоящий момент наши страны и наши правительства",— подчеркнул т. Майский.

Союзные народы должны разрешить еще одну важную, стоящую перед ними задачу, говорилось в декларации. Эта задача заключается в определении путей и средств для организации международных отношений и такого устройства мира после войны, который избавил бы будущие поколения союзных народов от несовмести-

---

[1] „Правда" от 17 августа 1941 г.
[2] „Правда" от 26 сентября 1941 г.

мого с человеческой культурой преступного, кровавого фашизма. В основу такого разумного устройства послевоенного мира должен быть положен принцип самоопределения наций, которому Советский Союз всегда был верен. Однако, подчеркивалось в декларации, установление правильных отношений международного сотрудничества и дружбы, отвечающих идеалам свободолюбивых народов, возможно лишь после разгрома гитлеризма. В декларации далее подчеркивалось, что основная практическая задача, стоящая перед всеми народами, признавшими необходимость уничтожения фашистского ига, заключается в том, чтобы „сконцентрировать все экономические и военные ресурсы свободолюбивых народов для полного и возможно более скорого освобождения народов, стонущих под гнетом гитлеровских орд“, с одной стороны, и в организации „правильного распределения всех экономических ресурсов и военного снаряжения под углом зрения быстрого и окончательного освобождения народов Европы от гнета кровавого гитлеровского режима“ — с другой.

Межсоюзная конференция единогласно постановила присоединиться к „Атлантической хартии“ Черчилля — Рузвельта и приняла резолюцию из шести пунктов, которая предусматривала ряд практических мер по обеспечению потребностей европейских стран во время войны и после поражения Германии в продовольствии, сырье и предметах первой необходимости.

Правительство США известило конференцию, что оно готово рассмотреть в нужный момент способы своего сотрудничества для достижения намеченных целей.

На состоявшейся 29 сентября — 1 октября в Москве конференции СССР, Великобритании и США, в работах которой принимал личное участие и товарищ Сталин, а со стороны США — Гарриман и Великобритании — лорд Бивербрук, было достигнуто полное единодушие по всем вопросам и были выработаны конкретные мероприятия по обеспечению победы над гитлеровской Германией.

На заключительном заседании конференции т. Молотов особо отметил, что не только воюющая с фашистской Германией Англия, но и невоюющая страна — США „в одинаковой мере признали как необходимость ликвидации гитлеризма, так и необходимость помочь в этих целях Советскому Союзу своими богатейшими материальными ресурсами. Это происходящее на наших глазах объединение усилий таких великих держав, как Соединенные

Штаты Америки, Великобритания и Советский Союз, во многом предрешает конечный успех нашей борьбы с гитлеровцами, сколько бы они ни раздували свои временные удачи на том или ином участке фронта войны"[1]. Тов. Молотов далее подчеркнул, что принятые на конференции решения обеспечат бесперебойную поставку Красной Армии танков, самолетов и иного вооружения и боеприпасов и провал расчетов гитлеровской Германии на разногласия и разъединение свободолюбивых народов в их усилиях покончить с угнетателями и поработителями многих народов. „Вопреки своим намерениям, Гитлер ускорил объединение усилий главнейших демократических стран против нацистской тирании, ставшей смертельной угрозой не только для тех, на кого нападение уже совершено, но и для тех, на кого это нападение подготовляется в близком будущем".

Конференция выявила, что ограбление всей Европы Германией не дает ей таких ресурсов, какими располагают три демократические державы для разгрома и ликвидации кровавого гитлеризма. Конференция сорвала планы Гитлера, рассчитанные на то, чтобы уничтожить своих противников поодиночке, одного за другим, как это ему удавалось до 22 июня 1941 г.

„Политическое значение конференции,— сказал т. Молотов,—заключается в том, что она показала, как решительно срываются теперь эти намерения гитлеровцев, против которых отныне создан мощный фронт свободолюбивых народов во главе с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами Америки... Мы не сомневаемся в том, что наш великий антигитлеровский фронт будет быстро крепнуть и что нет такой силы, которая сломила бы этот антигитлеровский фронт, что, наконец-то, против гитлеризма создалось объединение таких государств, которые найдут пути и средства, чтобы стереть с лица земли нацистский гнойник в Европе и его угрозу для всех народов, любящих свою независимость и свободу".

На заключительном заседании конференции Гарриман выступил от своего имени и от имени лорда Бивербрука с речью, в заключении которой он говорил: „Заканчивая свою работу, конференция заявляет, что она верна решимости трех правительств установить, после окончательного уничтожения нацистской тирании, мир, который даст

[1] „Правда" от 2 октября 1941 г.

всем странам возможность жить в безопасности на своей территории, не зная ни страха, ни нужды".

Чем вызывалась такая позиция США, которые в это время еще не находились в войне с Германией? Что побудило великую заатлантическую республику пойти на большие материальные жертвы, не находясь формально в войне?

Исчерпывающий ответ на подобные вопросы и на противодействие, оказывавшееся изоляционистскими и профашистскими элементами в США политике правительства Рузвельта, дал член посетившей Москву американской миссии Батт в речи по радио в начале ноября. Призывая к оказанию незамедлительной помощи Советскому Союзу всеми материалами, необходимыми для победы над врагом, Батт сказал: „Какова альтернатива?.. Если Россия потерпит поражение, а за ней будет разгромлена Англия, то в таком случае США окажутся одни в мире против самой гигантской единой военной машины, которую когда-либо знал мир, машины, которая поклялась уничтожить нас и которая будет располагать величайшей мощью для поддержки своих планов. Какого курса должны мы придерживаться с разумной, безопасной, эгоистической точки зрения?..

Ответ состоит в том, чтобы поставлять материалы — буквально все, что в наших силах, — в наиболее крупных размерах и в такое короткое время, в какое это только возможно... направлять все, что мы можем — каждый самолет, каждый танк, каждый фунт военных материалов — странам, сражающимся против нацизма на их собственной территории с их собственными людьми. Чего бы нам ни стоило не допустить войну к своим берегам, цена не будет слишком велика"[1].

Политика разумного государственного эгоизма, интересы безопасности страны и защиты свободы диктовали США в то время необходимость разгрома германской военной машины в Европе руками европейских народов еще до того, как она усилится настолько, чтобы быть в состоянии приблизиться к берегам Америки. Государственные деятели США не скрывали своего желания разбить гитлеровскую Германию чужими руками при помощи американского оружия. Однако и тогда они уже твердо решили итти до конца и вступить непосредственно в войну, если нельзя будет добиться поставленной цели — разгро-

[1] „Правда" от 5 ноября 1941 г.

ма Германии и ее сообщников — путем поставок оружия.

В той же речи Батт предупредил: „Я говорил об уверенности, о компетентности, о решительности, которые мы наблюдали в России. Но я никоим образом не желаю создать такое впечатление, будто мы можем сидеть сложа руки и наблюдать, как Россия и Англия сами по себе несут основное бремя. Я не могу представить себе что-либо более опасное и безумное, чем если бы американский народ полагал, что русское сопротивление даст нам ту передышку, в которой мы нуждаемся, что мы выиграли время и что сейчас мы находимся в безопасности".

Не цели расширения государственной территории или низменное побуждение лишить свободы и независимости другие народы объединили и спаяли воедино три великие демократические державы. Их объединили общая опасность и общие интересы обороны своих стран и народов, интересы обеспечения свободы, независимости, национальной культуры и демократических государственных и социальных установлений, которым угрожает гитлеровская Германия.

Рузвельт одобрил все решения Московской конференции трех держав и известил письмом от 30 октября товарища Сталина, что США выполнят до конца все принятые на этой конференции обязательства. Рузвельт приказал ускорить отправку в Советский Союз вооружения и сырья „в самых крупных количествах". Чтобы устранить всякие финансовые затруднения, Рузвельт распространил на Советский Союз закон о передаче взаймы или в аренду вооружения, предоставив Советскому правительству беспроцентный десятилетний заем в 1 миллиард долларов, уплата по которому должна начаться лишь через 5 лет после окончания войны. Сообщая об этом товарищу Сталину, Рузвельт просил продавать США имеющееся в Советском Союзе сырье, в котором американская промышленность нуждается, а для устранения всяких задержек в поставке вооружения Рузвельт просил товарища Сталина связываться с ним непосредственно всякий раз, когда это нужно.

Ответным письмом от 4 ноября товарищ Сталин выразил от имени Советского правительства искреннюю благодарность за „исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом, с кровавым гитлеризмом" и обещал со своей стороны удовлетворить просьбу президента о снабжении США некоторыми видами сырья, необходимыми

для производства вооружения и боеприпасов. Товарищ Сталин принял предложение Рузвельта установить, в целях устранения задержек в выполнении важных мероприятий, личный непосредственный контакт.

Решения конференции трех держав в Москве и переписка между Рузвельтом и товарищем Сталиным явились очень важным этапом в развитии и укреплении союза демократических держав против фашистской Германии и ее сообщников. В этих актах были намечены практические мероприятия по осуществлению ранее принятых важных принципиальных и политических решений, которые обеспечивают победу над общим врагом и которые нашли свое выражение в англо-советском союзном соглашении от 12 июля 1941 г., в обмене нот Уэллеса — Уманского от 2 августа, в „Атлантической хартии" Черчилля — Рузвельта и в декларации Лондонской межсоюзной конференции от 24 сентября. Московская конференция и переписка Рузвельта — Сталина обеспечили проведение в жизнь важных мероприятий по доставке через океаны вооружения и боеприпасов и по распределению между союзниками военного сырья и товаров. Они, наконец, устранили все финансовые и юридические препятствия, которые затрудняли быстрое оказание союзниками друг другу помощи и создали юридическую и материальную основу для подготовки и организации окончательного разгрома гитлеровской Германии и ее приспешников.

Союз между тремя великими демократическими державами родился не по уговору против чьей-либо свободы. Он возник и скреплен в борьбе против общего врага и является залогом и гарантией разгрома фашистской Германии и освобождения всех свободолюбивых народов от фашистского ига. Прочность союза трех великих демократических держав основывается на общности их интересов, которые нигде не сталкиваются.

„Я полностью убежден в справедливости истины, — сказал Иден в ноябре на приеме в Комитете англо-советских общественных отношений, — что по основным вопросам международной политики не существует никаких поводов для какого-либо столкновения интересов между СССР и Великобританией... Мы — люди Великобритании — хотим теснейшего сотрудничества с Советским Союзом как в настоящее время, так и после войны, когда мы снова будем озабочены делом мира... Я могу предвидеть, что в некоторых областях советские и английские интересы будут дополнять друг друга, но я не могу пред-

ставить себе, чтобы наши страны могли быть соперниками"[1].

Точку зрения Идена на англо-советские отношения разделяет полностью и Советское правительство, которое прислало на имя Комитета следующее письмо: „Мы полностью признаем колоссальное значение дружбы и теснейшего возможного сотрудничества между Великобританией и Советским Союзом во время и после войны. Советское правительство сочувственно относится ко всем усилиям, направленным к доведению нашей общей борьбы до победного конца"[2].

К концу сентября 1941 г. немецко-фашистские армии добились больших успехов на советско-германском фронте. К этому времени они захватили прибалтийские советские республики, Литву, Белоруссию, значительную часть Украины и Донбасса. Они докатились на севере до Ленинграда и яростно рвались к Москве. Гитлер и Геббельс прокричали на весь мир, что Красная Армия, советский военно-морской и воздушный флот „уничтожены" и что немецким армиям остается лишь завершить „молниеносную" войну взятием Москвы и заключением победного „немецкого мира".

Все эти хвастливые речи не имели ничего общего с действительностью. Хотя гитлеровские армии использовали свои временные преимущества и заняли громадную и богатую территорию, но они не добились самого главного и основного,—того, что решает исход в современных войнах: они не разбили Красной Армии на поле брани, не разрезали ее живую силу на части, как это им удавалось сделать с польской и французской армиями; они не уничтожили советского военно-морского флота и советской авиации. Уступив большую территорию врагу, Красная Армии сохранила свою боеспособность и в ходе войны каждодневно изматывала и перемалывала живую силу немецко-фашистской армии. Временные неудачи на фронте не сломили морального духа и стойкости советского народа и его Красной Армии, не сломили их решимости и воли к сопротивлению и победе, не помешали им накапливать силы для решающего удара по врагу в наиболее выгодный для них момент.

До войны с СССР Гитлеру удавалось без больших собственных потерь ликвидировать большие и малые го-

---

[1] „Правда" от 22 ноября 1941 г.

[2] Там же.

сударства и сильные армии и „молниеносно“ заканчивать кампании. Однако эти дешевые победы не обеспечили ему победоносного окончания войны и заключения победоносного мира. Теперь впервые гитлеровские армии встретились с настоящим противником и действительным сопротивлением. Они столкнулись с противником, который не покорялся, наносил чувствительные удары и в ходе борьбы сам наливался силами, крепнул, приобретал недостававший опыт и твердо полагался на свои силы, верил в свою конечную победу.

Сопротивление, которое встретила гитлеровская армия на советско-германском фронте, спутало все планы гитлеровских бандитов. Гитлер рассчитывал, что в полтора-два месяца его „непобедимые“ армии дойдут до Урала, великая страна падет к его ногам, и он закончит так же „молниеносно“ войну на Востоке, как он до сих пор кончал войны с Польшей, Францией, Югославией. Эти расчеты были перечеркнуты Красной Армией. Гитлер рассчитывал создать коалицию буржуазных государств против Советского Союза, но он добился создания мощной коалиции демократических государств во главе с Советским Союзом, Великобританией и США против себя и своих вассалов. Он полагал, что неудачи Красной Армии приведут к разногласиям между рабочими и крестьянами и между народами СССР, что должно было облегчить фашистской Германии „завоевание“ нашей страны. И этот расчет Гитлера был опрокинут жестокой действительностью. Тяжелые испытания войны сплотили еще больше рабочих и крестьян, укрепили политико-моральное единство и дружбу народов СССР. Они закалили их волю к отпору, к изгнанию из страны и уничтожению немецко-фашистских захватчиков.

Причины временных неудач Красной Армии были многообразны. Главные из них состояли: 1) во внезапном и неожиданном нападении, когда Красная Армия не была отмобилизована; 2) в отсутствии второго фронта в Европе против Гитлера, что позволило ему сосредоточить свои главные силы и силы своих союзников на советско-германском фронте; 3) в превосходстве гитлеровской армии в танках и самолетах. Советский Союз и его Красная Армия одни несут с первых дней войны на своих плечах всю тяжесть борьбы с Германией, Италией, Румынией, Венгрией и Финляндией, на которых работает промышленность всего европейского континента.

Гитлер, однако, не считался с этими факторами и при-

нял выигранные сражения за выигранную войну. Начиная наступление на Москву, Гитлер обратился 1 октября к своей армии с приказом, в котором, между прочим, хвастливо заявлял: „В эти три с половиной месяца окончательно созданы условия для нанесения последнего мощного удара, который должен еще до наступления зимы уничтожить этого страшного противника. Все приготовления — поскольку люди это в состоянии сделать — теперь закончены. Планомерно, шаг за шагом, все на сей раз подготовлено, чтобы довести войну до такого положения, когда мы можем нанести врагу последний смертельный удар. Сегодня начинается последняя великая решающая битва этого года. Она смертельно поразит этого врага, а также и виновника всей войны — Англию. Ибо, уничтожив этого врага, мы этим самым уничтожим последнего союзника Англии на континенте".

1 августа 1914 г. Вильгельм II также обещал своим солдатам „победоносно" закончить войну еще раньше, чем начнется осенний листопад. Война была действительно закончена победоносно, но не глубокой осенью 1914 г., а глубокой осенью 1918 г., и победительницей была не германская, а союзная армия, и Вильгельм II в темную осеннюю ночь должен был тайком пробираться в Голландию. Забыв уроки истории, Гитлер заявил 3 октября, что великая битва уже бушует в течение 48 часов, что Советский Союз „уже сломлен и никогда больше не поднимется".

Немцы этому поверили. „Берлинский ежемесячник" писал в октябрьском номере: „То, что намечалось в сентябре, стало в октябре политическим фактом. Советский Союз, или то, что останется после этой войны от колоссальной империи большевизма, лишится после поражения советских войск характерных для каждой державы свойств. Наряду с неизбежным уменьшением территории, именовавшейся до сих пор Европейской Россией, будет утрачен самый важный отличительный признак великой державы: независимая военная мощь". Принимая фантазию за реальность, фашистский журнал писал, что человечество должно быть благодарно Германии за избавление от той страшной разрушительной силы, которую таил в себе Советский Союз и которую он якобы намеревался направить против него в момент наибольшего ослабления Германии и Англии в их взаимной кровавой борьбе. „Эта невероятно грозная военная сила теперь разбита Германией... Это исторический факт, который нельзя опровергнуть или отрицать".

Историческим фактом было то, что немецко-фашистские армии, истекая кровью, добрались до отдаленных подступов к Москве, но героическими усилиями Красной Армии их дальнейшее продвижение было приостановлено.

Не признаваясь в своей неудаче захватить Москву одним мощным ударом, Гитлер заявил в начале ноября в мюнхенской речи, подводя итоги $4^1/_2$-месячной войны с СССР: „Мы не должны сомневаться в том, что судьба Европы в настоящее время уже определена на ближайшие 1000 лет. Мы все счастливы, что мы положили начало этому времени“. Это означало в переводе на понятный язык, что фашистская Германия уже завоевала господство в Европе на вечные времена.

Эти хвастливые заявления Гитлера и блудливые статьи фашистской печати представляли определенный маневр перед подготовлявшимся германской дипломатией „мирным наступлением“ на союзников, с целью расколоть их единство, посеять несогласие в их рядах и поколебать их веру в победу. Раньше чем попытаться расколоть антифашистскую коалицию демократических держав, Гитлер хотел оглушить весь мир известием об уже якобы одержанной немецко-фашистской армией „окончательной“ победе, которая решила распрю между двумя мирами в пользу фашистской Германии на ближайшие тысячелетия. Он хотел заставить мировое общественное мнение поверить этому и приучить его к мысли, что немцы уже завоевали мировое господство и что все еще оспаривать это уже бесполезно и безнадежно. Гитлер хотел также уверить германский народ, что война уже выиграна и что ему остается лишь удержать и отстоять завоеванное.

Этот маневр ожидала такая же участь, как и многие другие ему подобные, которые Гитлер уже неоднократно за долгие месяцы войны пускал в оборот. Черчилль предупредил Германию, что ни на какие переговоры с Гитлером Англия не пойдет, и сообщил на завтраке, данном лорд-мэром Лондона в начале ноября, о признаках того, что „от Берлина в скором времени надо ожидать того, что называется „мирным наступлением“. „Все эти признаки,— продолжал Черчилль,— направлены к одному и тому же, и все они показывают, что виновники — люди, которые развязали войну в мире, — надеются спастись со своими эфемерными победами и нечестным путем приобретенной добычей от сетей судьбы, которые смыкаются над ними. Мы обязаны перед самими собою, мы обязаны перед нашими русскими союзниками, перед прави-

тельством и народом США заявить совершенно ясно, что, независимо от того, будем ли мы в этом поддержаны или останемся одинокими, как бы длительна и трудна ни была наша задача, английское правительство во главе английского народа и в тесном содружестве с правительствами доминионов не вступит в переговоры с Гитлером или с какими бы то ни было представителями нацистского режима в Германии"[1].

6 ноября 1941 г. из Москвы прозвучали на весь мир исторические слова товарища Сталина о неминуемой гибели гитлеровских захватчиков и их армий. Эти слова вселили еще большую бодрость, стойкость, мужество и новую силу в сердца всех народов, борющихся против фашистских поработителей. Три основных фактора, сила которых нарастает по мере продолжения войны, сказал товарищ Сталин, „должны привести в недалеком будущем к неизбежному разгрому гитлеровского разбойничьего империализма"[2]. Этими факторами являются: „непрочность *европейского* тыла империалистической Германии", „непрочность *германского* тыла гитлеровских захватчиков" и могучая коалиция демократических держав против немецко-фашистских разбойников. „Это факт,— говорил товарищ Сталин,— что Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз объединились в единый лагерь, поставивший себе целью разгром гитлеровских империалистов и их захватнических армий. Современная война есть война моторов. Войну выиграет тот, у кого будет подавляющее преобладание в производстве моторов. Если соединить моторное производство США, Великобритании и СССР, то мы получим преобладание в моторах по сравнению с Германией, по крайней мере, втрое. В этом одна из основ неминуемой гибели гитлеровского разбойничьего империализма"[3].

Хотя октябрьское наступление не принесло немцам того, чего они добивались, и не оказалось „последним", как это обещал Гитлер, он все же уверял, что Советский Союз уже побежден и что победа над Англией и США уже предопределена. Для закрепления „завоеванного" таким образом мирового господства надо было взять Москву. На эту конечную цель были направлены все усилия немецко-фашистской армии. 16 ноября немец-

---

[1] „Правда" от 12 ноября 1941 г.

[2] *Сталин*, О великой отечественной войне Советского Союза стр. 26.

[3] Там же, стр. 28.

кое командование начало новое „решающее“ наступление на Красную столицу, стремясь, путем охвата и глубокого обхода флангов Западного фронта, зайти в тыл Москве, окружить и занять сердце Советского Союза. Для этой цели оно сосредоточило на этом фронте 33 пехотных, 13 танковых и 5 мотопехотных дивизий, не считая других родов войск.

Немецкая пропаганда уже трубила о неминуемом падении Москвы. В начале декабря германское информационное бюро сообщало: „Германское командование будет рассматривать Москву как свою основную цель даже в том случае, если Сталин попытается перенести центр тяжести военных операций в другое место. Германские круги заявляют, что германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уже можно рассматривать внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль“.

Союзница Германии по „оси“ — Япония, повидимому, также поверила, что военные события на советско-германском фронте развиваются так, как это изображают в Берлине. Полагая, что Германия и Италия уже добились такого положения в Европе, какое им определено по Берлинскому договору, Япония сочла момент подходящим для реализации своих планов в Восточной Азии. Маскируя последние приготовления для нападения на американские и английские владения на Дальнем Востоке, японское правительство направило в Вашингтон со специальной миссией уполномоченного Курусу для переговоров о „мирном“ урегулировании всех спорных вопросов. Японский премьер-министр Тодзио заявил 17 ноября 1941 г. в палате господ, что переговоры с правительством США имеют целью: 1) устранение попыток третьих держав помешать Японии в проведении в жизнь намеченной ею политической программы в Китае; 2) ликвидацию таких враждебных актов, как экономическая блокада Японии; 3) предотвращение распространения европейской войны на Дальний Восток. Тодзио заявил, что при создавшейся обстановке „трудно предсказать исход японо-американских переговоров, в которых правительство готово предпринять все необходимые меры для реализации твердой национальной политики“.

20 ноября Курусу представил государственному секретарю США Хэллу развернутые предложения, которые в основном сводились к следующему: 1) правительства Японии и США обязуются не посылать своих вооружен-

ных сил ни в какие районы Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана, за исключением Французского Индо-Китая; 2) обе страны будут сотрудничать между собою в целях приобретения в Голландской Индии тех товаров и материалов, в которых обе страны нуждаются; 3) оба правительства взаимно обязуются восстановить свои торговые отношения до уровня, существовавшего до „замораживания" средств; правительство США должно снабдить Японию необходимым ей количеством нефти; 4) правительство США обязуется не проводить никаких мероприятий и действий, которые наносили бы ущерб усилиям, направленным к восстановлению общего мира между Японией и Китаем; 5) японское правительство обязуется отвести войска, расположенные в настоящее время во Французском Индо-Китае, либо по восстановлении мира между Японией и Китаем, либо по установлении справедливого мира в Тихоокеанском бассейне, и оно готово отвести войска, расположенные в южной части Французского Индо-Китая, в северную часть его по заключении настоящего соглашения.

Эти пункты означали, что Япония требует полного устранения США от дальневосточных дел и предоставления полной свободы деятельности Японии в Китае, Индо-Китае, Таи и Голландской Индии. Они далее означали, что США должны обеспечить Японию стратегическим сырьем и оказать ей финансовую помощь в борьбе с намеченными ею жертвами.

Такие требования предъявляют побежденной стране. Правительство США отвергло их, и 26 ноября Хэлл передал Курусу следующие американские контрпредложения в качестве основы для переговоров: 1) заключение многостороннего пакта о ненападении между правительствами, особенно заинтересованными в бассейне Тихого океана; 2) заключение между особенно заинтересованными правительствами соглашения уважать территориальную целостность Индо-Китая и не стремиться к получению и не принимать экономических льгот в этой стране; 3) не поддерживать какое-либо правительство в Китае, кроме национального правительства Китайской республики с временной столицей в Чунцине; 4) отказаться от прав экстерриториальности и других особых прав в Китае и стремиться получить согласие других правительств, располагающих в настоящее время подобными правами, отказаться от них; 5) начать переговоры о торговом соглашении, основанном на принципе взаим-

ного наибольшего благоприятствования; 6) отменить секвестры, наложенные одной страной на фонды другой; 7) достигнуть соглашения о плане стабилизации курса доллара и иены; 8) договориться о том, что никакое соглашение, заключенное с какой-либо третьей державой или державами, не будет истолковываться как противоречащее основным задачам этого соглашения; 9) использовать свое влияние с тем, чтобы побудить другие правительства присоединиться к основным политическим и экономическим принципам, изложенным в предложенном соглашении.

Японское правительство намеренно затягивало ответ на американское предложение и в это время усиленно концентрировало войска в Индо-Китае и флот вблизи американских и английских владений.

6 декабря Рузвельт обратился с личным посланием к японскому императору, в котором он указывал на концентрацию 28 тысяч японских солдат в южной и 25 тысяч в северной части Французского Индо-Китая и на отправку большого количества войск в воды Сиамского залива. Рузвельт обращал внимание на то, что такое положение не может долго продолжаться, так как народы Филиппинских островов, Малайи, Голландской Индии и Таи не могут в течение неопределенного времени или постоянно сидеть на пороховом погребе.

7 декабря 1941 г. морские и воздушные силы Японии внезапно напали на Гавайские острова, Филиппины, острова Уэйк, Гуам и Мидуэй, на Гонконг, Малайю и другие английские владения. Лишь через час после уже совершенного нападения к Хэллу явились японский посол в Вашингтоне Намура и Курусу и представили меморандум, в котором Япония отвергла контрпредложения США. Она обвинила правительства США и Англии в том, что они оказывают помощь Китаю и давление на Голландскую Индию. Предложения, касающиеся Китая и Индо-Китая, отвергались потому, что они не учитывают „действительной обстановки в Китае и рассчитаны на разрушение положения Японии, как стабилизующего фактора в Восточной Азии". В заключение в японском меморандуме говорилось: „Японское правительство с сожалением видит себя вынужденным настоящим уведомить американское правительство, что оно не может не считать, что достижение соглашения путем дальнейших переговоров невозможно".

Так началась война между Японией и США, с одной

стороны, и между Японией и Великобританией — с другой. В послании конгрессу от 8 декабря Рузвельт указал на вероломный и предумышленный характер нападения, которое подготовлялось под дымовой завесой переговоров, имевших целью ввести Соединенные Штаты Америки в заблуждение при помощи лживых заявлений и выражения надежды на сохранение мира. „Сколько бы времени,— говорилось далее в послании,— ни понадобилось для того, чтобы справиться с этим предумышленным вторжением, американский народ в результате своей правоты и мощи добьется полной победы. Я считаю, что выражаю волю конгресса и народа, когда я утверждаю, что мы не только будем до конца защищать себя, но также полностью обеспечим, чтобы подобная форма предательства никогда снова не угрожала нам"[1].

В выступлении по радио 9 декабря Рузвельт заявил, что Американский конгресс и народ приняли брошенный вызов. Американцы будут драться вместе с другими свободными народами за „право жить свободными среди своих соседей"[2].

Правительство США не питало никаких иллюзий насчет длительности войны. „Эта война будет не только длительной, но и трудной,— продолжал Рузвельт.— На такой именно перспективе мы сейчас строим все наши планы".

Нападение Японии на США совпало с окончанием переоборудования американской промышленности, постройкой конвейеров и переходом к серийному производству танков, самолетов и других видов боевых машин, в результате чего с американских конвейеров поступает непрерывный поток танков, самолетов, пушек, пароходов, снарядов и оборудования. США, кроме того, приступили к новому расширению существующих заводов и к постройке громадного количества новых гигантов металлургии, танковых, авиационных и пушечных заводов, верфей и т. п.

„США не согласятся,— заявил Рузвельт,— ни на какой исход войны, кроме победы, полной и окончательной. Нужно не только смыть позор японского вероломства, но и окончательно и полностью уничтожить корни международного зверства, где бы они ни находились... В мире, который управляется на основе принципов банди-

[1] „Правда" от 9 декабря 1941 г.
[2] „Правда" от 11 декабря 1941 г.

тизма, не существует безопасности ни для одной страны и ни для одного человека... Мы рассчитываем устранить опасность, угрожающую нам со стороны Японии, но мы добились бы очень немногого, если бы мы это сделали и убедились в том, что остальной мир находится под господством Гитлера и Муссолини. Мы выиграем войну и выиграем мир, который после нее будет заключен".

Тотчас же после начала войны с Японией США созвали в Рио-де-Жанейро панамериканскую конференцию, которая вынесла решение, что все американские государства порвут дипломатические отношения с державами „оси". Все государства Америки, кроме Аргентины и Чили, выполнили это решение, а некоторые — Никарагуа, Коста-Рика, Сан-Доминго, Гватемала, Сальвадор, Панама, Гондурас, Куба и Гаити — тогда же объявили войну Японии. Так же позже поступили Бразилия и Мексика.

Со вступлением США в войну реальное соотношение сил обеих коалиций радикально изменилось. Все неизмеримые экономические, промышленные, финансовые и людские ресурсы великой заатлантической республики были отныне отданы служению войне с Германией и Японией. Об этой гигантской силе говорит американская программа производства вооружения на 1942 и 1943 гг. В 1942 г. запроектировано 60 тысяч самолетов, 45 тысяч танков, 20 тысяч зенитных орудий и 8 миллионов тонн торговых судов. Соответствующие цифры на 1943 г. составляют: 120, 75, 35 тысяч и 10 миллионов. Производственная программа за первые девять месяцев 1942 г. выполнена, а по некоторым видам даже перевыполнена.

Однако и после вступления США в войну всю тяжесть войны с Германией принуждена нести на своих плечах Красная Армия. США понадобился достаточно длительный срок для превращения военного потенциала в боевую готовность. Несмотря на это, вступление США в войну еще больше укрепило антифашистскую коалицию и вселило уверенность в окончательной победе.

Когда Япония делала последние приготовления для нападения на США и Англию и твердо была уверена вместе с гитлеровской Германией, что Советский Союз уже перестал существовать как международный военно-политический фактор, на советско-германском фронте произошли события, которые резко изменили военно-политическую обстановку. Красная Армия, которая вела до того лишь оборонительные бои, изнуряла и изматывала врага,

уничтожая его живую силу и технику, в начале декабря 1941 г. приостановила продвижение гитлеровских полчищ, перешла в контрнаступление и разгромила их под Москвой, Калининым, Тулой, Тихвином, Ельцом и заставила отступать почти по всему фронту. Рядом мощных ударов Красная Армия сорвала с гитлеровских армий ореол „непобедимости".

Анализируя военное положение после приостановки продвижения немецких армий в 1941 г., товарищ Сталин писал в приказе к XXIV годовщине Красной Армии: „Теперь уже нет у немцев того военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии"[1].

Товарищ Сталин тогда предостерегал от зазнайства и бахвальства. Он обращал внимание на то, что немецкая армия еще не разбита: „Враг еще силен. Он будет напрягать последние силы, чтобы добиться успеха"[2]. У немцев все еще оставались два важных преимущества. Красная Армия боролась с немецкой армией одна, а немецкая армия имела на своей стороне итальянскую, венгерскую и румынскую армии. Красная Армия не имела еще непосредственной поддержки со стороны английской и американской армии.

Предвидя, что Красной Армии придется еще долгое время одной сдерживать яростный напор вражеских орд, товарищ Сталин призывал к усиленной подготовке и обучению резервов для Красной Армии, к увеличению производства боеприпасов. „Поэтому необходимо, — подчеркнул товарищ Сталин, — чтобы в нашей стране ни на минуту не ослабевала подготовка резервов на помощь фронту. Необходимо, чтобы все новые и новые войсковые

---

[1] *Сталин*, О великой отечественной войне Советского Союза стр. 37.

[2] Там же, стр. 38.

части шли на фронт ковать победу над озверелым врагом. Необходимо, чтобы наша промышленность, особенно военная промышленность работала с удвоенной энергией. Необходимо, чтобы с каждым днем фронт получал все больше и больше танков, самолетов, орудий, минометов, пулеметов, винтовок, автоматов, боеприпасов.

В этом один из основных источников силы и могущества Красной Армии"[1].

В то время, когда Красная Армия сдерживала полчища Германии и ее сообщников в Европе, советская дипломатия не сидела сложа руки. Она активно и плодотворно работала по укреплению содружества между государствами антигитлеровской коалиции и, в частности, много сделала для укрепления боевого содружества Советского Союза с Великобританией и США.

4 декабря 1941 г. в Москве была подписана товарищем Сталиным и председателем совета министров Польской республики генералом Вл. Сикорским советско-польская декларация, в пункте первом которой заявлялось, что с немецко-гитлеровским империализмом „невозможен никакой компромисс.

Оба союзных государства, совместно с Великобританией и другими союзниками, при поддержке Соединенных Штатов Америки будут вести войну до полной победы и окончательного уничтожения немецких захватчиков"[2] Далее говорилось о том, что оба правительства окажут друг другу во время войны полную военную помощь, а в мирное время их взаимоотношения будут основаны на добрососедском сотрудничестве, дружбе и обоюдном честном выполнении принятых на себя обязательств. „После победоносной войны и соответственного наказания гитлеровских преступников,—гласит пункт третий декларации,— задачей союзных государств будет обеспечение прочного и справедливого мира. Это может быть достигнуто только новой организацией международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз. При создании такой организации решающим моментом должно быть уважение к международному праву, поддержанному коллективной вооруженной силой всех союзных государств. Только при этом условии может быть восстановлена Европа, разрушенная германскими варварами, и может быть создана

[1] *Сталин*, О великой отечественной войне Советского Союза, стр. 38—39.

[2] „Правда" от 5 декабря 1941 г.

гарантия, что катастрофа, вызванная гитлеровцами, никогда не повторится".

Важными этапами на пути к укреплению боевого содружества демократических держав явились поездки во второй половине декабря 1941 г. Черчилля в Вашингтон и Идена в Москву.

1 января 1942 г. в Вашингтоне, в Белом доме, была подписана общая декларация Соединенных Штатов Америки, Объединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, СССР, Китая, Австралии, Бельгии, Индии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Люксембурга, Чехословакии, Доминиканской республики, Эль-Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Голландии, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южно Африканского Союза и Югославии. Все 26 государств подтвердили свою верность „Атлантической хартии" Рузвельта—Черчилля и выразили убеждение в том, что „полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости как в их собственных странах, так и в других странах".[1] Каждое из подписавших декларацию государств обязалось употребить все свои людские, экономические и военные ресурсы для борьбы против государств тройственного пакта (Германия, Италия и Япония) и присоединившихся к ним государств и не заключать сепаратного мира.

Решающее влияние на ход войны и устройство послевоенного мира окажут, несомненно, заключенные в мае и июне международные акты между Советским Союзом, Великобританией и США.

Во время пребывания Идена в Москве в декабре 1941 г. были начаты переговоры по вопросу о ведении войны и организации послевоенного мира и безопасности в Европе. Эти переговоры велись затем дипломатическим путем в Лондоне и Москве и были закончены в Лондоне подписанием 26 мая 1942 г. договора между Советским Союзом и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.

В совместном англо-советском коммюнике по поводу переговоров, закончившихся подписанием этого важнейшего международного акта, определяющего политику обеих стран на целые десятилетия вперед, говорится:

---

[1] „Правда" от 3 января 1942 г.

„Оба правительства уверены в том, что договор послужит прочной базой для добрых отношений между обеими странами в будущем и еще больше укрепит тесное и сердечное взаимопонимание, уже существующее между Советским Союзом и Соединенным Королевством, а также между обеими странами и Соединенными Штатами Америки, которые были информированы о ходе переговоров. Обе страны уверены также, что договор явится новым мощным оружием в борьбе до полной победы над гитлеровской Германией и ее сообщниками в Европе и обеспечит тесное сотрудничество обеих стран после победоносной войны“[1].

Англо-советский договор состоит из двух частей. Первая часть повторяет содержание соглашения от 12 июля 1941 г. и значительно расширяет его. По новому договору оба правительства обязались „оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе“. Оба правительства далее обязались не вступать в переговоры с Гитлером и любым другим германским правительством, которое „ясно не откажется от всех агрессивных намерений“, и не заключать перемирия и мира с Германией и ее сообщниками в Европе иначе, как с обоюдного согласия.

Вторая часть договора вносит что-то новое не только в англо-советские отношения, но и в международную практику. Обычно союзные договоры заключаются на военный период, и срок действия их оканчивается вместе с окончанием войны. Особый характер данной войны побудил оба правительства уже теперь связать судьбу обеих стран на целые десятилетия вперед после войны „в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе“.

Вторая часть договора устанавливает основные принципы сотрудничества между обеими великими державами после войны, предусматривает сотрудничество во время заключения мира и в послевоенный период между СССР и Англией, с одной стороны, и между ними и другими объединенными нациями — с другой. Само сотрудничество должно происходить и развиваться в согласии с основными принципами „Атлантической хартии“.

Эта часть договора определяет задачи и обоюдные обязательства по обеспечению мира и оказанию друг другу

[1] „Правда“ от 12 июня 1942 г.

экономической помощи после войны. Оба правительства выразили желание „объединиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии". Они обязались, не ожидая объединения с другими государствами, принять самим тотчас же после окончания войны такие меры, которые сделают „невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе". Оба государства обязались оказать друг другу военную помощь, если одно из них подвергнется нападению со стороны Германии или любого иного государства.

Оба правительства далее обязались и после войны работать совместно в тесном и дружественном сотрудничестве на основе двух принципов: отказе от территориальных приобретений и невмешательстве во внутренние дела других государств.

Оба государства обязались также оказывать друг другу экономическую помощь после войны, не заключать друг против друга никаких договоров и не участвовать в направленных друг против друга коалициях.

В речи при подписании договора Иден обратил внимание на две задачи, которые нашли свое отражение в документе. Первая — „низвержение Гитлера и уничтожение всего того, что знаменует его режим"; вторая задача состоит в устройстве послевоенного мира в результате одержанной победы.

„Мы должны позаботиться о том, — сказал Иден, — чтобы на этот раз мир был прочным. В договоре, который мы подписали, мы обязуемся работать совместно во имя этой цели. Никогда еще в истории наших двух стран наша ассоциация не была столь тесной. Никогда наши взаимные обязательства в отношении будущего не были столь совершенными. Это, безусловно, является счастливым предзнаменованием. В нашем соглашении нет ничего исключающего. Мы стремимся к миру и безопасности не только для обеих наших стран, но и для всех объединившихся наций. Но взаимоотношение между нами является одной из основ мира не только для нас, но и для всего мира"[1].

В ответной речи т. Молотов, в свою очередь, охарактеризовал значение англо-советского договора. „Настоящий договор, — говорил он, — определяет общую линию действ-

[1] „Правда" от 12 июня 1942 г.

вий Советского Союза и Великобритании также и после войны: 20-летний срок действия этого договора по окончании войны,—действия на основе военной и экономической взаимопомощи против возможной новой агрессии со стороны Германии и во имя обеспечения безопасности и экономического благополучия народов Европы,—говорит сам за себя; Гитлер и его сообщники по кровавому разбою в Европе теперь еще больше почувствуют, как крепнут и сплачиваются объединенные силы их противников. Тем лучше для нас, для наших народов, для нашего общего дела.

Этот договор говорит и содержит больше, чем известное англо-советское соглашение прошлого года. Договор 26 мая 1942 года является новым, важным этапом в развитии англо-советских отношений на основе союза и военной взаимопомощи против нашего общего и непримиримого врага в Европе, как сейчас, так и в будущем. Он дает надежную основу для совместной борьбы и после войны, что во многом усиливает его значение".

Благородные цели и задачи, осуществления которых оба государства полны решимости добиваться, для чего и заключен англо-советский договор, и обязательства, вытекающие из него, определены достаточно четко.

Англо-советское соглашение от 12 июля 1941 г. имело в виду лишь совместную борьбу против гитлеровской Германии. Первая часть нового договора распространяет боевое содружество СССР и Англии против всех сообщников Германии по агрессии в Европе. Это имеет чрезвычайно большое политическое и военное значение.

Вторая часть договора обеспечивает политическое, военное и экономическое содружество Советского Союза и Великобритании на послевоенный период в целях обеспечения мира и предотвращения нового нападения со стороны Германии или какой-либо другой страны в Европе. Благотворное политическое влияние этой части договора скажется уже на второй день после заключения перемирия и заранее уничтожает надежды Германии и ее сообщников в Европе, что они смогут играть после войны на противоречиях союзных стран и использовать эти противоречия, как это было после 1919 г., в собственных интересах. Оба правительства учли уроки истории последних 20 лет и, во избежание повторения уже однажды проделанной Германией комедии покорности и миролюбия, обязались сохранять военный союз на 20 лет после войны, с последующим его продлением.

Англо-советский договор ограничивает обязательства обеих стран пределами Европы и делает Советский Союз и Великобританию гарантами послевоенного справедливого демократического мира в этой части света.

29 мая т. Молотов по приглашению Рузвельта посетил Вашингтон и пробыл там несколько дней в качестве гостя президента. В результате обмена мнений по всем интересующим Советский Союз и США вопросам было опубликовано совместное советско-американское коммюнике, наиболее существенная часть которого гласит: „Были подвергнуты обсуждению мероприятия по увеличению и ускорению поставок Советскому Союзу самолетов, танков и других видов вооружения из США. Дальше обсуждались основные проблемы сотрудничества Советского Союза и Соединенных Штатов в деле обеспечения мира и безопасности для свободолюбивых народов после войны. Обе стороны с удовлетворением констатировали единство взглядов во всех этих вопросах“[1].

В развитие достигнутой принципиальной договоренности 11 июня было подписано в Вашингтоне соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Оба правительства заявили во вводной принципиальной части соглашения, что их борьба является общим делом, „направленным к созданию основ справедливого и прочного общего мира, обеспечивающего законный порядок им самим и всем другим народам“; что они остаются верными „Атлантической хартии“ от 14 августа 1941 г. и Декларации объединенных наций от 1 января 1942 г.; что президент Рузвельт распространил на Советский Союз закон от 11 марта 1941 г. о предоставлении оружия взаймы или в аренду и признал, что „оборона Союза Советских Социалистических Республик против агрессии жизненно важна для обороны Соединенных Штатов Америки“ и что на основании этого закона СССР уже получил и продолжает получать помощь со стороны США „в деле сопротивления агрессии“. Оба правительства признали „целесообразность того, чтобы окончательное определение условий, на которых Правительство Союза Советских Социалистических Республик получает указанную помощь, и выгод, которые взамен должны получить Соединенные Штаты Америки, было отложено до тех пор, пока не станет известен объем оборонной

[1] „Правда“ от 12 июня 1942 г.

помощи и пока ход событий не сделает более ясными окончательные условия и выгоды, которые соответствовали бы общим интересам Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки и содействовали бы созданию и поддержанию мира во всем мире"[1].

Оба правительства обязались и впредь продолжать снабжать друг друга необходимыми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией. Соглашение обязывает Советское правительство вернуть США после войны полученные от них военные материалы, которые окажутся не уничтоженными и годными к употреблению, а правительство США — принять во внимание при общем расчете полученное от СССР имущество, обслуживание и информацию. Соглашение предусматривает, что условия окончательного расчета по предоставлению оборонной помощи Советскому Союзу Соединенными Штатами Америки и обратно должны способствовать расширению торговли и содействовать выгодному развитию экономических отношений между обеими странами и улучшению мировых экономических отношений. „С этой целью они должны предусмотреть возможность согласованных действий Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик, к которым могли бы присоединиться все другие одинаково с ними мыслящие государства и которые были бы направлены к расширению, путем соответствующих международных и внутригосударственных мероприятий, производства, использования рабочей силы, а также обмена и потребления товаров, что составляет материальную основу свободы и благосостояния всех народов; к уничтожению всех форм дискриминации в международной торговле и к сокращению пошлин и других торговых барьеров и вообще к достижению всех экономических целей, изложенных в совместной Декларации Президента Соединенных Штатов Америки и Премьер-Министра Соединенного Королевства от 14 августа 1941 года, к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик".

Англо-советский договор от 26 мая построен на принципах боевого содружества в борьбе с агрессором, отказа от территориальных приобретений и признания прав всех народов на национальное самоопределение. Он

---

[1] „Правда" от 13 июня 1942 г.

обеспечивает единство взглядов двух союзников во время войны и в послевоенное время.

История учит, что боевого содружества достаточно для завоевания победы, но для удержания плодов победы необходимо нечто большее: такая же реальная и несокрушимая сила и единство действий союзников после войны, какие существовали между ними во время войны. Англо-советский договор гарантирует в течение 20-летнего послевоенного периода военное и политическое единство обоих народов и напряжение их усилий, направленных к одной цели — к обеспечению безопасности и прочности завоеванного мира.

Советско-американское соглашение, подобно такому же соглашению, заключенному в марте 1942 г. между Англией и США, носит предварительный характер, и оно должно быть в скором будущем заменено постоянным договором. Оно положило прочную основу финансированию постоянно увеличивающихся поставок из США вооружения и стратегического сырья Советскому Союзу. „Значение этого советско-американского соглашения в том,— сказал т. Молотов на сессии Верховного Совета Союза ССР 18 июня 1942 г.,—что оно не только исходит из признания факта установившегося боевого сотрудничества Советского Союза и Соединенных Штатов Америки в нынешней войне против гитлеровской Германии, но и устанавливает согласованность действий между обеими странами в послевоенный период. Соглашение означает договоренность между СССР и США в вопросе об улучшении международных отношений после войны в интересах прочности мира. Поэтому вашингтонское соглашение имеет большое значение как для Соединенных Штатов и Советского Союза, так и для других народов“[1].

И после подписания договора с Англией и соглашения с США отношения между тремя великими державами крепли. В середине августа Москву посетили премьер Великобритании У. Черчилль в сопровождении постоянного заместителя министра иностранных дел сэра Александра Кадогана и начальника имперского генерального штаба сэра А. Брука и представитель президента США Рузвельта—Гарриман. В происходивших переговорах с Советским правительством были приняты важные решения по вопросу о ведении войны с гитлеровской Германией и ее сообщниками. В англо-советском коммюнике о московских переговорах

---

[1] „Правда“ от 19 июня 1942 г.

говорится: „Эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании“[1].

В своей речи 8 сентября в палате общин Черчилль, касаясь поездки в Москву и встречи с товарищем Сталиным, не скрыл, что русский народ считает, что Англия и США еще недостаточно сделали для того, чтобы снять часть тяжелого бремени с плеч Советского Союза. „И это не удивительно,— сказал Черчилль,— принимая во внимание ожесточенность натиска, который они выдерживают с исключительным упорством... Но я убежден, что мы вселили в вождей России чувство уверенности в нашей лойяльности и искренней решимости притти русским на помощь так быстро, как только возможно, не считаясь с жертвами и потерями, раз это нужно для победы“[2].

В тот же день, 8 сентября, выступил по радио Рузвельт, который в свою очередь заявил, говоряо русском фронте: „Дело выглядит таким образом, что миллионы германских солдат обречены на проведение еще одной жестокой зимы на русском фронте. Русские убивают больше нацистов и уничтожают больше самолетов и танков противника, чем уничтожаются на каком-либо другом фронте. Они сражаются не только храбро, но сражаются блестяще. Несмотря на все неудачи, Россия выдержит и при помощи своих союзников прогонит в конечном счете всех до единого нацистов со своей земли“[3].

Мужество и мощь Красной Армии, политико-моральное единство советского народа, единство благородных задач и целей, связывающих народы СССР, Великобритании и США, договоры и соглашения, конкретизирующие общие мероприятия по их осуществлению, являются гарантией разгрома Германии и ее сообщников и установления прочного мира.

Постоянно крепнущим связям между нашей родиной и другими великими державами мира, свидетельством чего является приезд во второй половине сентября в Москву личного представителя Рузвельта Уэнделла Уилки, мы обязаны мужеству и стойкости Красной Армии и огромным жертвам, которые приносят советские народы для уничтожения врага всего человечества — гитлеризма,

[1] „Правда“ от 18 августа 1942 г.
[2] „Правда“ от 10 сентября 1942 г.
[3] Там же.

Постоянное усиление удельного веса Советского Союза в военном и политическом отношении нашло свое выражение в развитии и укреплении связей между тремя союзными державами. Это подтверждают слова товарища Сталина в первомайском приказе: „Что касается международных связей нашей родины, то они окрепли и выросли в последнее время, как никогда. Против немецкого империализма объединились все свободолюбивые народы. Их взоры обращены к Советскому Союзу. Героическая борьба, которую ведут народы нашей страны за свою свободу, честь и независимость, вызывает восхищение всего прогрессивного человечества. Народы всех свободолюбивых стран смотрят на Советский Союз, как на силу, способную спасти мир от гитлеровской чумы. Среди этих свободолюбивых стран первое место занимают Великобритания и Соединенные Штаты Америки, с которыми мы связаны узами дружбы и союза и которые оказывают нашей стране все большую и большую военную помощь против немецко-фашистских захватчиков.

Все эти обстоятельства говорят о том, что наша страна стала намного сильнее“[1].

---

[1] *Сталин*, О великой отечественной войне Советского Союза, стр. 47.

3 р. 70 к.